

Виталий Парфенов

Из рати подвижников

НИА-Природа
РЭФИА
Москва - 2001

В.Ф. Парфенов. Из рати подвижников. -М.:НИА-Природа, РЭФИА, 2001.-136 с.

В книге объединены очерки о выдающихся наших современниках – писателе В.А.Чивилихине, академиках РАН В.А.Коптюге и А.Л.Яншине, которые, несмотря на разные профессиональные интересы и непростые времена всевозможных преобразований, стояли, каждый по-своему, у истоков развития природоохранительного мышления, подвижнически защищая окружающую природную среду, отстаивая интересы живущих ныне и будущих поколений людей от бездумного “покорительства” Природы и потребительского использования ее ресурсов, предупреждая о большой опасности со стороны надвигающегося глобального экологического кризиса.

Для широкого круга читателей.

ISBN 5-7844-0055-X

“ПОДВИЖНИКИ НУЖНЫ КАК СОЛНЦЕ”

(Вместо вступительного слова)

Эти строки А.Чехова о знаменитом русском путешественнике и исследователе Н. Пржевальском любил повторять писатель Владимир Чивилихин, ставший сам ярким явлением в русской литературе второй половины XX века, примером бесстрашного “путешествия в прошлое” и глубокого исследования острейших проблем современности, в которых только самые прозорливые умы могли тогда разглядеть грозные опасности, одолевая которые нам ещё предстоит в наступившем новом столетии.

В книге учёного Виталия Парфёнова, известного, помимо сугубо научных трудов по организации рационального природопользования, в частности, комплекса в кедровом лесу, ещё и яркими, страстными публицистическими выступлениями в защиту Природы, объединены очерки о трёх выдающихся наших современниках - об известном писателе, лауреате многих литературных премий, и двух учёных с мировыми именами, блестящих организаторах науки, внёсших огромный личный вклад в её развитие. Что могло объединять этих в общем-то очень разных по профессиональным интересам и дарованиям людей? Почему имена их поставлены рядом?

Выделю сразу для ясности два момента: во-первых, все они, каждый по-своему, выступали в защиту Природы и более того - стали одними из основоположников нового, экологического, мышления, без которого немыслимо представить себе человечество в новом тысячелетии; во-вторых, в трудах своей жизни, которые точнее надо бы назвать непрерывной и бескомпромиссной битвой (где и когда новое пробивает себе дорогу без борьбы?!), все они проявили себя именно подвижниками в полном смысле этого слова. Мало было свершить свой жизненный подвиг - они поднимали на подвиги других, они обозначали высокие цели, достичь которые было делом, достойным человека, они намечали пути достижения этих целей и указывали чёткие ориентиры на этих путях.

В своё время, на переломе 50-60 годов прошлого века, на всю страну прозвучало со страниц “Комсомольской правды” крылатое слово “Кедроград”, рождённое тогда ещё начинающим писателем-публицистом Владимиром Чивилихиным. Речь шла об эксперименте по комплексному освоению кедровых лесов Сибири, предложенном группой молодых выпускников Ленинградской лесотехнической академии. А писатель одним из первых прозорливо разглядел в этом зародыш нового, не потребительского и шапкозакидательского отношения к природе, но стремление жить с ней в ладу, по её законам, которым человечество либо подчинится, постигая всю их глубину и мудрость, либо... исчезнет с лица Земли, как исчезла, наверное, уже не одна цивилизация. Из первого очерка этой книги мы видим, сколько крови и нервов, сколько сил затратили инициаторы эксперимента (а к ним по праву можно отнести и писателя Владимира Чивилихина) на то, чтобы проломить стену чиновного равнодушия. Нельзя сказать, что всё им удалось, как задумывалось. Ведь по сути, и теперь это отчётливо видно, бороться им приходилось с “пережитками социализма” (по аналогии с навязшими в зубах “пережитками капитализма”), то есть с командно-административной системой, где планы и инструкции нередко ставились выше живого дела.

По очеркам видно, хотя впрямую об этом и не говорится, что кедроградцы сделали главное: они привлекли внимание общественности к проблемам экологии, стали своеобразным эмбрионом, из которого развилось вскоре мощное движение, ставшее неодолимой преградой на пути разного рода авантюристов. Авантюристов, нашумевших «проектами века» - переброской стока части северных рек на юг или строительством промышленных монстров, грозящих погубить чистейшее озеро Байкал или естественный природный заповедник - Горный Алтай. Идеи Кедрограда проросли в сознании не только жителей России, они стали частью общемирового сдвига в сознании, который привёл в итоге к проведению крупных международных конференций по проблемам разумного природопользования и, в частности, к исторической “Декларации Рио”.

... Другое дело, что нынешним нашим “реформаторам” выводы Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992) ну никак не по вкусу, они-то разворачивают страну на совсем иной курс, превращая её в сырьевой придаток стран так называемого “золотого миллиарда”, а теперь ещё и в свалку радиоактивных отходов. Видимо, поэтому о знаменательной конференции в Рио знает всю правду

только узкий круг специалистов. И нужно было подвижничество академика В. Коптюга, чтобы оперативно осветить существо поставленных и решённых на ней проблем и выработанных документов, довести их по возможности до более широкого круга людей, прежде всего экологов, чтобы в России тоже появились документы по “устойчивому развитию”, соответствующие духу Рио.

Третий герой книги В. Парфёнова - академик А. Яншин был одним из тех, высокий авторитет и личное мужество которого помогли поломать почти уже осуществившиеся планы ведомственных монстров и обслуживающих их деятелей от науки - зловещие суперпроекты, планы такого “покорения природы”, после которого, может, и покорять-то ничего не осталось бы. В его подвижничестве есть и свой особенный оттенок... Сам достигший в науке огромных высот и мирового признания, он остаток жизни положил на то, чтобы... полностью вернуть народу полузабытое, а точнее положенное под сукно из-за недопонимания и идеологических наслоений научное наследие гениального нашего соотечественника академика В.И. Вернадского. Сколь велик этот нравственный подвиг А. Яншина, отложившего свои труды ради того, чтобы восстановить справедливость по отношению к своему предшественнику, говорит то обстоятельство, что идеи В.И. Вернадского о биосфере и развитии её в ноосферу - сферу разума легли в основу той самой концепции «устойчивого развития» человечества, к которой пришло наконец в трудном поиске мировое сообщество.

Как же полезно будет прочесть эту небольшую книгу студентам самых различных вузов, но прежде всего тех, которые наиболее близки к проблемам экологии! Как могла бы она помочь старшеклассникам, выбирающим свой путь в жизни...

Тем более, что суховатая по стилю изложения - сказывается стремление предельно опираться на факты и документы - книга эта глубока по смыслу и в высшей степени правдива. Любопытный Читатель (именно к таковому обращался, как известно, писатель Владимир Чивилихин в знаменитом своём романе-эссе “Память”, а по сути - во всём своём творчестве) найдёт здесь для себя массу информации по острейшим проблемам современности. И подивится мужеству и смелости самого автора, В. Парфёнова, много лет отдавшего Кедрограду, а затем продолжившего свою жизненную битву уже другим видом оружия - работой над документами в Минлесхозе РСФСР и позднее в аппарате Правительства России, служа всё тому же делу - защите родной Природы.

В.М. Свининников,

член Союза писателей России, член-корреспондент Международной академии информатизации

НЕ ИЗМЕНИВШИЙ СУДЬБЕ

О писателе Владимире Чивилихине

*Если день смерк,
если звук смолк,
Всё же бегут вверх
соки сосновых смол.
Н. Асеев, "Реквием"*

Такие слова асеевского реквиема писатель Владимир Чивилихин избрал в качестве эпиграфа для своего путевого дневника "Месяц в Кедрограде", изданного в виде художественно-публицистического очерка в 1965 году, когда уже стало ощущаться похолодание в "хрущёвской оттепели". Этот же эпиграф вполне применим для всего творчества писателя: его высокохудожественные и подвижнические произведения воспитывают у людей неоценимые свойства человеческой натуры - патриотизм, бескорыстие, неистребимое желание послужить Отечеству, что особенно актуально в наши дни.

Он ушёл из жизни в возрасте 56 лет неожиданно для себя и других в ураганный субботний вечер 9 июня 1984 года на подмосковной даче, истратив за несколько минут до кончины свой последний физический потенциал в безуспешной борьбе с разыгравшейся стихией, пытаясь приподнять и закрепить надломленную ураганом тяжёлую крону трёхметрового кедра, привитого на сосне. Всю жизнь боролся писатель за сохранение кедровых лесов Сибири и Дальнего Востока и для этого одного, любовно выращенного деревца, не пожалел себя.

х х х

Я знал Владимира Чивилихина без малого 30 лет, и многие его произведения рождались на моих глазах. Это был широко и перспективно мыслящий, бесспорно очень талантливый человек. Даже необычайно скупой на похвалу Леонид Леонов говорил о Чивилихине так: "Талантлив. И знает много, точно, за что возьмётся". Будучи глубоко гражданственным, он обладал внутренней правдивостью в отражении действительности, умением обнажить и утвердить в сознании потенциальные возможности личности, истоки её народности.

А ещё была присуща ему врождённая любознательность, которую не смогли погасить ни ранняя безотцовщина, ни начавшееся с детских лет трудовое лихолетье в дымном депо на маленькой сибирской станции Тайга (может, потому так нежно и особенно романтично звучит всегда в чивилихинских произведениях слово "тайга"). До книг ли было? Но он успевал много прочесть, вёл даже дневник, который спустя много лет использовал при написании "Памяти".

Однако тяга к знанию требовала большего, мечтой стал МГУ, факультет журналистики. Чивилихин верил в свою "звезду", несмотря на скептицизм друзей и близких. Все вступительные экзамены сдал "на отлично" и... не был принят в университет. Но этот нокаутирующий удар реальной действительности лишь пробудил упорство в поисках справедливости, которое сохранилось у него на всю жизнь. Он все-таки добился своего: стал студентом МГУ и закончил факультет журналистики с отличием в 1954 году. А в 1958 году К.Е. Ворошилов уже вручал ему в Кремле первую правительственную награду за плодотворную журналистскую деятельность в газете "Комсомольская правда". Позднее будут и другие правительственные награды, он станет лауреатом премии Ленинского комсомола (1966), Государственных премий РСФСР (1977) и СССР (1982).

Владимир Чивилихин пришёл в журналистику, а затем в литературу со своими выстраданными убеждениями и период работы в “Комсомольской правде” считал для себя первоэтапным, становленческим, обогатившим его знакомством со многими яркими людьми, образы и судьбы которых он талантливо изображал в своих произведениях.

Раскрывающийся талант всегда ищет и находит пути соприкосновения с большим талантом. Для Чивилихина решающим стало приобщение к уникальному леоновскому духовному миру, определившему в конечном счёте направление духовных и творческих исканий молодого писателя. Явственно прочувствованная им высокая идея “Русского леса” Леонида Леонова утверждала в правоте то мужественное упрямство, с которым он бился за сохранение лесов в документальной повести “Шуми, тайга, шуми!” (1960), в очерках “Месяц в Кедрограде” (1962) и “О чём шумят русские леса?” (1965), ибо лес для Чивилихина не просто миллиардное скопище деревьев, пригодных только на поленья, а трудовая история народа, изначальная природа русской души, колыбель, в которой вынынчилась и выросла наша национальная самобытность, оправленная в драгоценную вязь народных песен и легенд.

У каждого произведения, как и у человека, своя судьба. Одни рождаются легко и живут недолго, другие, выпестованные в труде и творческих исканиях, живут всегда, продолжая служить людям. У чивилихинских произведений нет лёгких судеб, все они создавались с огромной затратой внутренних сил, с проведением подчас глубоких научных исследований. Так были написаны публицистические очерки “Светлое око Сибири” (1963) - о Байкале, “Там, где Волга впадает в море...” (1965) - о спасении реликтовых осетровых рыб, “Как вам дышится, горожане? (1967) - о загрязнении воздушного бассейна, “Земля в беде” (1968), “Шведские остановки” (1973) - о сохранении окружающей среды, которые стали набатным предупреждением и страстным призывом автора к необходимости оберегать природу - основу жизни на Земле.

Владимир Чивилихин раньше других почувствовал опасную угрозу от ненормальных взаимоотношений между Человеком и Природой. Он старался донести до людей тревогу за предстоящее будущее, предпринимая одновременно собственные усилия для нормализации обстановки. В этом отношении показателен пример его многолетнего содружества с выпускниками Ленинградской лесотехнической академии, решившими в конце 1950-х годов осуществить в алтайской кедровой тайге молодёжный эксперимент по созданию лесного предприятия нового типа на принципах постоянства и равномерности природопользования.

Владимиру Чивилихину весьма импонировала суть замысла молодых лесоводов: “Они предложили и предварительно обосновали очень перспективный организационный и экономический принцип в подходе к богатствам сибирской кедровой тайги - государственное лесное хозяйство нового типа должно к о м л е к с н о (разрядка В. Чивилихина - В.П.) брать все таёжные дары: древесину, кедровый орех, пушную и снедную дичь, живицу, пихтовое масло, маральи панты, лекарственные растения, мёд, ягоды, грибы. И не только заготавливать всё это в оптимальных размерах, но и восстанавливать производительность лесной природы, чтоб золотая кедровая тайга жила вечно и вечно могла делиться с людьми своими благостями. Энтузиасты намечали также разработать передовые методы подсочки, рубки и восстановления горных лесов Сибири, механизировать ореховый промысел, впервые в стране осуществить симбиоз лесного и охотничьего дела и т.д., чтобы дать в итоге, если опыт удастся, научные, экономические и организационные рекомендации для перестройки таёжного хозяйства всего таёжного пояса Сибири”.

Он сразу осознал необычность этого начинания в сфере природопользования: “Аналогов нет. Малоопытные студенты и вдруг такая их актуальнейшая идея, позволившая взглянуть на природу глазами людей будущего, проникнуться тревогой за

судьбу потомков. Новизна и неизвестность во всём и удивительная при том убеждённость молодых инициаторов в правоте начатого дела. Будут неверующие и открытые недоброжелатели - это обычно, когда прогрессивное новое заявляет о своих правах. Предстоит нелёгкая и, видимо, длительная борьба. Надо готовиться - собирать всё, что имеет прямое отношение к истории Кедрогграда: документы, письма, статьи... Пройдёт два-три десятилетия и анализ их поможет понять и объяснить многое..."

Это он придумал в документальной повести "Шуми, тайга, шуми!" молодёжному хозяйству звучное название "Кедрогград", которое, по меткому выражению лесного корреспондента Георгия Мурашова, "пошло гулять по страницам научных и литературных произведений, вошло в обиходный наш словарь, уже почти оторвавшись от конкретного предприятия, которому принадлежало первоначально". Сам же Владимир Чивилихин усматривал в "Кедрогграде" не только эксперимент большого экономического и научного значения, но и заключённый в нём огромный нравственный потенциал. Последнее особенно интересовало его как писателя.

Именно на этой основе произошло удивительное слияние общности взглядов, интересов и стремлений молодых энтузиастов и начинающего писателя, духовное их воссоединение - таких разных по характерам, восприятию жизни и конкретной действительности, воспитанных и проживающих в разных местах, но оказавшихся одинаково одержимыми в едином желании: на деле изменить, улучшить хозяйственную структуру природопользования, уберечь от безрассудного уничтожения национальное достояние России - кедр. Причина появления такого симбиоза кроется, пожалуй, в недрах объективного процесса общественного развития, где зарождаются и набирают силу прогрессивные начала, обеспечивающие в итоге движение вперёд.

Волею судьбы мне пришлось быть участником всех кедрогградских событий: от возникновения идеи экспериментального хозяйства у ленинградских студентов-лесотехников в 1957 году, затем - на протяжении всего многострадального таёжного эксперимента, пока "мечта разыскивала путь", и до последнего времени, когда природоохранительная идеология Кедрогграда стала получать признание. Эти обстоятельства позволяют оценить поразительную интуицию и умение Владимира Чивилихина увидеть и поднять сокрытую ещё в недрах реальной действительности, но уже существовавшую на самом деле общечеловеческую проблему, связанную с необходимостью сохранения природной среды.

Документальную повесть "Шуми, тайга, шуми!" об инициаторах кедрового комплексного хозяйства он написал быстро. Сама обстановка требовала этого. Приехав на Алтай в сентябре 1959 года, он прожил у нас, выпускников академии, высадивших "десант" в предгорном селе Чоя, всего неделю, а через пять месяцев "Комсомольская правда" уже опубликовала повесть в шести номерах газеты (14, 16-20 февраля 1960 г.). Прошло ещё четыре месяца, и дополненная двумя новыми главами она вышла в свет отдельной книгой (издательство "Правда") тиражом 149 тысяч экземпляров. Один из них с лаконичным автографом "Кедрогградцам. И да здравствует Мечта!" доставила нам в таёжную уйменскую глухомань почтовая бандероль. Этот экземпляр и сохранился в моём архиве.

Возникшая в студенческой среде идея создания многоотраслевого лесного предприятия на принципах разумного природопользования из-за необычности своей и новизны остро нуждалась в поддержке. Прошло почти два года с момента её появления, но усилия молодых лесоводов оставались всё же малорезультативными и, я бы даже сказал, наивными в обстановке процветавшего тогда "антиприродного ведомственного бюрократизма", поразившего весь хозяйственный механизм.

Но не только эти причины заставили Чивилихина торопиться с написанием и изданием повести. Обладая редким даром предвидения, он тогда уже сознавал неотвратимость приближения экологического кризиса - закономерного результата необдуманного, легкомысленного и потребительского отношения к природе.

“Никак не могу понять, - говорил он многократно при наших более поздних встречах, - неужели не доходит до людей, что рубим мы под собою сук? А ну, если он обломится? Даже и после нас? Ведь мы тоже часть природы и всё равно не допустим этого, жить же хочется. Но во что это потомкам нашим обойдётся? Сейчас для детей всё делаем - растим, холим, чтоб нужды никакой не знали, а сами судьбу им готовим - не позавидуешь. Абсурд какой-то!”

Он был уже готов к особому восприятию и обобщению студенческой идеи. Поэтому лучше всех, в том числе и нас, смог понять её глобальность и рассматривал эксперимент в алтайской тайге как возможный вариант нормализации отношений между Человеком и Природой. А что касается кедровых лесов - как “...единственный (курсив В. Чивилихина - В.П.) выход из сложной тревожной хозяйственной экономической и экологической ситуации, реально сложившейся ныне в сибирских кедровниках”. Поэтому он и приехал вскоре на Алтай и навещал нас потом многократно, всячески оберегая и поддерживая угасавшую не раз Мечту, яростно сражаясь за неё в Москве, в высоких инстанциях, вселяя своей одержимостью и упорством в юношеские наши души уверенность и оптимизм.

Можно совершенно определённо сказать: Кедроград без Чивилихина состояться не мог. Слишком не вписывались принципы его хозяйствования в устоявшуюся среду узковедомственного подхода к использованию природных ресурсов, хотя в такой среде они и зародились, отражая назревшую необходимость сопряжённого комплексного подхода к освоению богатств природы и иного совсем мышления по части перспектив развития производительных сил. Кедрограду объективно необходим был авторитетный подвижник, обладавший (помимо гражданского мужества) способностью философски осмыслить суть скрывавшихся в нём экономических, социальных и нравственных преимуществ, а также обладавший ещё умением и возможностью показать эти преимущества широкой общественности и тем самым привлечь её к совместной борьбе за реализацию назревшей идеи, за внедрение прогрессивных форм и методов природопользования.

Конечно, и раньше раздавались предупредительные голоса о необходимости бережного отношения к природе. Ещё в 1947 году Леонид Леонов в статье “В защиту друга” со страниц “Известий”, а позднее в романе “Русский лес” ударил в набат по поводу ненормального положения в русских лесах, призывая не упускать случаев, «... когда на площади в рельс бьют». Выступали в периодической печати с обоснованной тревогой многие учёные и специалисты, журналисты и общественники о нарушениях экологического равновесия в результате потребительского, хищнического отношения к природе. Но в период популярности лозунга “Мы не можем ждать милостей от природы...” это были лишь призывы, носившие воспитательный, увещательный характер, не рассчитанные даже на утопическое понимание при наличии в природопользовании ведомственной системы, основой процветания которой как раз потребление и являлось.

Необходима была совершенно иная подвижка, которая могла бы помочь перестроить мышление людей в направлении рачительного и бережного отношения к природе. Но без ломки старых устоев в хозяйственной сфере здесь нельзя было обойтись. И эту нелёгкую миссию произвольно взвалил на себя Кедроград, заставляя взглянуть на проблему “человек - природа” с позиций будущего, одновременно доказывая на практике целесообразность новой идеи для дня сегодняшнего.

Владимир Чивилихин, бесспорно, понимал всю важность и сложность достижения поставленной цели, которую должен был олицетворять Кедроград в начавшемся уже формироваться практическом природоохранном движении. Поэтому он стремился привлечь к молодёжному хозяйству всеобщее внимание, помочь развернуться студенческой Мечте, не дать погибнуть ей в зародыше. И дальнейшие события подтвердили оправданность таких действий.

В повести “Шуми, тайга, шуми!” Чивилихин не только рассказал о Мечте ленинградских студентов, но и увязал её с глобальностью всей экологической проблемы, уже напоминавшей о себе в различных уголках Земли. К такому обобщению он, несомненно, пришёл не случайно:

“... Лесоистребители наступают. Они получили сейчас в свои руки все сибирские леса... Сколько же потребуется усилий, чтобы отвоевать кедрачи у людей, которые за деревьями не видят леса.

Если взглянуть на вещи крупномасштабно, то увидишь, как легко человек и злые силы природы делают на земле пустыни. Когда-то на месте Сахары были бескрайние зелёные пампасы, под песками Средней Азии погребены целые цивилизации, которые могли возникнуть только близ зелени и воды. В Индии и Китае, где живёт половина человечества, осталось до жути мало лесов, и великие реки Юго-Восточной Азии мстят сейчас людям бешеными разливами. Несмотря на колоссальные водохранилища, возникшие в последние годы, стало не хватать воды нашей родной Волге...

А если ещё больше укрупнить масштаб, то надо говорить о роли леса и вообще зелени на нашей планете. Не все понимают, что леса и травы - основа жизни на Земле... И замены этому... нет и не будет... и наши цели на ближайшее будущее ясны и просты: мы хотим обратить на пользу людям частичку живой природы, подспудные сокровища кедровой тайги и ничего не пожалею для этого”.

Заканчивалась повесть убеждённым призывом к соотечественникам: “А как бы хотелось, чтобы уже сейчас прекратились неумные торжества в связи с тем, что “покорилась”, “отступила”, “расступилась” тайга! Нужен союз человека с тайгой, с добрыми силами природы. От этого союза человек станет богаче, сильнее, умнее, здоровее телом и тоньше душой”.

Этот призыв был услышан многими людьми. Он явился своего рода детонатором, который привёл в движение мощные слои общественности, поднявшейся дружно на защиту родной природы. Сохранились многочисленные отклики на повесть “Шуми, тайга, шуми!”, адресованные автору, редакциям газет “Комсомольская правда”, “Известия”, “Советская Россия”, “Литературная газета”. И что самое удивительное, люди обращались к этому произведению даже по истечении ряда лет. Оно заставляло думать, размышлять, вносить предложения, не потерявшие актуальности и сейчас...

Виктор Балашов, город Жигулёвск, 7 февраля 1965 года: “Пять лет назад, когда Чивилихин впервые возвестил о благородном почине кедроградцев, у них сразу же появилось множество верных друзей и горячих болельщиков... Кедроград необходимо отстоять во что бы то ни стало! Это требование разума, справедливости и, наконец, простого хозяйственного расчёта. Вообще не пора ли дело охраны лесов сделать постоянной заботой государственных органов? Просто поразительно, с какой лёгкостью подписываются у нас смертные приговоры лесам, даже в местах, где сведение их влечёт за собой тяжелейший, часто невосполнимый урон экономике - в водоохранной зоне, степных районах, по крутым склонам гор. Не проходит и месяца, чтобы в газетах не появлялось тревожных сигналов о новых посягательствах хозяйственников, загляд которых не простирается дальше выполнения плана рубки... Давно пора говорить о безобразиях в лесах во весь голос, открыто, не кивая на указания свыше, коими обычно прикрываются слепые поборники плана, плана любой ценой...”

К.Н. Тучинский, майор запаса, город Новоград-Волынский, 15 марта 1965 года: “У меня в руках брошюра В. Чивилихина “Шуми, тайга, шуми!”. Я приобрёл её в 1960 году, когда по делам службы находился далеко от Родины, и с тех пор храню как сокровище: с таким большим чувством и знанием дела она написана. Побольше бы таких книжек о нашей природе! Читая брошюру, я явственно слышал извечный шум тайги, как шум морского прибоя в раковине, чувствовал бодрящий, неповторимый запах хвои... Брошюра вызвала во мне приятное чувство радости и гордости за ребят-

энтузиастов, выступивших в поход на защиту тайги, за Кедроград... Природа щедра, но человек очень бережливо должен пользоваться её дарами и разговаривать с ней на Вы. Она не любит расточительства... И надо начать большой и деловой разговор на эту тему, привлечь учёных, специалистов, писателей, широкую общественность, следует всемерно поддержать энтузиастов Кедрогграда... Необходимо поднимать массы людей в большой поход за охрану природы, не ограничиваясь, конечно, одной проблемой кедра. Наши озёра и реки тоже просят защиты... Думается, что настало время поставить вопрос об охране природы и её богатств на прочную научную основу, придав этому сугубо государственный характер... Нужен специальный орган с широкими полномочиями, рекомендации которого должны являться законом для всех хозяйственных организаций...”

Такие конструктивные предложения направлялись не только в редакции газет, ими завалены были правительственные учреждения, директивные органы. Формировалось, одним словом, общественное мнение вокруг проблемы охраны природы, вырабатывалось новое мышление, которое позднее было названо экологическим. Но потребовалось ещё двадцать лет, чтобы стало возможным приступить к реализации таких предложений.

Вскоре после опубликования повести “Шуми, тайга, шуми!” появились в печати сотни статей на самую разную природоохранную тематику. Оказалось, что тревожная ситуация назрела не только в кедровых и вообще лесах, она опасно обострилась в земельной и водной сферах, вызывает серьёзную озабоченность по части использования недр, животного мира, сохранения в чистоте воздушного бассейна. Что касается кедроградцев, то их буквально завалили письмами. И если коротко обобщить содержание этой многотысячной корреспонденции, то суть её: “Мы с вами. Так держать и не сдаваться”.

И кедроградцы держались, как ни тяжело было работать в условиях открытой враждебности со стороны руководящих инстанций. Для меня, например, искренняя поддержка огромного числа людей много значила, являясь источником дополнительных сил в преодолении возникавших постоянно трудностей. Это, безусловно, стимулировало упорство, по поводу которого нередко высказывалось удивление в письмах читателей, адресованных в газеты, когда доносились до них отголоски происходивших у нас событий.

В.С Павлова, город Гомель, 30 января 1965 года: “Я не комсомолка, давно вышла из этого возраста, но многие годы выписываю вашу газету (“Комсомольскую правду” - В.П.), где позавчера была опубликована заметка “Быть ли Кедрограду?..” До этого читала я “Русский лес” Л. Леонова, читала и повесть “Шуми, тайга, шуми!” В. Чивилихина. И то и это замечательно. Молодым дальше жить, им творить и дерзать. Но так дерзать, как достаётся кедроградцам, это ужас. Они просто железные люди, если не сникли и не бросили свою работу до настоящего времени...”

И всё же основным стимулятором дополнительных сил в противостоянии с могущественными противниками был Чивилихин, а точнее его письма, регулярно присылаемые на Алтай. В них он разъяснял обстановку, успокаивал, советовал. Каждое из этих писем - неповторимый человеческий документ, характеризующий, прежде всего, самого автора. Приведу одно из них, наиболее полно отражавшее обстановку той поры и внутренний мир самого писателя:

В. Чивилихин - В. Парфёнову, 15 декабря 1964 года: “... Получил от тебя письмо... с описанием того трудного положения, в котором ты сейчас.

... Всё это время обдумывал статью о нашем общем деле - ты тоже, кажется, считаешь, что надо выступать, тем более, что в конце декабря наш юбилей: пятилетие Кедрогграда.

Но в начале напомним тебе отрывок из твоего письма январского (24 января 1964 года - В.П.): “В конце концов я понял, что идея комплексности, хотя и хорошая на делах, а не на словах, никому не нужна. Страшно всё ломать и работать по-новому, по старинке работать легче: “Было бы сейчас, пока мы сидим в креслах, а потом хоть потоп”. В общем это никому не нужно, а биться, как рыба об лёд, тоже не дело... Если опять ничего не выйдет (речь идёт о вынужденной перебазировке Кедрогграда на новое место в связи с передачей лучших его кедровников в рубку соседним леспромхозам - В.П.), придётся плюнуть на всё. И вообще я уже страшно устал...”

Почти... год прошёл с того времени (моего письма - В.П.), а что по существу изменилось? Изменилось, но в худшую сторону. Вот вехи этих событий: 1) отдача в рубку Еланды и Нырны; 2) ”великолепный” жест М.М. Бочкарёва (начальника Главлесхоза РСФСР - В.П.) - “а вот им место, кедрогградцам, на Колдоре” (труднодоступный участок прителецкой тайги - В.П.); 3) фактическое снятие с работы Жидеева (директора опытного хозяйства - В.П.) и тебя, несмотря на то, что 1963 год был, можно сказать, годом осуществления нашей мечты; 4) затяжки с перебазированием Кедрогграда (с нашей стороны - ради спасения идеи) в отсталый леспромхоз; 5) провокация Вашкевича (начальника Алтайского управления лесного хозяйства - В.П.) с разгоном специалистов Кедрогграда; 6) обман с планом (договорились на 100 тыс. м³, а сейчас сколько?); 7) ни денег, ни времени на опытные работы...

Это очень важное письмо, Виталий, и прошу читать его внимательно. “Идея н и к о м у (здесь и далее разрядка В. Чивилихина - В.П.) не нужна?” Так ли? Была нужна Мотовилову, Мукину, Яблокову, Хлатину, Каплану, тебе, мне - вот уже полдюжины лиц, а сотням других? И д е я н у ж н а! Государственной экономике, лесному хозяйству, народу в конечном счёте. Однако перебирая события прошедшего пятилетия, выстраиваешь в ряд главное:

за пять лет в Кедрогграде сменилось шесть директоров... трижды пересобачивалась территория, дважды гробились деньги на лесоустройство и проект, дважды переносилась центральная усадьба хозяйства (абзац подчёркнут В. Чивилихиным - В.П.).

Это всё не случайно. Идея к о е - к о м у не нужна. Вот в чём вопрос. Он даже посложнее, чем в такой категоричной формулировке. Хозяйство по комплексному использованию кедровой тайги и н у ж н о, и н е н у ж н о т т. Бочкарёву и Вашкевичу. Нужно затем, чтобы на призывы и нажимы начальства, учёных и общественности по поводу кедровой проблемы отвечать: “Мы занимаемся ею, даже создали опытное предприятие, ждём от него результатов, помогаем ему и т.д.” В то же время они искусственно держат хозяйство в прогрессивном параличе, и им это нужно затем, чтобы не дай бог получится хороший результат - тогда ведь придётся все леспромхозы кедровой зоны переводить на этот принцип работы. Так, как было эти пять лет, хорошо! И хозяйство вроде есть, занимаемся проблемой, мол, а пока можно хлестать кедр по всей Сибири с возрастающей свирепостью. Вот когда оно уж покажет себя, тогда посмотрим...

Но я убедился, Виталий, что при таком отношении к делу наших с тобой руководителей - ничего не будет. Ещё раз подумай над событиями последнего года (“7 пунктов”, но ты, наверно, ещё добавишь?) и над тем, почему они начались тогда, когда Кедрогград получил, наконец, первый фактический успех, подтверждение идеи даже без осуществления проекта (официально разработанный в 1960-1962 г.г. проект организации опытного хозяйства на принципах постоянства и равномерности природопользования не был утвержден Алтайским управлением – В.П.). С каждым днём я всё более убеждаюсь в том, что это - продуманные и целенаправленные акции. Тебе сообщали студенты МЭИ о своих беседах с Бочкарёвым и Вашкевичем? Расчитывая на неосведомлённость студентов, они произвольно раскрывали карты...

Итак, я готовлю статью “Пятилетие Кедрогграда”, правдивую и наступательную. Если ты согласен с основным принципом, который я выразил в этом письме, - помогай. Надо это сделать сейчас, а то упустим момент, Бочкарёв и Вашкевич ясно, чего сейчас хотят - затянуть тяготию ещё на 5-10 лет, а тогда от кедровой тайги званья не останется, и эти люди будут в других креслах.

И тут не только в этом дело. Люди-то не железные, и я в первую очередь думаю о тебе. Я знаю - ты... можешь тянуть, пока не сдохнешь, а Бочкарёв с Вашкевичем только порадуются. Наверное, надо идти на бой. И идти мне, так как я от них независим...”

И Чивилихин пошёл на этот бой. Он написал статью “Пятилетие Кедрогграда”, которая была опубликована в “Литературной газете” 28 января 1965 года. В тот же день в газете “Комсомольская правда” появилась статья “Быть ли Кедрогграду?” кедрогградских шефов, студентов МЭИ. Наступал решающий этап битвы за Кедрогград, где победителем должен быть один...

В 1960 году, когда появилась повесть “Шуми, тайга, шуми!”, не было оснований для подобного беспокойства. Наоборот, возникший всеобщий поворот к проблемам охраны природы во многом обнадеживал, вселял даже уверенность в успешном их решении. Этот поворот “лицом к природе” выплеснул из глубин набравшего силу природоохранного движения чрезвычайной важности правовой вердикт, в котором уже ощущалась крайняя необходимость. Верховный Совет РСФСР 27 октября 1960 года принял Закон “Об охране природы в РСФСР”, отразивший, по существу, требования того периода.

Не могла, конечно, остаться в стороне при подготовке столь серьёзного документа проблема кедровых лесов, широко освещавшаяся тогда в печати. Закон запрещал производить рубку кедровников “... способами, не обеспечивающими их естественное возобновление”. Эта лаконичная запись спасала кедр от уничтожения, так как научно обоснованных способов его рубки, которые допускал Закон, ещё разработано не было. На практике применялись самые хищнические варианты рубок: концентрированные сплошные без ограничения по площади и условно-сплошные в смешанных насаждениях. При последнем варианте выбиралась лишь наиболее ценная, как правило, кедровая древесина, а остальная (других пород с запасом до 70-80 %) бросалась на лесосеке. В результате этих рубок площади кедровников катастрофически сокращались. На Дальнем Востоке, например, за послевоенный период была уничтожена почти половина произрастающих здесь насаждений кедра корейского - наиболее крупногабаритного и трудновосстанавливаемого вида.

Общая концепция статьи Закона в отношении кедровых лесов устраивала сторонников разумного подхода к освоению природных ресурсов, в том числе и кедрогградцев. Открывалась захватывающая перспектива по созданию в Сибири и на Дальнем Востоке кедровых комплексных предприятий на основе практических разработок Кедрогграда. Разве можно было думать и предполагать иначе при огромной вере в силу Закона?

Но силы этой не оказалось. И столь уникальное явление для поры, когда незабытыми ещё оставались жёсткие требования по соблюдению законодательства в периоды предвоенных и военных лет, нельзя объяснить лишь одной недисциплинированностью или демонстративным нежеланием выполнять данный Закон. Причины здесь гораздо более глубокие. Они отражают активизацию тех процессов, которые завели к середине 1980-х годов развитие нашего общества в тупик.

Может показаться странным, но Закон “Об охране природы в РСФСР” сыграл в итоге больше отрицательную, нежели положительную роль. До его принятия многочисленные министерства и ведомства, гоняясь за сиюминутными выгодами, бесшабашно “покоряли природу”, не заботясь о последствиях и не неся никакой ответственности за причинённый ущерб ей и обществу. Работали себе и работали, никто не беспокоил, не ущемлял ни интересов, ни прав, поэтому никакой активности с

их стороны ранее не предпринималось, чтобы защитить эти ведомственные права и интересы. Да, собственно, они в защите и не нуждались. Их могущественные структуры в центре и на местах плотно взаимодействовали с партийными и советскими органами, обеспечивая развитие экономики страны.

И вдруг - Закон! То нельзя, это нельзя, отвечай за то, за это. А чем и как выполнять государственную производственную программу, давать народному хозяйству нужную продукцию? Они кормят, поят, одевают, жильём и прочим народ обеспечивают, да ещё и о будущем заботятся - производство расширяют, а им говорят - стойте, начинайте по-другому работать, о природе думать, ресурсы её оберегать. Что за бред! Ресурсов этих на наших бескрайних просторах - видимо-невидимо, и относиться к ним по принципу “собака на сене” неправомерно, ущербно и совершенно не по-хозяйски. Оставлять без внимания такие шуточки никак нельзя, надо объединять усилия и организовывать достойный отпор.

Примерно так, по единому трафарету, будто сговорившись, отвечали мне руководители предприятий и министерств, с которыми приходилось встречаться за немалые годы работы и беседовать по данной проблеме, обсуждать причины неудач, постигших весьма разумный Закон, который не вписался в тогдашний хозяйственный механизм и остался навсегда красивой бумажкой.

Именно так и должно было произойти. Почувствовав опасность, безмятежно дремавшая ведомственность вдруг очнулась, привела в движение отлаженную систему противодействия прогрессивному началу, и Закон в этой трясине не мог не задохнуться. Получился результат “обратного эффекта”. Вместо пользы Закон нанёс ощутимый вред природе, способствуя мобилизации ведомственных усилий в противоположном направлении.

Сам же Закон оказался не в состоянии этому воспрепятствовать, поскольку требовалось, ни много ни мало, изменить весь хозяйственный механизм, осуществить серьёзную управленческую и экономическую реформы. А запущенная система противодействия, расправившись с Законом и предав его забвению, остановиться уже не могла. В середине шестидесятых годов наступил период, ставший для природы и её защитников “чёрным десятилетием”, как называл его с горьким юмором Владимир Чивилихин.

В первые годы создания молодёжного экспериментального хозяйства он со страстью талантливого публициста написал, помимо упомянутых “Шуми, тайга, шуми!”, “О чём шумят русские леса” и “Месяц в Кедрограде”, также резкие статьи в его защиту - “Тайга шумит” (1961) и “Пятилетие Кедрограда”(1965). Потом вдруг ни одной новой публикации на тему Кедрограда с 1965 года. Почему?

На этот вопрос Владимир Чивилихин ответил сам, выступая на заседании научно-технического совета Гослесхоза СССР 14 октября 1968 года: “Несколько раз выступал я в печати и говорил об этом в своей речи на ХУ съезде комсомола. Всего по истории так называемого Кедрограда и связанным с ним проблемам сибирского кедра было в нашей печати 203 статьи. Только отдачи, результатов никаких нет. Этим самым как бы без слов говорится - пишите себе, пишите, а мы рубили и будем рубить золотую вашу сибирскую кедровую тайгу... Но я, например, уже не могу об этом писать, потому что не хочу и не имею права раздражать читателей. И это для меня очень болезненной, по-настоящему тревожный вопрос. Поймите меня, можно ли писать, если от этого нет никакого толку, а есть, наоборот, явный хозяйственный, моральный и политический урон?!”

Он всё-таки опубликовал ещё в том году знаменитое “Слово о кедре” - своеобразную поэму об удивительном дереве, где открыто изложил свою позицию: “Кедр в Сибири и Приморье по-прежнему рубят в устрашающих размерах. Каждый год сплошь оголяется около пятидесяти тысяч гектаров кедровой тайги... И я уже не могу больше об этом писать - чем больше пишешь, тем злее кедр хлещут”. Но кедроградские

события продолжали волновать. В 1969 году молодёжному начинанию исполнилось десять лет, и он отметил этот юбилей большой итоговой статьёй “Десять лет спустя”. Однако очередной призыв в защиту кедровой тайги и поддержку Кедрогграда остался тогда лежать в архиве, видимо, по указанным соображениям.

Впервые эта статья была опубликована через 15 лет в журнале “Человек и природа” (1985, № 9) уже после кончины автора, причём со значительными даже тогда сокращениями и правками острых её моментов. Поэтому стоит привести небольшую выдержку из оригинала, объективно отражающую напряжённую ситуацию той поры и настроение самого писателя: “Прошло десять лет. Не раз за эти годы побывал я в... Кедрогграде, не раз писал о нём в газетах и журналах. Трудно мне сейчас братья за перо, как-то не поднимается рука обо всём писать снова; не хочется обновлять боль множества людей, испытавших в связи с этой историей душевную депрессию и крах многих дорогих каждому человеку принципов. Писать, однако, надо... В своей статье я берусь доказать, что опыт комплексного использования богатств кедровой тайги, как бы мучителен он ни был, удался, что на протяжении всех десяти лет он искусственно затормаживался и что есть преуспевающие деятели, до сего дня не наказанные за произвол, беззаконие, за материальный и моральный ущерб, нанесённый ими нашему обществу... Десятилетие Кедрогграда - юбилей славный и очень печальный. Молодые лесные инженеры, которые для себя лично не добивались никакой корысти, свершили настоящий гражданский подвиг... А недавно я встретил в Москве одного из кедрогградцев, и он сразу предупредил: “Давайте не будем вспоминать, а то начинает трясти”. Московские студенты, многолетние и многотерпеливые шефы хозяйства, собираются отлить большую медаль “За взятие Кедрогграда” и послать её Вашкевичу В.С..., у которого были многие способы умерщвления опыта...”

Поднятые и с профессиональной глубиной раскрытые Владимиром Чивилихиным на кедрогградском материале лесные проблемы вышли впоследствии за рамки государственной и переросли в общемировую проблему необходимости изменения отношения людей к окружающей природной среде. Как пророчество звучит сегодня его высказывание от 9 октября 1977 года: “... мне... хочется подчеркнуть принципиальную и с годами все возрастающую важность самого подхода к использованию богатств живой природы, впервые в нашей стране осуществленного “кедрогградцами”. Больше скажу – это первый положительный опыт в мировой практике природопользования, который на примере нашего лесного хозяйства наметил перспективные пути в сегодняшнем общечеловеческом поиске оптимальных взаимоотношений между человеком и природой”.

Идеи и результаты научно-экспериментальной деятельности Кедрогграда оказались настолько жизненными, что “дотянули” до периода, когда стали вдруг востребованными. Причем, не только на уровне субъекта конкретной территории, но и за пределами России. На планете теперь все уверенней вживается непривычное пока понятие “устойчивое развитие”, родившееся в 1992 году на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро), у которого природоохранные принципы идентичны принципам Кедрогграда. Отличие лишь в том, что опередивший время Кедрогград шагнул дальше теоретических предпосылок и доказал уже на практике природоохранную и экономическую целесообразность такого пути развития.

А предшествовали этому многочисленные поездки писателя по Горному Алтаю, сотни километров верхом на лошадях и пешком по таёжным тропам, разделение нелёгкого быта и забот молодых лесоводов, решивших создать в малоосвоенной тайге перспективный тип хозяйства. Многочисленные затем хождения по инстанциям, статьи в газетах, журналах и ходатайства о помощи кедрогградцам, чтобы получившая всё же признание новая идея продолжала жить и развиваться. В этом весь Чивилихин - писатель и гражданин, до конца исполнявший свой долг и несший ответственность за результативность поднятого дела.

И весьма примечательно, что незадолго до кончины он в ёмкой статье “Уроки истории” (“Литературная газета”, 24 ноября 1982 г.) открыто высказал удовлетворение результатами собственного подвижничества: “С первых шагов в литературе я считал своим долгом быть принципиально современным. Героев повестей и очерков, людей дела и поисков, встречал на дорогах и тропах родной Сибири; жил с ними в палатках, грелся у их костров - имею в виду и те незримые костры, что горят в душе у каждого ищущего, думающего человека, стремящегося изменить жизнь к лучшему. Вот уже четверть века беспокоит одна из главных тем современности - сохранение и использование природных богатств, и я счастлив, что по мере сил и возможностей поддерживал прозой, художественной публицистикой и деловыми хлопотами борцов за совершенствование отношений между людьми и природой”.

х х х

Многолетнее общение с Владимиром Чивилихиным сложило у меня абстрактный образ писателя как человека, воплощающего всё лучшее, что свойственно его народу, человека с незаурядным мышлением, правдивостью в отражении действительности, умением обнажить и утвердить в сознании потенциальные возможности личности, истоки её народности. Я был свидетелем рождения многих его произведений, и меня всегда поражала высочайшая гражданская ответственность, с которой он подходил к сбору, обработке и изложению материала.

Личная потребность самому вникнуть во всё, о чём задумывалось написать, влезть в оболочку будущих персонажей, пройтись их маршрутами и побывать в местах, где они жили в действительности или им предстояло ожить на страницах книги, присуще было также всему художественному творчеству Владимира Чивилихина, доносившего до читателя с документальной точностью существо сюжета и внутренний мир своих героев. Так рождались повести “Живая сила” (1957), “Здравствуйте, мама!” (1958), “Серебряные рельсы” (1959), “Про Клаву Иванову” (1964), “Ёлки-моталки” (1965), “Над уровнем моря” (1967), “Пёстрый камень” (1969).

Для иллюстрации приведу один пример.

Летом 1964 года мне довелось по служебным делам побывать в Москве, и я, как обычно, остановился в гостеприимном доме Чивилихиных. Долго обсуждали кедровградские будни, вырабатывали тактику совместных действий, строили планы на будущее. И рассказал я попутно об одной истории, случившейся накануне в нашем хозяйстве.

В том году большая группа лесоустроителей изучала тайгу, выявляла запасы кедровых ресурсов, устанавливала численность промысловых животных, готовила, одним словом, исходный материал для составления проекта развития Кедровграда на новой территории. Отдельные отряды забрасывались вглубь тайги на 100 и более километров от центральной усадьбы, где кроме маральных и медвежьих троп других путей транспорта не существовало. Связь поддерживалась по радиации, лошадьми или вертолётами в лётную погоду, а то и просто пешим порядком.

В одном из таких отрядов при загадочных обстоятельствах пропал таксатор, который в сопровождении рабочего шёл с месячным отчётом в главный штаб лесоустроительной партии. Из отряда вышли двое, а к месту назначения через четыре дня прибыл только один рабочий.

А произошло следующее. На второй день пути шедший впереди по горной тропе рабочий, оглянувшись, не увидел позади идущего таксатора. Стал ждать, никто не появлялся. Прошёл обратно по тропе километров пять - никого нет. С одной стороны - крутой склон, с другой - глубокое ущелье, внизу река, порожистая и ревущая. Кричать бесполезно - в ушах шум от бурлящей воды. К вечеру охрипший и обессиленный рабочий прекратил поиски. Ситуация складывалась отчаянная. Что делать?

Бессонной ночью у костра лихорадочно взвешивались два решения. Первое - перевалить соседние белки (горы, круглый год покрытые снегом) и уйти в Хакассию. Благо в кармане запасной паспорт на другое имя, приобретённый на всякий случай по пути следования из заключения в город Бийск, где и завербовался на сезон к лесоустроителям. Плохо, что не скрыл своего прошлого при вербовке, рассказав о почти “мокром деле”, за которое отсидел приличный срок. Могут пришить и этот случай. Ведь многие были свидетелями, как не раз перед заброской в тайгу он по крупному спорил с таксатором, даже угрожал ему. Как теперь докажешь, что не виноват? Уйти?

Но тогда верная гибель таксатору. А парень хороший, добрый, о конфликтах никогда не вспоминал, хотя прошло уже почти два месяца. Никто не знает и не узнает места, где случилось несчастье: тайга - не город, а горная тропа - не проспект.

К утру было принято окончательное решение - быстрее выходить к людям, рассказать о случившемся и, если поверят, вернуться обратно с поисковой группой. Ведь таксатор где-то здесь, с ним что-то случилось. Видимо, сорвался с тропы, и может быть ещё жив.

В посёлке произошло всё так, как предвидел рабочий. Ему не поверили, зная о прошлом. В тайге свои обычаи - бросил товарища в беде, нет тебе прощения. Его избили. Когда били, просил об одном - не убейте, таксатора надо спасать, некому будет показать место, где он находится. Ему опять не поверили, заперли в сарай.

На поиски пропавшего были мобилизованы все, имевшие опыт общения с тайгой: лесоустроители, лесники, охотники, прибывшие на летние каникулы шефы-студенты, мужское население близлежащих посёлков - всего около 400 человек. Лишь на восьмые сутки таксатор был найден, без сознания, но ещё живой. И нашёл его тот самый рабочий, выпущенный из-под стражи через три дня и включённый в состав поисковой группы, сформированной из последних резервов. Конец этой истории оказался в целом благополучным, срочно принятые меры спасли жизнь таксатору. Хотя вконец измученный рабочий стал за это время совсем седым. Бывший преступник, и такая рискованная для него самая забота о пропавшем человеке!

Чивилихина заинтересовал остро психологический сюжет рассказа. В ту памятную нашу беседу, затянувшуюся до утра, он неоднократно возвращался к нему, уточнял детали. А когда через несколько дней я собрался уезжать на Алтай, сказал: “Ждите, скоро приеду. Об этой истории можно написать прекрасную вещь. Надо встретиться с участниками, побывать там, где всё это произошло”.

И он приехал. Прошёл с проводниками по злополучной тропе от начала до конца, более ста километров. Облазил места, где сорвался в ущелье с 15-метровой высоты таксатор и где обнаружившие его окончательно изнурённые люди за двое суток непрерывной работы срубили одним топором на подобранной ровной площадке 22 кедра метровой толщины, чтобы мог сесть вертолёт.

Бродить по горным таёжным тропам - дело нелёгкое, надо иметь не сердце, а мотор. У Чивилихина уже тогда сердце начало сдавать. Не прошли бесследно безотцовские годы детства, полуголодная учёба в техникуме и университете, напряжённый журналистский труд в “Комсомольской правде”, нервотрёпка с Кедрогом. Мы знали об этом и уговаривали его отказаться от попытки идти в горы: риск был слишком велик.

Он всё-таки ушёл, опасно рискуя. Но с огромным желанием самому всё увидеть, прочувствовать, испытать. И в какой-то момент, высоко над уровнем моря, сердце его стало барахлить. Потом мне рассказывали проводники, чего натерпелись они с необычным сопровождаемым, который, задыхаясь и хватаясь за грудь, глотал пилюли и упрямо лез по тропе, пока не достигли конечной цели.

Так, с риском для жизни самого писателя, родилась повесть “Над уровнем моря” - необычное по сюжету и форме изложения одно из лучших художественных произведений Владимира Чивилихина. Однако и здесь он остался верен себе, не смог отойти от волновавших его малых и больших проблем. Поэтому совершенно разные по взглядам и характерам герои повести, соединённые вместе случайным таёжным эпизодом, даже в экстремальной ситуации живут среди этих проблем, постоянно спорят и размышляют о них, пытаются найти истину. Писатель не стал делать упор на занимательной, приключенческой стороне сюжета, а пошёл по пути психологической разработки характеров, углубления смысла повествования, приглашая читателей к размышлениям о проблемах нашей жизни.

С таким предельным напряжением духовных, а подчас и физических сил, с глубоким сознанием личной ответственности написаны все художественные и публицистические произведения Владимира Чивилихина.

Нравственно думающему писателю жизнь сама диктует принципы поведения. В своих литературных героях по существу и есть сам Владимир Чивилихин. В них - его подвижничество и нетерпимость ко всем негативным проявлениям, убеждённая вера в человека, в торжество народной мудрости и социальный прогресс.

В минуты откровения он жаловался иногда на то, что нет времени написать парочку лёгких художественных романов, поскольку не может уйти от “оковавших” его проблем. Ведь уничтожаются по-прежнему памятники истории и культуры, не воскрешены из тьмы забвения многие достойные представители русского народа, необдуманно вырубается леса, загрязняются вода и воздух, скудеют животный мир, земля и недра, люди продолжают жить сегодняшним днём, мало заботясь о будущих поколениях. “Им будет гораздо трудней, чем нам. Если мы не перестанем брать в долг принадлежащие им ресурсы и использовать их так нерационально. Они будут духовно беднее нас, если мы сегодня не сохраним и не восстановим хотя бы то небольшое, что дошло до нас из глубины веков. Без прошлого нет настоящего, и не может быть без настоящего полноценного будущего. До таких ли романов мне сейчас?” - обычно заканчивал он эту тему.

х х х

Владимир Чивилихин считал обязанным распорядиться своим талантом с максимальной для народа пользой. И он успел написать один роман, далеко не из серии “лёгких”, выполнив фантастическую по объёму исследований и осмыслению материала творческую работу. Словно сама Судьба, почувствовав необходимость, явила России этого писателя, чтобы устранить брешь между прошлым и настоящим нашего народа, образовавшуюся в результате пронёсшихся над страной ураганов смены исторических эпох. Он выполнил эту миссию и сразу ушёл... навсегда.

Роман-эссе “Память” объёмом более 80 печатных листов по существу не имеет аналогов в литературе. Его главные герои - народ, история и патриотизм, воедино сцементированные пластами времени. Вынашивался и писался роман всю жизнь. Наброски будущих фрагментов необычного произведения были сделаны ещё в дневниковых записях 1940-х годов, когда автор только начинал самостоятельную жизнь. В конце 1960-х годов, размышляя о творческих планах, Чивилихин зачитывал близким друзьям отдельные отрывки из него и, видя на лицах недоумение, как бы извиняясь, говорил: “Вот пишу. Сам пока не знаю что. Времени трачу уйму. Тему о природе не завершил, да и других проблем много. Но я ничего не могу поделать с собой. Тянет история Руси. Такая это целина! Хочется людям на многое открыть глаза”.

Вскоре замысел новой книги сформировался и окончательно захватил его. Отложены в сторону были все дела, даже неоконченные, срочные. На несколько лет оставил Чивилихин своих читателей без новых произведений, и знакомые часто

спрашивали меня: “Не случилось ли чего с писателем? Неужели иссяк его талант?” Что я мог ответить тогда? А он копался в архивах Чернигова, Ленинграда, Москвы, Томска и Новосибирска, мотался по полузабытым местам истории наших предков, воскрешая из её глубин примеры удивительной стойкости, интернациональной основы и высокой духовной нравственности русского народа. Он очень спешил, отказываясь от общественных нагрузок, многочисленных просьб написать статью или где-то выступить, словно предвидел, что может суток не хватить для завершения этой титанической работы. И он завершил её за 35 часов до внезапной своей кончины.

А тема “Памяти” была бесконечной, и это постоянно тревожило его. Однажды как-то, задумавшись, он сказал по секрету: “Могу не успеть, надо завершать мои путешествия в прошлое. Возможно, их продолжат другие. Важно было привлечь к нашей истории внимание соотечественников. Это, кажется, удалось. Вот письма идут, много...” А несколько раньше, на стадии готовности значительной части материала, его беспокоил, казалось бы, совсем пустяковый вопрос. В 1977 году журнал “Наш современник” предложил начать публикацию уже написанного по этой тематике. А написано было много, и имелись вполне отработанные куски. Но Чивилихин оказался в затруднении: под каким названием выносить отрывки из неоконченной книги на суд общности?

Позвонил мне на работу в Минлесхоз РСФСР, по голосу заметно расстроенный, и попросил как можно скорей приехать к нему на дачу в подмосковную Челюскинскую: “Понимаешь, дело срочное. “Современнику” надо сдавать материал, ты же знаешь, а под каким названием - ума не приложу. Хотелось бы под общим, что будет для всей книги...” - “Так у тебя этих названий уже десятка два имеется”, - удивился я. - “Да, около тридцати. Но всё что-то не нравится. Надо тебе по списку свежим глазом пробежать, и вместе подумаем. Тем более ты содержание общее знаешь, я ведь многое зачитывал...”

Пришлось уговорить начальство отпустить с работы пораньше, и я с удовольствием отправился в Челюскинскую. Августовское солнце только начало клониться к закату. Полдня на природе! А Чивилихин уже ждал. Сразу подал два исписанных листа бумаги: “Посмотри внимательно, не торопись. Мешать не буду, похожу пока”. Чувствовалось в нём какое-то волнение. Я прочитал список раз, другой, и всё - не понравилось: или мелко, или не совсем по теме. Тут я понял, наконец, причину волнения автора. Ведь действительно, название книги - дело не шуточное, тем более для такого содержания. Как быть?

“Что скажешь? - слышалось из-за спины. Я даже вздрогнул от неожиданности. “Вижу, задумался. Значит, не нравится”. - “Нет”, - откровенно признался я. - “Я так и думал. А что можешь предложить?” - “Трудно сказать ...” - “Да, не легко. Уже не один день голову ломаю. Вон сколько напридумывал, - показал Чивилихин на бумажки, - однако, чувствую, не то. А как ты смотришь на вариант “Путешествия в прошлое”?”. Это название в списке стояло одним из первых, видимо, не случайно.

“Слово “путешествие” ассоциируется у меня с обычным передвижением, то есть механическим действием, основанном, правда, на элементах любознательности, - начал я осторожно рассуждать. - Путешествие может быть в разовом порядке предпринято в Сибирь, на Алтай, в Африку и в... прошлое, наконец, какая разница - куда. Полезно, конечно, путешествовать, но это слово не содержит, по моему, глубинных истоков духовности, что значительно шире, глубже и больше всего соответствует твоему повествованию, где чем-то объединены воедино государственные временные эпохи, разные поколения предков и их постоянный патриотизм”. - “И что же это такое - объединяющее?” - поинтересовался Чивилихин. - “Мне кажется, это память”, - ответил я почти машинально. - “Память?” - “Да, обычная память - категория духовная, нравственная и, к тому же, постоянная”. - “То есть, ты предлагаешь назвать книгу просто “Память”?” - “Да, всего одним словом - “Память”.” Я уже понял, что попал в

точку, и самому стало интересно продолжать дискуссию. А главное - свалился груз какой-то ответственности, которая сковывала и угнетала.

“Та-ак...”, - задумался Чивилихин. Но после паузы высказал вдруг сомнение: “Слово-то слишком избитое, трафаретное. Масса книг вышла и ещё будет выходить с таким названием. Возьми, хотя бы, Егора Исаева и его прекрасные поэмы “Суд памяти” и “Даль памяти”. Ведь тоже о памяти, понимаешь? А сколько книг с названием “Память” или с использованием этого слова имеется уже по материалам Великой Отечественной войны?!”. Я возразил: “Все эти книги являются лишь фрагментами общей духовной и исторической памяти, то есть твоей, Володя, “Памяти”, если книгу так назовёшь. Ты же сам говорил, что надо формировать сознание подрастающего поколения на основе такой памяти, чтобы крепили, а не угасали истоки нашей народности. А теперь представь себе сюжет, который, я уверен, когда-нибудь осуществится. Начинает урок учительница и говорит: “Сегодня, ребята, мы приступаем к изучению “Памяти” Владимира Чивилихина”. Ведь как звучит! Широко, глубоко и очень нравственно”.

Последний довод, мне показалось, произвёл впечатление. После длительной паузы Чивилихин сказал: “Хорошо, Виталий, я подумаю. В любом случае спасибо тебе”. Первый отрывок из будущей книги был опубликован в февральском номере (№2) журнала “Наш современник” за 1978 год под общим названием “Память”, правда, с подзаголовком “Путешествия в прошлое”. Однако в последующих изданиях отдельных частей и полной книги подзаголовок уже не стало.

Владимир Чивилихин никого не допускал в свою творческую лабораторию. Приведённый эпизод с названием книги был единственным случаем нарушения этого правила и свидетельствует о том, насколько ответственно подходил писатель к результатам своего труда. Интуиция не воспринимала варианты названия книги, которой он посвятил всю жизнь, и вынуждала прибегнуть к “взгляду со стороны”. По себе знаю, как непросто найти то единственное нужное, что могло бы выразить содеянное тобой, в котором ты сам растворился уже за многие годы творчества.

Почти десять лет ушло, например, у меня на написание монографии, обобщающей результаты экспериментальной деятельности Кедрогора, но до последнего момента тоже не удавалось найти подходящего для неё названия: все они оказывались слишком расплывчатыми и научными. Своим авторским “горем” я поделился с директором издательства “Лесная промышленность” Б.С. Орешкиным, который должен был опубликовать книгу. Он прочитал оглавление, профессионально полистал многостраничную рукопись и неожиданно заявил: “Тут и думать нечего. Заголовок должен быть “Комплекс в кедровом лесу” - абстрактно, глобально и по существу”. Как, оказывается, просто! А я мучился несколько месяцев. Монография вышла в начале 1979 года с этим названием, а в октябре за неё была присуждена премия Ленинского комсомола.

“Память” Владимира Чивилихина всколыхнула патриотические чувства огромного числа людей. Многие письма, адресованные ему, лаконичны до предела: “Спасибо Вам за Память”. Мы действительно не прониклись пока святым назначением этого слова, не сделали его нашим внутренним содержанием. А до нас ведь жили, создавали, боролись и погибали, отстаивая национальное достоинство, независимость, культуру и честь народа целые поколения людей, наши предки. Много знаем ли мы о ближайших из них? Мне, например, известно, кем были и как жили мои отец и мать, но сохранились лишь самые общие сведения о их родителях - бедняках, да имя прадеда по отцу - Михаил. И не хочется вот так же скоро оказаться навсегда забытым своими потомками. “Каждый из нас, нынешних, создающих по крупицам будущее, имеет право рассчитывать на благодарную память следующих поколений и дальнейшую, другую жизнь, но при условии, если мы научимся Память не предавать забвению”, — говорил

Владимир Чивилихин в предпоследнюю нашу встречу, затянувшуюся до утра. Об этой встрече стоит хотя бы коротко рассказать.

В начале июня 1984 года оставшиеся дни отпуска я проводил на садовом участке, пытаюсь в хозяйских делах заглушить неожиданно возникшее чувство тревоги. Всё валилось из рук, и попытки отвлечься не приносили облегчения. Дома встретили меня с удивлением: “Что случилось?” - “Не знаю. Как-то тревожно на душе. Может быть устал, надо сменить обстановку. Поеду к Чивилихину”. Потом многие люди рассказывали мне, что в те дни испытывали подобное состояние и объясняли это атмосферными изменениями от зарождавшегося урагана, принёсшего вскоре много бед. Возможно, они правы.

Владимир Чивилихин вошёл в шумно распахнутую дверь своей квартиры крупно и энергично, как делал это всегда после удачно выполненной работы. Увидев меня с женой, давно его ожидавших, искренне обрадовался: “Ой-хъ, Виталий с Зинулей! Ну, молодцы, что объявились, а то сижу на даче сиднем один, тяжело что-то, поговорить бы надо. Сейчас из издательства, сдал рукопись второго тома сочинений из будущего четырёхтомника.” И вдруг насторожился: “А как вы здесь оказались, почему не прямо на дачу приехали?” Я невнятно объяснил, что бродили по магазинам, оказались рядом, решили позвонить. Иришка (дочь - В.П.) сказала, что папа в городе, заедет домой, вот мы и зашли. “Да-а? Ну-ну...” - внимательно выслушав, сказал он и сразу сник, ушёл в себя, почувствовав неискренность.

С ним нелегко было общаться. Обладая феноменальной эрудицией и необыкновенной проницательностью, он видел человека буквально насквозь. Особенно доставалось тому, кто говорил не то, что думал, или придерживался иных взглядов. Сразу тогда взрывался, резко обрывал, и разговор заканчивался. Мне же он многое прощал. “Ладно, Виталий, поехали на дачу, там поговорим. Здесь не могу, душно, да и природа тянет. Почту только захвачу...”

Природа тянула его всегда, а в эти оставшиеся для жизни пять суток, наверно, особенно. В почте, кроме газет, оказались несколько десятков писем читателей и большой пакет из газеты “Советская Россия”. Повертев пакет в руках и раздумывая, вскрывать или нет, сказал: “Видимо, статью “О памяти” подослали. Вопросов там наставил, которые надо решать. Есть срочные. Жалко, если что убрали или сделали не так. В прессе это случается, даже с нами, писателями... Ладно, поехали!” Он тянул время, боясь встретиться с очередным недопониманием, что бывало до этого уже не раз.

Почти целый год на страницах газеты “Советская Россия” шла заочная читательская конференция в виде статей и писем читателей по опубликованной части романа-эссе “Память”. Всё было здесь необычно - содержание романа, форма его обсуждения, высокая заинтересованность участников, финал диалога с читателями, представленный Чивилихиным 25 мая 1984 года большой итоговой статьёй “О памяти”. И объяснялся такой «нестандарт», прежде всего, уникальностью личности самого автора, его удивительным даром возбуждать патриотизм людей, доносить до сознания глубинные явления прошлого, настоящего, будущего.

Разговор в машине поначалу не клеился. Он сидел за рулём задумчивый, поглощённый своими мыслями. Я знал, что беседовать с ним в такие минуты бесполезно, но, догадываясь о причине его состояния, всё же начал: “Читал статью “О памяти”. Она мне очень понравилась. Всё, должно быть, в порядке”. Он сразу оживился: “Прочёл и понравилась? Это уже хорошо”. - “Давай вскрою пакет, если там статья, прочитаю”. - “Нет, нет, только на даче, надо внимательно посмотреть. Трудная она была...”

И сразу вспомнился звонок Чивилихина в начале мая: “Пишу статью, Виталий. Газета “Советская Россия” попросила подвести итог заочной конференции с читателями по моей “Памяти”, вопросник дала. Второй день кручусь вокруг него, и

ничего не получается. Не могу уйти от серьёзных проблем в этом деле. Опять проблемы, понимаешь? А это всё-таки газета. Может, писать разучился? Давно ведь со статьями не имел дела. А эта нужна, она - финальная..." И он написал её - последнюю...

От Мытищ мы ехали уже вдвоём, заведя попутно Зину домой. Он начал первым: "Выкладывай, что случилось?" - а из-под очков смотрели пронзительные глаза. Запираться было бессмысленно: "Не знаю, как сказать... В общем, ничего не случилось. Только тревожно как-то в последние дни, места не нахожу. Может психика нарушилась или погода меняется..." - "Тревожно, говоришь? - он задумался. - Мне тоже не по себе, но уже давно. Будем считать, что погода виновата. Хотя... В человеке скрыто ещё много тайн, и их разгадают, наверно, не близкие наши потомки". Вдруг переменял тему: "За короткий срок не стало многих писателей, среди них - мудреца Шолохова. Недавно схоронили Василия Фёдорова. Какой это был поэт! Есенин нашего времени. Для России потеря невосполнимая. Недооценили его при жизни, но, уверен, ещё оценят".

Неожиданно я понял, что говорит он о себе, предвидя свою судьбу.

На даче сразу вскрыл пакет, в котором оказалось несколько номеров "Советской России" со страничной статьёй "О памяти", и углубился в чтение. Лицо его, вначале напряжённое, постепенно разглаживалось и светлело. Закончив читать, сказал: "Действительно, всё в порядке. Есть незначительные правки, вполне удачные. Исключён, правда, абзац о декабристах-солдатах, но вынужденно, меня предупреждали. Хотя жалко, ведь мало мы знаем о них. А в общем ничего. Молодцы "совросовцы", понимают они меня и проблемы наши нелёгкие. Надо обязательно заехать, поблагодарить". В эти минуты он весь светился внутренним осмыслением веры, признания и надежд. Видел я его таким впервые.

Он говорил не переставая, словно пытался перелить в меня всё своё содержимое - личные переживания, проблемы, творческие замыслы. Около двух часов ночи я осторожно напомнил, что дома, как всегда, будут ждать, пока не появлюсь. Он удивлённо посмотрел на часы, поначалу как-то обмяк, но вдруг решительно сказал: "Нет, Виталий, сегодня я тебя не отпускаю". - "Но ты же знаешь, Зина всю ночь просидит на балконе, а телефона на квартире нет". - "Я всё улажу, беру на себя". И я остался, не зная тогда, что судьба дарила мне последнюю возможность для общения с ним. А дома с нетерпением ждали до утра жена и сын, чтобы сообщить удивительную новость - в этот вечер родилась внучка.

Встречи и беседы с Владимиром Чивилихиным всегда и у всех оставляли неизгладимое впечатление. У меня их было множество за наше многолетнее побратимство, но я всегда с нетерпением ожидал новых. Объясняю это точными словами Сергея Викулова из статьи "Подвижник", опубликованной в "Советской России" 13 июня 1984 года в память об ушедшем писателе: "Острый ум, постоянная эмоциональная заряженность, железная логика в рассуждениях, энциклопедическая образованность делали его увлекательнейшим собеседником. Забывалось всё мелко-житейское, пропадало даже ощущение времени - ты безраздельно жил только тем, о чём говорил или в чём исповедовался он в этот раз".

А он исповедовался в ту ночь о многом. Его волновали новые творческие планы: "Вот закончу в ближайшие дни работу над "Памятью", передохну немного и сяду за художественный роман. Давно мечтаю об этом. Я напишу такой роман, который удивит всех". И после паузы повторил: "Да, именно удивит". Меня поразило это признание - прежде он так откровенно не делился своими замыслами, хотя об отдыхе часто говорил, никогда не отдыхая.

Через три дня он завершил пожизненный труд над "Памятью" и сдал в издательство последнюю рукопись, а в архиве остались исписанные одиннадцать толстых амбарных тетрадей с вложенным листком и надписью: "Дорога. Роман". Этот ли роман имелся в виду? Даже самый близкий ему человек, жена Елена Владимировна, перепечатавшая с

первоначальных рукописей, понятных только ей, все его произведения, не подозревала о той многолетней работе, которую он вёл, оберегая тайну до последних дней. Может быть поэтому записи велись не на обычных листах, а в тетрадях, которыми он никогда не пользовался при написании своих работ.

Или, всё же, он имел в виду “Кедроград”? Тема Кедрограда беспокоила его всегда, неизменно присутствуя при наших встречах. В октябре 1964 года он писал мне на Алтай: “Ясно одно - книгу (о Кедрограде - В.П.) делать надо, и грош нам цена, если мы её рано или поздно не сделаем... Надо рассчитывать своё время и силы”. А спустя почти двадцать лет, в ту незабываемую ночь, он обеспокоенно говорил: “Кедроград - юношеская моя любовь, и я останусь верен ей до конца. Пришло время начинать писать об этой удивительной эпопее. Многое прояснилось за четверть века, встало на свои места. С нетерпением ожидаю минуту, когда сяду за эту вещь. Тема Кедрограда всегда была желанная мечта, и я давно растворился в ней, а она во мне”.

Думаю, что замысел написать значительное художественное произведение о Кедрограде окончательно созрел у Владимира Чивилихина незадолго до кончины, но не потому, что просматривался конец работы над “Памятью”. В одну из последних встреч, когда разговор вдруг коснулся Кедрограда, он обмолвился: “Раньше садиться за большую литературную вещь на эту тему было, пожалуй, преждевременно. Многому предстояло dozреть. Многому предстояло осмыслить, и не только мне...”

В ту ночь, помимо кедроградской темы, он со страстью и тревогой говорил о своём постоянном увлечении - “Слове о полку Игореве” (о котором упоминал и в последней статье), о его настоящей и будущей судьбе: “В этом гениальном произведении - огромный потенциал эстетического, нравственного и патриотического воспитания нашего народа. Поэтому “Слово” необходимо сделать всеобщим достоянием, а не одних только учёных. Здесь ещё множество загадок громадного научного и общекультурного значения, которые надо скорей раскрыть, и я кое-что делаю в последних публикациях материалов “Памяти”. Но за такую позицию предстоит нелёгкая борьба и, видимо, скоро...”

Он оказался прав. Прошёл лишь месяц после похорон писателя, и уже 11 июля 1984 года “Литературная газета” опубликовала обширный материал “за круглым столом” под названием “Споры у подножья великого памятника” с участием учёных, знатоков “Слова”. Я не отношусь к этой категории людей, но мне показалась тогда очевидной попытка “запереть на замок” и сделать этот выдающийся памятник русской культуры только прерогативой узких специалистов, а “любителям” отвести роль наслаждающихся “поэтическим восприятием памятника” или сборщиков разных досье из напечатанного о “Слове”, “...которые очень пригодятся учёным... Пусть эта работа и не принесёт славы, но она необходима и вполне по плечу каждому”.

Я не думаю, что ради славы Владимир Чивилихин более тридцати лет скрупулёзно исследовал “Слово”, раскрывая для людей многие тайны литературного памятника. И, в частности, обосновывая гипотезу, что автором его был сам князь Игорь. Эту основополагающую для познания “Слова” гипотезу участники “круглого стола” решительно отклонили: “Попытки найти автора “Слова”, тем более из числа князей, означают попытку лишить это произведение народности”. И мне непонятно, почему “Слово”, являющееся по их утверждению “великой культурной победой нашего народа”, должно иметь для нас иной смысл, нежели, к примеру, победы, одержанные под руководством тоже князей Александра Невского, Дмитрия Донского и Пожарского, выдающихся представителей русского народа.

Вряд ли может устроить ещё и такой довод участников “круглого стола”: “Допустим, мы узнаем его имя (автора “Слова” - В.П.), его дела. Какая это была бы несправедливость к будущему! Разгадать его имя - значит украсть тайну у тех, кто будет жить после нас. Незнание больше известности...” Зачем тогда сегодня мы летаем в космос, стараемся проникнуть в неизведанные глубины всего, что окружает

нас? Ведь прогресс развития общества зависит от постоянного стремления раскрывать имеющиеся тайны во всех отраслях знания, включая тайны наших бессмертных литературных памятников.

Именно такой позиции всегда придерживался Владимир Чивилихин, о чём хорошо знали зачинщики “круглого стола”, затеявшие обсуждение “Слова” на страницах “Литературной газеты”, не дождавшись даже истечения христианских сорока дней после ухода человека в мир иной. Или, наоборот, постарались устроить литературный фарс именно в этот святой период.

А в ту памятную ночь, говоря о многом другом, Чивилихин исповедовался в неизменной любви к своему народу, в желании посылать и дальше в его судьбе. Уже ярко светило солнце, когда он, уставший, поднялся и сказал: “Пора заканчивать...” Вдруг взял статью “О памяти”, внимательно прошёлся взглядом по последней колонке и задумчиво произнёс: “Ты знаешь, Виталий, а ведь это похоже на завещание...”

И стал тягуче долго смотреть на свой удачный портрет под заголовком статьи, словно представлял, как будет наблюдать с него за живущими людьми. Его оставшееся земное время перешагнуло уже рубеж последних ста часов.

...Владимир Чивилихин не завершил многого, чего хотел. Но, растворясь своим творчеством в народе, он продолжает жить, работать, убеждать. И я верю в наши добрые народные традиции всегда исполнять заветы близкого человека, воздавать должное достойным сынам Отечества.

СЫН РОССИИ И ЗЕМЛИ

Об академике В.А. Коптюге

Утром 10 января 1997 года мне на работу позвонил Валентин Афанасьевич: “Надо бы повстречаться. Давно ведь не виделись, есть о чём поговорить. Но сегодня буду занят, поэтому лучше завтра - в первой половине дня. Как?”

“Завтра” - была суббота и для подобных встреч время самое подходящее: телефоны молчат, никто не беспокоит, можно спокойно поговорить.

Встречам с академиком В.А. Коптюгом я рад был всегда. И об этой, последней, договорились сразу - на 10 часов утра. Его тихий, спокойный голос в телефонной трубке не предвещал ничего особенного. Никаких тяжёлых предчувствий, которые, говорят, иногда появляются накануне трагических событий, не было. Наоборот, повысилось настроение от возможности в очередной раз “сверить часы”, как любил выражаться Валентин Афанасьевич.

После возвращения в 1992 году из Рио-де-Жанейро, где в составе российской делегации мы вместе участвовали в работе Конференции ООН по окружающей среде и развитию, наши встречи проходили довольно регулярно, когда Валентин Афанасьевич прилетал из Новосибирска в Москву, а уж если ему приходилось бывать по делам в Доме правительства, то он навещался ко мне в кабинет даже без предупреждения. В тот раз я, собственно, тоже ожидал звонка, хотя в последнее время “сверка часов” не проводилась уже давно. В Госкомприроде России намечалось провести заседание Правительственной комиссии по Байкалу, где академику В.А. Коптюгу предстояло выступить с докладом как председателю экспертной группы Комиссии по перепрофилированию Байкальского ЦБК. И в эти дни он должен был появиться в Москве.

Не знаю почему, но я не воспринимал многочисленные высокие ранги этого человека, хотя прекрасно понимал, что общаюсь с выдающимся организатором науки и

учёным с мировым именем, с настоящим самородком, обладающим качествами перспективного планетарного мышления. Ведь не случайно Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали среди других 20 отобранных со всего мира специалистов пригласил в члены Консультативного совета высокого уровня по устойчивому развитию именно академика В.А. Коптюга.

На специфику наших отношений, видимо, повлияло длительное и довольно тесное общение на далёком южно-американском континенте, а также единство взглядов на все проблемные вопросы, включая оценку проводимых в стране реформ и содержательную суть устойчивого развития. И ещё, возможно, то, что при знакомстве во время продолжительного перелёта в Рио выявились вдруг одинаковые у нас боли, спровоцированные развалом Советского Союза. Мой отец, кадровый военный, после окончания войны поселился вместе с семьёй в городе Бресте, там он-вологжанин и мать-сибирячка нашли последний приют в белорусской земле, там же проживают сейчас и две мои сестры, а я оказался оторванным от этих родственных корней, неожиданно очутившихся в иностранном государстве. Ещё тяжелее переживал развал СССР Валентин Афанасьевич: “Сам я белорус, жена - армянка, а дети русские. И для меня малая родина - весь Советский Союз, которого теперь не стало”.

Последним обстоятельством я однажды воспользовался при неожиданной встрече с Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, возглавлявшим белорусскую делегацию на международной конференции “Десятилетие Чернобыля: оценка последствий аварии”, проходившей в Вене 8-12 апреля 1996 года. Участвовала в работе конференции и российская делегация. Перед возвращением на Родину несколько членов нашей делегации решили посетить известный в Вене памятник советским воинам-освободителям. Этот величественный монумент имеет многочисленные надписи на русском языке. Одна из них, например, гласит: “Вечная слава героям Красной Армии, павшим в боях с немецко-фашистскими захватчиками за свободу и независимость народов Европы”. И ещё: “Гвардейцы!.. Ваше бессмертье над вами встаёт. Доблестно павшие, спите спокойно, вас никогда не забудет народ”.

Пока мы знакомились с надписями, к монументу подошла большая группа людей. В середине неё находился А.Г. Лукашенко. Ему энергично давали пояснения. Естественно, мы подошли поближе и представились. Завязалась беседа, вскоре перешедшая на конкретную тему. А.Г. Лукашенко указал рукой на памятник: “Вот, видите, когда мы были вместе, то успешно боролись против зла и побеждали. Народы Европы были нам благодарны за это”. Воспользовавшись случаем, я напомнил о состоявшейся месяц назад в здании Правительства РФ встрече с представителями Белоруссии, на которой президенты обоих государств торжественно объявили о начале процесса создания Союза наших двух стран.

А.Г. Лукашенко подтвердил: “Да, будем создавать такой Союз, договорились твёрдо. Ведь он необходим прежде всего людям, которые от разъединения страдают больше всего”. Как было здесь не рассказать о душевной боли моей и академика В.А. Коптюга?

А.Г. Лукашенко внимательно выслушал и отреагировал так: “Академика белоруса Коптюга мы знаем и высоко ценим. Это выдающийся учёный и большой патриот нашего общего Отечества. Передайте ему, что допущенную ошибку будем исправлять, и ничто нам в этом святом деле помешать не сможет”.

После той встречи у памятника нашим воинам-освободителям в центре Европы прошло почти девять месяцев, а стыковки с Валентином Афанасьевичем не получалось. Теперь я понимаю, что иногда за важными текущими делами упускается действительно самое важное, о чём приходится потом жалеть всю жизнь. Просьба А.Г. Лукашенко так и осталась невыполненной. Даже раздавшийся утром 10 января 1997 года телефонный звонок со словами “давно ведь не виделись, есть о чём поговорить” уже не мог помочь. До внезапной кончины академика В.А. Коптюга оставалось чуть более восьми часов...

Об участии России в Конференции ООН по окружающей среде и развитию следует рассказать подробнее. Столь важное для всех стран событие нашими средствами информации почти не освещалось. Корреспонденты российских газет, радио и телевидения в Рио-де-Жанейро даже не направлялись. В то же время информационные агентства всего мира имели там 8000 своих представителей, которые внимательно следили за Конференцией и сопутствующими ей мероприятиями, широко освещали их историческую значимость и ход работы.

Если представить на секунду весь земной шар в ярко освещённом виде, то примерно восьмая часть всей поверхности суши (Россия) будет тёмным информационным пятном, где находится, однако, огромный потенциал биосферы, включающий в том числе четвертую часть лесного покрова Земли. В такой обстановке замалчивания мирового форума, собравшегося для поиска путей спасения человечества от глобального экологического кризиса, ведущую роль в информационном освещении образовавшегося тёмного пятна взял на себя по возвращению из Рио-де-Жанейро академик В.А. Коптюг.

А начиналась наша поездка так. В связи с проведением 3-14 июня 1992 г. Конференции ООН по окружающей среде и развитию Правительство РФ своим распоряжением (от 2 апреля 1992 г. № 629-р) создало под председательством министра экологии и природных ресурсов В.И. Данилова-Данильяна **Подготовительный комитет**, в состав которого вошёл и академик В.А. Коптюг. Комитету поручалось подготовить проект обращения Президента РФ для оглашения на Конференции, а также предложения по персональному составу делегации. Однако этим же распоряжением устанавливался ограничитель - количественный состав делегации 10 человек, и все попытки увеличить численность хотя бы вдвое оказались безрезультатными. Мотив - отсутствие средств. (Для сравнения: численность делегации США - 260, Японии - более 300 человек). Следующими распоряжениями Правительство РФ утвердило состав делегации (от 21 апреля 1992 г. № 767-р) и указания для неё на Конференцию ООН (от 28 мая 1992 г. № 963-р).

В состав делегации вошли: В.И. Данилов-Данильян и ещё двое руководителей управлений Минэкологии России - Ю.С. Казаков и Е.В. Касумян, академики РАН В.А. Коптюг и А.С. Исаев - директор Международного института леса, В.П. Ворфоломеев - председатель Комитета по экологии и природопользованию Верховного Совета РФ, В.П. Кимстач - зам. председателя Комитета по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, М.Е. Кокеев - зам. начальника Управления МИДа России. Помимо меня, представлявшего отдел экологии и природопользования Аппарата Правительства РФ, в состав делегации был также включен А.В. Яблоков - Государственный советник РФ по политике в области экологии и охраны здоровья, который однако не смог поехать на Конференцию.

Среди членов делегации не оказалось, к сожалению, представителей социальной, экономической, финансовой и других сфер деятельности, что существенно осложнило не только работу делегации на Конференции, но также подготовку и согласование уже в России программных документов по устойчивому развитию. Не зря говорят - скупой платит дважды.

Указания делегации РФ на Конференцию ООН - довольно обширный документ, определивший основные направления нашей работы на всемирном форуме. Поскольку этот документ мало известен и до сих пор продолжаются споры вокруг позиции России на данной Конференции, приведу некоторые выдержки из него:

“В работе делегации... исходить из того, что масштабность стоящих перед Россией экономических и природоохранных задач диктует необходимость всё более интенсивного включения страны в международное экологическое взаимодействие, которое через сложение усилий всех стран и взаимообогащение их опыта в вопросах

охраны окружающей среды ведёт к экологически безопасному и устойчивому развитию. В этом контексте отметить, что Россия осознаёт свою ответственность за выполнение обязательств, принятых бывшим Советским Союзом по международным договорам в природоохранной области, и выступает за наращивание... природоохранного сотрудничества...

...Изложить в целом наше видение задач и целей Конференции... как уникального мероприятия, призванного выработать новую основу для международного сотрудничества в области устойчивого развития, включая морально-этические аспекты и соответствующие организационные и финансовые механизмы.

...Высказаться за то, чтобы система мониторинга окружающей среды, в том числе космического, была поставлена на службу всего мирового сообщества... Привлечь внимание к вопросу о всеобщем прекращении ядерных испытаний или, по крайней мере, о моратории на их проведение.

...При выборах членов Бюро Конференции и её Главного комитета добиваться членства России в этих органах... **“Повестка дня на XXI век”** должна быть окончательно согласована на рабочем уровне и принята Конференцией... Необходимо добиваться, чтобы в преамбуле документа, и в особенности в разделах о финансировании и передаче технологий, нашли отражение интересы и специфические потребности России и других стран с переходной экономикой... При доработке согласованного в целом проекта **“Декларации Рио”** вести дело к тому, чтобы придать этому документу более чётко выраженный политический характер. Подписать Декларацию от имени Российской Федерации.

...Способствовать достижению договорённости по **документу о лесах**, который впоследствии мог бы стать основой для разработки соответствующей рамочной конвенции... Продвигать идею международной масштабной программы лесоразведения на территории России как вклада в предотвращение отрицательных изменений климата.

...В случае готовности к подписанию **Конвенции об изменении климата и Конвенции о сохранении биологического разнообразия** и получения соответствующих полномочий подписать указанные документы от имени Российской Федерации. Вести дело к подтверждению достигнутых договорённостей об учёте в этих конвенциях интересов и нужд стран с переходной экономикой.

...Высказаться за взаимодействие государственных структур с неправительственными организациями и деловыми кругами в принятии и реализации решений Конференции в Рио-де-Жанейро”.

Эти и другие указания были достаточно ясны, и российская делегация приложила максимум усилий для их выполнения. В то же время академик В.А. Коптюг считал недопустимым для России “отсутствие должной информации по глобальным стратегическим вопросам, рассматривавшимся Конференцией ООН, тем более, что правительствам и парламентам всех стран мира предложено рассмотреть её решения и сверить с ними свою национальную политику”. Он ещё раньше знал общую ситуацию, принимая с 1990 года участие в том, что разрабатывалось и осуществлялось в ходе подготовки Конференции. И первым его практическим шагом после её завершения стала подготовка подробного **Информационного обзора “Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 года)”**, изданного СО РАН уже через два месяца после возвращения делегации из Рио. Такую обширную аналитическую работу и в столь короткий срок мог выполнить только человек, обладавший незаурядной широтой мышления и фантастической работоспособностью.

В Информационном обзоре, помимо общего анализа ситуации, подробно изложена суть основных выступлений и обсуждённых проблем, вызвавших в мире столь серьёзную обеспокоенность перспективами развития цивилизации, отражены

возникавшие на Конференции конфликты и трудности нахождения компромиссных решений при подготовке итоговых документов. Поэтому нет смысла на тех же вопросах ещё раз заострять внимание. Лучше коротко расскажу о работе российской делегации в создавшихся непростых для неё условиях, о чём до сих пор мало известно и что характеризует отношение реформаторского режима к назревшим проблемам развития мирового сообщества, а также престижу своей страны.

Поскольку Конференция проходила на уровне глав государств и правительств, Б.Н. Ельцин возложил подписание итоговых документов на вице-президента А.В. Руцкого, прибывшего в Рио-де-Жанейро лишь на завершающей стадии её работы. Для малочисленной российской делегации столь долгое отсутствие официального руководителя не могло, конечно, пройти бесследно, хотя общую координацию её деятельности по обсуждению, поиску компромиссных формулировок и согласованию с учётом интересов России большого количества вопросов в трудно дорабатываемых документах активно обеспечивал В.И. Данилов-Данильян. Ежедневно до начала работы Конференции определялась задача на день каждому члену делегации. Но людей явно не хватало. Кроме того, возникали вопросы, требующие обсуждения и решения на самом высоком уровне.

После церемонии открытия Конференция образовала для поиска компромиссов **Главный рабочий комитет** во главе с послом Сингапура при ООН Томми Кохом и приступила к заслушиванию на своих пленарных заседаниях сначала природоохранных министров разных стран, затем - глав государств и правительств.

Деятельность **Главного рабочего комитета** осуществлялась параллельно пленарным заседаниям и ориентировалась на поиск компромиссных формулировок по недоговорённым позициям **“Повестки дня на XXI век”** и других итоговых документов. С этой целью было создано в рамках Комитета восемь контактных групп по проблемам: финансовые ресурсы, передача технологий, проблемы атмосферы, биоразнообразие и биотехнологии, ресурсы пресной воды, защита лесов, правовые инструменты, институциональные меры (согласование порядка деятельности специальной Комиссии устойчивого развития, по которой уже было достигнуто взаимопонимание о необходимости её создания в рамках ООН).

Таким образом, на Конференции функционировало девять важных рабочих точек, где требовалось присутствие членов делегаций, если страна была заинтересована в отстаивании своих интересов. В общем, для всех стран это не составляло особых трудностей, кроме России. Даже мелкие островные государства имели в составе своих делегаций по несколько десятков человек, не считая специально привезённых экспертов. Сложность работы контактных групп, которым приходилось иногда рассматривать **“тугие узлы”** проблем, хорошо показана В.А. Коптюгом в Информационном обзоре.

Особенно **“тугие узлы”** сформировались ещё до Конференции в ходе работы **Подготовительного комитета**: по проблемам атмосферы, биоразнообразия и защиты лесов, что реально ставило под угрозу принятие соответствующих итоговых документов. Именно на этих участках приходилось концентрировать основное внимание российской делегации, направляя туда **“усиленные наряды”** и оголяя участки работы в других контактных группах.

Дискуссии по некоторым вопросам были настолько трудными и затяжными, что обсуждение в контактных группах завершалось иногда за полночь, а то и к утру. Координаторы групп делали всё возможное, чтобы не сорвать подписание документов. Но это не так тяжело отражалось на физическом состоянии участников дискуссий, если им обеспечивалась своевременная замена, как, например, в делегациях США или Японии, численность которых превышала российскую в 25 и более раз.

Кроме того, нельзя было оставлять без внимания представительский стол России с четырьмя посадочными местами в главном зале пленарных заседаний, который

располагался на почётном месте вблизи трибуны и рабочего президиума. Здесь нам на помощь приходила более многочисленная делегация Казахстана, с которой у нас установились тёплые отношения. Казахские представители часто восседали за российским столом вместе с одним из членов нашей делегации.

Малочисленность состава российской делегации оказалась для нас серьёзной проблемой, которую однако удавалось решать за счёт подвижничества большинства членов делегации, понимания ими важности этого всемирного форума для будущего России. Они, бесспорно, заслуживают добрых слов за проявленную ответственность и настойчивость в отстаивании российских позиций в непростых условиях. Но особенно восхищали меня наши академики. Александр Сергеевич Исаев - всемирно признанный учёный и знаток леса сразу снял головную боль по тяжелейшей проблеме защиты лесов, полностью переключив её на себя. Дискуссии в данной контактной группе были особенно жёсткими и оканчивались всегда поздно. Я дважды участвовал в этих баталиях и видел, с каким вниманием присутствовавшие относились к замечаниям и рекомендациям академика А.С. Исаева.

В отношении Валентина Афанасьевича скажу одно - не было бы его в составе делегации, не удалось бы охватить обсуждением весь спектр проблем. Его интересовали они все, во всех контактных группах. Этот человек-машина успевал везде. И везде выступал, убеждал, доказывал. Как очевидец, могу засвидетельствовать, что популярность Валентина Афанасьевича и оказываемые ему на Конференции знаки уважения были необычайно высоки. Думаю, что именно здесь проявившиеся у академика В.А. Коптюга особые активность, широта мышления и убеждённости в необходимости перехода на путь устойчивого развития послужили основанием для приглашения его в 1993 году Генеральным секретарём ООН в Консультативный совет высокого уровня по устойчивому развитию как одного из наиболее "авторитетных, широко эрудированных лидеров, представляющих различные сферы жизни общества".

Но всё же было и обстоятельство, которое угнетало членов российской делегации, порождало чувство некой ущербности от недооценки важности проводимого мероприятия руководством страны, местными посольством и консульством. Авторитет России на Конференции выражался во внимательном отношении к нам многих делегаций, хорошо понимавших биосферную и экономическую значимость нашей страны в решении планетарных задач устойчивого развития, что вызывало естественную гордость и одновременно разочарование от того, как она была здесь представлена. Академик В.А. Коптюг выразился по этому поводу предельно точно: "Впечатление такое, будто великой России больше не существует". И для такого высказывания были веские основания.

Мы прилетели в Рио-де-Жанейро утром 2 июня и ещё по дороге из аэропорта обратили внимание на фасады отдельных зданий, украшенные флагами различных государств. Встретивший нас представитель российского консульства с готовностью пояснил: "Эти здания - отели, а государственные флаги - информация о расквартированных здесь делегациях соответствующих стран. Своеобразный имидж для отеля и страны".

Но такая замечательная традиция оказалась неприемлемой для российских организаторов. По разработанному сценарию нашу делегацию разместили в двух отелях: пятизвёздочном - на берегу океана, где были забронированы номера для академиков и В.И. Данилова-Данильяна, и трёхзвёздочном - на тихой зелёной улице у самого консульства, где номера были дешевле, хотя гораздо больше и удобнее. Но особое удивление вызвало то, что на фасадах обоих отелей среди вывешенных флагов стран, разместивших здесь свои делегации, отсутствовал государственный флаг России. На вопрос "почему?" последовал банально простой ответ - "нет средств".

Во время проведения крупных международных мероприятий, типа мировых чемпионатов, олимпийских игр и подобных (Рио) конференций, цены на все товары и

услуги действительно резко повышаются. Как удалось выяснить, стоимость изготовления и установки стандартного флага в тех условиях доходила до 800 долларов США. Следовательно, двух - 1600. Это примерно стоимость 160 банок пива в тех же условиях. Грубо говоря, на чаши весов ставились пять-шесть ведёр упомянутого напитка и престиж великой державы, а одновременно и её делегации, которая оказывалась на полуподпольном положении. Такова настоящая цена вопроса.

И уж совсем неприемлемой оказалась ситуация с офисом российской делегации. Рабочие офисы полагались всем делегациям на период проведения Конференции, где можно было бы собираться, обсуждать возникающие проблемы, отдыхать, наконец, при необходимости. Для Конференции был специально построен обширный комплекс в 30 километрах от Рио-де-Жанейро. И мы решили заранее обследовать его. Под высокой крышей огромного зала был выстроен целый офисный городок из лёгких сборных конструкций. Свой офис мы отыскивали с большим трудом по скромной надписи на приклеенной бумажной ленте: “Российская Федерация”. Войдя, увидели комнату около 15 квадратных метров и в углу небольшой стол с телефоном. Даже сесть, если придёшь, не на что! На эту удручающую картину реакция была единой: “Чтобы не позориться, лучше сюда не приходить”.

По случайному, видимо, совпадению рядом оказался офис японской делегации. Он состоял из почти десятка соединённых внутренними дверями комнат, подобных нашей. Здесь были расставлены компьютерная и множительная техника, удобная мебель, телевизоры, телефоны и прочее оборудование. Функционировал и небольшой пищеблок. А многочисленные японцы энергично сутились, завершая последние приготовления.

По поводу увиденного в “офисном городке” консул разъяснил, что установленным регламентом для каждой делегации выделяется бесплатно тот минимум, который мы видели. А увеличение площади, установка мебели и прочее осуществляется за дополнительную плату. В российской смете расходов такие затраты не предусмотрены. И у консульства денег тоже нет. А находящееся в городе Бразилиа посольство в подготовительные мероприятия не вмешивалось.

В результате закономерными стали последствия этих изначальных “бытовых” зарисовок. Прилетевший в Рио-де-Жанейро на сутки позже из-за вынужденной задержки В.И. Данилов-Данильян отказался, к его чести, поселиться в ранее предусмотренном месте и потребовал предоставить номер в трёхзвёздочном отеле, мотивируя это необходимостью постоянного общения с членами делегации и близостью консульства. С большими трудностями один номер освободили, и Виктор Иванович разместился в нашем здании. Правильность такого решения вскоре подтвердилась: все совещания по выработке позиций, подготовке выступлений и согласованных действий проходили у него, а сбор участников обеспечивался оперативно, что имело большое значение при дефиците времени. В более сложном положении оказались академики, переселить которых не удалось. На них и так лежала большая нагрузка на Конференции, а тут ещё вынужденные переходы в очень ранние или поздние часы - дополнительная трата сил и времени. В общем, “хотели как лучше, а получилось...” даже хуже.

Государственные флаги России на двух отелях, где размещалась наша делегация, всё же появились, когда в Рио-де-Жанейро на завершающую стадию Конференции прилетел вице-президент РФ А.В. Руцкой для подписания итоговых документов. Средства, выходит, нашлись, и “лучше поздно, чем никогда”. А о своём рабочем офисе в здании Конференции члены российской делегации просто забыли, хотя его необходимость ощущалась постоянно, особенно когда дискуссии в контактных группах затягивались и приходилось долго ожидать машину, вызванную из консульства уже в ночное время.

После открытия Конференции я как-то спросил у Валентина Афанасьевича, много бывавшего за рубежом и участвовавшего в разных международных мероприятиях, об его отношении к тому, как смотрится наша страна на нынешнем всемирном форуме. Без всяких эмоций он ответил (почти дословно): “Я, собственно, предполагал, что может произойти нечто нехорошее. Однако то, что пришлось увидеть, у меня лично вызвало не возмущение, а злость, которая, говорят, плохой советчик, хотя она ведь бывает разная и порождает энергию не только сопротивления или агрессии, но и созидания. То, что это дополнительная энергия, - факт. И её можно использовать по своему усмотрению. Во всяком случае, я ощущаю это по себе”.

Возможно, отсюда бралась у академика В.А. Коптюга “дополнительная энергия”, которая использовалась на Конференции, безусловно, в созидательном направлении и в интересах всей цивилизации, не только России. Могу также предположить, что деятельность некоторых членов российской делегации стимулировал тот же источник, позволивший в итоге добиться положительных результатов.

Но свою “дополнительную энергию” Валентин Афанасьевич в Рио явно недоиспользовал. Эта энергия продолжала питать его, когда мы в самолёте возвращались на Родину. Он не мог ничего не делать на протяжении двадцати часов утомительного полёта и сразу после набора высоты начал писать, разложив на двух соседних креслах кучки захваченных из Рио бумаг, газет и книг, преимущественно на иностранных языках.

Мы летели в первом салоне только составом делегации, и было много свободных мест. После напряжённых дней чувствовалась усталость, а Валентин Афанасьевич писал. После обильного обеда многие уснули. Я проспал около пяти часов, а когда проснулся - он всё писал. После второго обеда снова задремал и проснулся уже над Средиземным морем, самолёт снижался к острову Мальта для посадки - он всё писал. Рядом уже выросла стопа исписанных мелким почерком листов, а он продолжал трудиться почти до самой Москвы. Так рождался над Атлантическим океаном и континентами знаменитый Информационный обзор академика В.А. Коптюга “Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 года)”, сыгравший огромную роль в просвещении граждан России об этой Конференции, формировании в стране мировоззрения, ориентированного на устойчивое развитие.

И всё же, несмотря на положительные результаты нашей командировки, участие в работе Конференции не оставило у меня светлых впечатлений. Может быть потому, что ближе к её завершению стала преобладать усталость и сыграл свою роль угнетающий фактор явного пренебрежения российских властей к авторитету Родины. А возможно, ещё и потому, что так и остался для меня неизвестным красивейший экзотический город Рио-де-Жанейро, куда всю жизнь стремился, но так и не попал Остап Бендер.

xxx

По возвращению в Россию предстояло решить сложнейшую задачу: какие документы следует разработать, чтобы они соответствовали выводам и рекомендациям Конференции ООН при наличии в стране непростой политической обстановки.

Эти выводы и рекомендации, отражавшие согласованную позицию мирового сообщества, констатировали, в частности, необходимость и безальтернативность перехода на новый, более организованный и регулируемый путь развития человечества, а также недопустимость повторения пути развития, по которому пришли к своему благополучию развитые страны. Нынешняя модель процветания последних с соответствующим характером производства и потребления не является устойчивой, ведёт к активной деградации окружающей среды, поляризации общества и не может быть повторена развивающимися странами и странами с переходной экономикой.

Человечество достигло уже такого рубежа, за которым неизбежно должно последовать кардинальное изменение политики, иначе оно реально познает “конец света”.

Подписав в Рио-де-Жанейро важнейшие документы, Россия взяла и на себя серьёзные обязательства по реализации программы всемирного сотрудничества. Однако начавшиеся уже в 1990 году глубинные преобразования в стране успели ещё до Конференции в Рио раскрутить на её территории “перестроечный механизм” перехода на модель свободного рынка, который, по признанию Конференции ООН, не в состоянии обеспечить должный баланс между решением социально-экономических проблем и сохранением окружающей среды на длительную перспективу. Ещё в 1987 году **Всемирная комиссия ООН по окружающей среде и развитию** в опубликованном обширном докладе Г.Х. Брундтланд “Наше общее будущее” резко обострила вопрос о необходимости поиска новой модели развития цивилизации. Поэтому так старательно реформаторы России замалчивали Конференцию ООН в Рио и её итоговые документы. Лишь благодаря академику В.А. Коптюгу, оперативно подготовившему Информационный обзор о работе Конференции и принятых ею решениях, эти старания оказались в определённой мере нейтрализованными.

Навязанный России по сути антиэкологический путь развития объективно обуславливал трудности с реализацией документов Рио, поскольку переориентировать за короткий срок в нужном направлении запущенный уже механизм преобразований было практически невозможно. С января 1992 года в экономической сфере начала осуществляться известная “шоковая терапия” и велась активная подготовка к всеобщей “приватизации”. Кроме того, за 1992-1994 годы произошли три радикальных перемены состава правительства с приходом соответствующих новых “команд”, вытекающими отсюда кадровой чехардой и изменениями в структуре управления (в том числе министерств и ведомств), что не могло не влиять на процесс подготовки и принятия нужных решений.

Чтобы не быть излишне субъективным в оценке кадровой ситуации, сошлюсь на авторитетное мнение В.П.Квасова, которого В.С.Черномырдин, став премьером в конце 1992 года, пригласил на должность руководителя аппарата Правительства (“Народная газета”, 25 апреля 1995 г.): “Однако с первых же дней работы я увидел, что вверенный мне аппарат Правительства, находящийся практически в одной связке с администрацией Президента, напрочь лишён той обстановки делового сотрудничества и доверия, которыми когда-то славилось Управление Делами... Я увидел бродившие по аппарату стада бородатых молодцов в рваных, как водится, джинсах, с разнузданными манерами в словах и делах. Как выяснилось, это были работники аппарата. В бывших цеховских апартаментах на Старой площади (здесь размещалось Правительство с сентября 1991 г. по февраль 1994 г. - В.П.), куда раньше допускали не каждого коммуниста, я обнаружил и многочисленных иностранных “советников”, которые почему-то не расставались со своими портфелями-дипломатами в столовой и даже при самой острой нужде, простите, в туалете...”

Единственной дореформенной структурой в аппарате Правительства РФ, которую чудом удавалось уберечь от нежелательных реорганизаций и кадровых изменений почти до конца 1996 года, оставался отдел (с 1994 г. - департамент) природопользования и защиты окружающей среды, что во многом способствовало принятию целесообразных документов.

Период 1992-1996 годов аппаратной работы в коридорах власти, когда в России осуществлялась разработка основополагающих документов по реализации решений Конференции ООН в Рио, почти не освещался в печати и остаётся неведомым в части происходивших там событий. Это, естественно, порождало и порождает многочисленные искажения действительности и частые домыслы, порой даже осознанные и преследующие определённые цели. Иногда в таких “литературных

упражнениях” неправомерно используется имя академика В.А. Коптюга. Поэтому о данном периоде стоит рассказать подробнее.

Вскоре после возвращения российской делегации из Рио-де-Жанейро распоряжением Правительства (от 19 августа 1992 г. № 1522) была создана **Межведомственная комиссия для разработки предложений по реализации решений Конференции ООН по окружающей среде и развитию** под руководством В.И. Данилова-Данильяна. Комиссии поручалось подготовить национальный план действий по реализации данных решений. Именно план действий, то есть предложений (как в названии Комиссии): что, кому из управленческих и иных структур и в какие сроки следует конкретно предпринять или разработать для выполнения поставленной задачи. План затем предполагалось утвердить Правительством с соответствующими поручениями исполнителям. Поэтому и срок представления такого плана был утверждён довольно жёсткий - 1 ноября 1992 года. При качественном исполнении поручения все структуры российского общества можно было бы сразу вовлечь в процесс осознания и поиска решений по многочисленным проблемам устойчивого развития. Это во многом облегчило бы подготовку главного государственного документа по переходу страны к устойчивому развитию, о котором тогда ещё не было чёткого представления.

Такой являлась организационная суть замысла, который подкреплялся одновременным поручением в адрес Минэкологии России и Мининформпечати России информировать общественность об итогах работы Конференции ООН. Техническое исполнение этого поручения не составляло особого труда. Следовало хотя бы растиражировать в массовом порядке через СМИ небольшое по объёму послание Президента РФ участникам Конференции и трёхстраничную Рио-де-Жанейрскую декларацию по окружающей среде и развитию, в которой провозглашалась содержательная основа 27-ми принципов устойчивого развития, одобренных 179-ю государствами, включая Россию. Я не говорю уж о выступлениях руководителей стран и других документах, которые члены делегации привезли с собой. Сравнительно небольшой тираж (1000 экз.) Информационного обзора, подготовленного академиком В.А. Коптюгом, был для массовой аудитории конечно же недостаточен.

Однако это важнейшее поручение Правительства, столь несложное по технике исполнения, оказалось невыполненным. За мой 17-летний период работы в аппарате Правительства это был, пожалуй, единственный случай, когда предпринятые попытки добиться положительных сдвигов в порядке обязательного контроля за исполнением правительственного поручения оказались безрезультатными. И этот необычный случай заставил тогда о многом задуматься.

Появившуюся обеспокоенность не развеял, а, наоборот, усилил Валентин Афанасьевич, навестивший меня в декабре 1992 года на Старой площади. Свои убедительные доводы он позднее изложил в печати (“Правда”, 28 июля 1993 г.): “Абсолютное молчание прессы, абсолютное. Почему молчат? Да потому, что, если взглянуть на то, что мы творим у себя в стране, через призму решений Конференции в Рио-де-Жанейро, после этого начнёшь во многом сильно сомневаться. Почему не хотят, чтобы эти материалы породили размышления в нашем обществе? Да потому, что цель-то действительно одна: изменить социально-общественный строй. А если начнут читать материалы, начнут задумываться: надо ли это? Нынешнему режиму надо успеть провести такое реформирование, чтобы уже никто не смог вернуться назад”.

Ещё большее недоумение вызвало исполнение первого поручения. Минэкологии России не восприняло его организационный замысел и начало сразу “брать быка за рога”, положив в основу разработки “плана действий” обычный программный метод, хотя это было очевидной ошибкой. Взятый на вооружение реформаторами ещё в 1991 году программно-целевой (взамен планового) подход к распределению финансовых и материальных ресурсов при решении назревших государственных задач являлся лишь

стандартным механизмом рассредоточения ресурсных возможностей по конкретным сферам деятельности и объективно порождал приоритетность узковедомственных и лоббистских интересов, затрудняя необходимость государственного управления данным процессом.

Именно поэтому представленный в начале 1993 года Межведомственной комиссией весьма объёмный проект “национального плана действий” представлял собой, в основном, свод намечаемых к разработке или уже реализуемых программ в сфере природопользования и охраны окружающей среды с подробным изложением содержательной их части. Такой стандартно-ведомственный подход к разработке масштабного и многопланового документа оказался неприемлемым, поскольку назревшие экологические проблемы уже невозможно стало решать с помощью лишь природоохранных мер и требовалась коренная реконструкция всех экономических и социальных сфер в нужном направлении, на что и нацеливали документы Конференции в Рио. А простой “сбор в кучу” сугубо узкопрофильных экологических программ, в том числе уже действующих, совершенно этому не соответствовал. Требовалась разработка документов совсем иного плана, предусматривающих для достижения цели радикальную ломку мировоззренческих устоев.

Стало очевидным, что выход из создавшегося положения следует искать через разработку и утверждение на самом высоком уровне серии концептуальных документов, которые позволили бы целенаправленно изменить подход к перестроечным процессам, постепенно направляя их в заданное русло и подготавливая для этого необходимую законодательную, нормативную, экономическую и социальную базу. Уровень правительственных решений в данном случае не годился, о чём и свидетельствовал характер исполнения упомянутого распоряжения. Чтобы не допускались своеобразные вольности, исходные документы должны были быть нормативными и обязательными для исполнения всеми структурами власти и управления. Это означало, что решение проблемы следовало искать в сфере компетенции Президента РФ, через его указы.

Во время декабрьской (1992 г.) “сверки часов” академик В.А. Коптюг в целом одобрил новый подход, хотя и выразил сомнение в его реальности. Для меня же было чрезвычайно важно мнение Валентина Афанасьевича. Всё зависело теперь от содержания нового исходного документа и официального разрешения на его разработку.

Неожиданная поддержка была оказана куратором нашего отдела, вице-премьером Ю.Ф. Яровым. Пришлось ему доложить о содержании документа, который вскоре намечалась представить Межведомственная комиссия, о несоответствии этого документа необходимым требованиям, а также разделяемые академиком В.А. Коптюгом соображения о целесообразности разработки документа иного плана с утверждением его Президентом страны.

За дальностью времени теперь можно сообщить подробности того моего визита к вице-премьеру Ю.Ф. Ярову. Юрий Фёдорович отреагировал на доклад (в обобщённом виде) так: “Плодить ещё одну программу, тем более сводную, ни к чему. Будем готовить другой документ и выходить на указ Президента. Но документ придётся готовить вашему отделу, хотя это и нарушение установленного порядка. Согласованные проекты подобных документов в правительство вносят министерства и ведомства. Поэтому желательно, чтобы Данилов-Данильян пока ничего не знал. У него другая позиция, и если узнает, может помешать. А мы уже потеряли много времени. Пусть продолжает работать над своим “планом действий”, и чем дольше, тем лучше. Когда представит проект, соберёмся, рассмотрим, наверняка будут замечания, отправим на доработку, а там посмотрим. Но учтите, вся ответственность за подготовку нового документа ляжет на вас. Он должен соответствовать особым требованиям указа Президента - быть лаконичным и содержать необходимую суть. Советую не увлекаться

пока экономической и социальной проблематикой, чтобы... “не дразнить гусей”. Делайте больше упор на природоохранный аспект. Главное сейчас - издать документ, запустить механизм. В указе надо бы предусмотреть поручение о разработке документа более высокого порядка, чтобы появилась перспектива для продолжения работы по проблеме устойчивого развития, которую одним “кавалерийским наскоком” не осилишь. Структуру документа продумайте с юристами. О сроке не говорю, это надо было сделать ещё вчера”.

Так неожиданно возникла чёткая программа действий, у истоков которой волею судьбы оказался академик В.А. Коптюг. Не будь его авторитетной поддержки во время обсуждения “нового подхода”, вряд ли бы я отправился с уверенностью в успех на доклад к вице-премьеру. Юрий Фёдорович был одним из немногих, кто правильно оценивал непростую ситуацию в стране с переходом к устойчивому развитию. Он умел отстаивать свою позицию перед высшим руководством, и в этом отношении его прямое кураторство нами было неоценимо. Собственно, благодаря ему отдел не затронули многочисленные кадровые и структурные преобразования в правительственном аппарате. Он продолжал “шефствовать” над нами, даже когда курировал совсем другие вопросы, вплоть до перевода его в администрацию Президента в мае 1996 года. Именно в этот период вышли важнейшие документы по устойчивому развитию.

Предложенная Ю.Ф. Яровым “программа” оказалась реализованной. Представленный в Правительство РФ проект “национального плана действий” был рассмотрен у него на совещании, а после доработки отправлен в Минэкономики России со стандартным поручением “рассмотреть и использовать в практической работе”. Одновременно велась разработка нового документа, окончательный текст которого пришлось согласовывать практически со всеми министерствами и ведомствами. Такого было требование Государственно-правового управления администрации Президента РФ. Следовало собрать около тридцати виз. Одним из последних завизировал документ В.И. Данилов-Данильян.

Но правовое управление вернуло проект указа, причём без объяснений. Это был нонсенс. Лишь благодаря усилиям А.В. Яблокова, который как советник Президента тоже его визировал, удалось встретиться с одним из руководителей правового управления Р.Г. Ореховым. Оказалось, что проект указа, по мнению юристов президентской администрации, разработан вне рамок правового поля. Ни в одном российском документе, включая законодательные акты, не существует упоминания о каком-то “устойчивом развитии”, не говоря о самом понятии этого словосочетания, что совершенно недопустимо для указа Президента. Необходима также расшифровка содержательной сути слова “концепция”, которое раньше в указах не использовалось, а тут в проекте предусмотрено поручение о разработке “концепции”, да ещё по “устойчивому развитию”. Получается, “хочу то, не знаю что”.

Меня не очень удивила такая постановка вопроса. Эти аргументы являлись закономерным следствием информационного вакуума вокруг всего, что было связано с Конференцией ООН. Предвидя подобный сценарий, я захватил с собой Информационный обзор академика В.А. Коптюга. Но Р.Г. Орехов был по-своему прав, и никакая информация для него юридической основы не имела, если не являлась нормативно-правовой. Тем более, что переведённая не совсем удачно с английского языка фраза “устойчивое развитие” (точнее было бы “самоподдерживающееся развитие”) до сих пор вызывает споры среди учёных.

Однако другого официального источника для защиты проекта указа, кроме Информационного обзора, не существовало. И я выложил этот источник на стол, сообщив, что его автор, входивший в состав российской делегации на Конференции ООН в Рио, объективно и полно изложил здесь то, что там происходило и было подписано А.В. Руцким по поручению Президента РФ. Словосочетание “устойчивое развитие” здесь упоминается на каждой странице неоднократно. Но Р.Г. Орехова

больше привлекла фамилия автора Информационного обзора на титульном листе. Реформаторы и их сторонники весьма настороженно относились к оппонентам из “красного стана”. А кто ж не знал убеждений известного учёного?

Положение спас А.В. Яблоков. Он тут же вмешался и стал рассказывать о Конференции, периодах её подготовки и проведения, о существовании проблемы, а также о том, что итоговыми её документами рекомендовано всем странам разработать стратегию действий по переходу к устойчивому развитию. Авторитет советника в администрации Президента РФ был тогда огромен. И это решило исход дела. Р.Г. Орехов с интересом, как мне показалось, всё выслушал. Обращаясь уже ко мне, сказал: “Ладно, проект указа будем представлять. Подготовьте дополнительную справку по этому “устойчивому развитию”. Покопайтесь в словарях, справочниках и выпишите все, какие есть, определения по слову “концепция”, может пригодиться. А материал Коптюга пока оставьте, посмотрю внимательней”.

У этой истории интересна одна деталь. Появлению первого документа в России по устойчивому развитию содействовали два крупных учёных РАН, стоявшие “по разные стороны баррикад” - член-корреспондент А.В. Яблоков и академик В.А. Коптюг. В столь тяжёлый для страны период политического противостояния они одинаково понимали важность перспективного решения сложнейшей (особенно в данных условиях) проблемы, что позволило сделать первый официальный шаг в нужном направлении.

Только благодаря практическим усилиям вице-преьера Ю.Ф. Ярова и этих двух учёных стал возможным выход Указа Президента РФ (от 4 февраля 1994 г. № 236) **“О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития”**. Указом одобрялись Основные положения данной стратегии и давались два поручения Правительству РФ: для решения текущих первоочередных задач утвердить план действий по охране окружающей среды на 1994-1995 годы в качестве первого этапа реализации одобренных Основных положений, а для основательной подготовки к перспективным преобразованиям - разработать проект концепции перехода Российской Федерации на модель устойчивого развития, “обеспечивающей сбалансированное решение задач социально-экономического развития на перспективу и сохранения благоприятного состояния окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения жизненных потребностей населения”.

Принципиальная значимость этого документа, несмотря на понятный природоохранный уклон Основных положений, состояла в том, что официально на самом высоком уровне была зафиксирована масштабность проблемы перехода России к устойчивому развитию и необходимость принятия государством адекватных мер. Вот как отреагировал на него Валентин Афанасьевич (“Правда”, 13 апреля 1994 г.): “Февральский 1994 г. Указ Президента России... и последующее распоряжение Правительства, ориентированное на реализацию этого Указа, свидетельствуют о том, что и Россия, несмотря на всю тяжесть её сегодняшнего экономического положения, стремится включиться в мировой процесс движения в направлении устойчивого развития...”. И ещё (“Советская Сибирь”, 5 июля 1994 г.): “Этот документ важен по двум причинам. Во-первых, благодаря ему термин “устойчивое развитие” приобретает у нас государственное значение, а во-вторых, потому, что при подготовке проекта концепции неизбежно придётся сопоставить цели, лежащие в основе принятой международным сообществом концепции устойчивого развития, и направления осуществляемого в стране реформирования...”

Разработка проекта концепции явилась следующим важным шагом в осмыслении проблемы устойчивого развития, поиске путей достижения цели и не имела аналогов в российском документотворчестве. Это был единственный случай за период

осуществления реформ в России, когда к подготовке важного для страны документа широко привлекалось население, а точнее - общественность.

Для обсуждения сложившейся экологической обстановки и подготовленного рабочей группой проекта концепции распоряжением Правительства РФ (от 13 сентября 1994 г. № 1481-р) было намечено собрать в Москве **Всероссийский съезд по охране природы** (июнь 1995 г.). В рамках его подготовки были проведены в 87 субъектах Российской Федерации территориальные конференции по избранию делегатов съезда, обсуждению проекта концепции и местных проблем охраны природы. Параллельно проводились отраслевые подготовительные мероприятия министерствами и ведомствами. Важное значение имела конференция общественных организаций (май 1995 г.) с участием 400 представителей, где было избрано 70 делегатов съезда.

Начальные варианты проекта концепции дважды рассматривались на заседаниях Правительственной комиссии по окружающей среде и природопользованию, а также на совместном заседании межведомственных комиссий Совета Безопасности по экологической и экономической безопасности (февраль 1995 г.), на заседании Президиума СО РАН (февраль 1995г.), на Всероссийском конгрессе “Рациональное природопользование России в переходный социально-экономический период: современное состояние и перспективы развития” (март 1995 г.), на парламентских слушаниях в Государственной Думе и Совете Федерации Федерального Собрания (май 1995 г.).

Всего по России в подготовительных мероприятиях и обсуждении проекта концепции участвовали более 20 тысяч человек. В пленарных и секционных заседаниях самого съезда приняли участие 2 тысячи человек, в том числе 993 избранных делегата с правом решающего голоса. На рассмотрение съезда поступило свыше 1000 замечаний и предложений по проекту концепции и совершенствованию природоохранной деятельности.

Следует подчеркнуть, что при обсуждении документа на разных стадиях его готовности (которых в общей сложности оказалось восемь) наибольшую активность среди крупных учёных проявил академик В.А. Коптюг. Его порой резкая, но конструктивная критика проектов постоянно звучала в выступлениях на научных конференциях, парламентских слушаниях, со страниц печати. Критика в основном касалась “перекоса в сторону экологических вопросов” и “отсутствия ясности в вопросе о направленности социально-экономической перестройки”. Это было логично, цивилизованно, объективно и по большому счёту результативно.

Что же касается общей оценки обстановки, которая, по возможности, создавалась в стране для совершенствования разрабатываемого документа, то она была дана возглавляемым В.А. Коптюгом Президиумом СО РАН 7 февраля 1995 г. ещё при рассмотрении первого варианта концепции: “Распространение для широкого обсуждения правительственного проекта перехода страны на путь устойчивого развития бесспорно является заметным событием в жизни общества... Положительной чертой проекта концепции является то, что в нём в известной мере преодолены делавшиеся в нашей стране попытки представить общецивилизационную концепцию устойчивого развития как ориентированную в основном на решение экологических проблем”.

Согласно резолюции съезда, принятой 5 июня 1995 года, распоряжением Правительства РФ (от 7 августа 1995 г. № 1110-р) была образована **Государственная комиссия по доработке проекта концепции с учётом замечаний и предложений, высказанных на съезде**, в состав которой вошёл и академик В.А. Коптюг. На последнем её заседании в октябре 1995 года он внёс предложение, высказанное им ещё на слушаниях в Государственной Думе 16 мая 1995 года, “развернуть работу по

формированию Национального плана действий, включая необходимое законодательное обеспечение”.

Это конструктивное предложение было использовано потом для обоснования организационных мер на заключительной стадии документообработки в качестве основного механизма реализации последнего из серии концептуальных документов - разработанного проекта государственной стратегии устойчивого развития Российской Федерации, важнейшим положением которой была обязательность достижения на начальном этапе стабилизации в обществе, связанной с решением острых экономических и социальных проблем. Национальным планом действий предполагалось определить исполнителей и сроки по подготовке и принятию большого блока вытекающих из стратегии конкретных документов и решений, необходимых для осуществления перехода страны к устойчивому развитию. План должен был обновляться с учётом углубления процессов такого развития. Одновременно предполагалось на научной основе определять, а затем и разрабатывать отвечающие принципам устойчивого развития основополагающие нормативно-правовые, программные и организационные документы по всем сферам жизнедеятельности государства.

Подготовленный Комиссией с учётом обсуждения на съезде проект концепции 4 января 1996 года был рассмотрен и в основном одобрен на заседании Правительства РФ, а после окончательной доработки направлен Президенту РФ, который утвердил его своим Указом **“О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию”** (от 1 апреля 1996 г. № 440).

Этот Указ имел важное политическое значение. Помимо утверждения Концепции, констатирующей необходимость изменения в стране курса реформ с учётом решений Конференции ООН в Рио, он предусматривал чёткую установку органам исполнительной власти руководствоваться в своей программно-правовой и хозяйственной деятельности концептуальными положениями устойчивого развития. Одновременно перед Правительством РФ ставилась очередная задача - расширить диапазон поиска новых путей преобразований и на основе положений утверждённой Концепции разработать проект упомянутой государственной стратегии устойчивого развития Российской Федерации.

Сегодня можно критиковать (и справедливо) исполнение данного Указа, особенно в части использования органами власти в своей деятельности положений Концепции. Но для получения здесь положительных результатов предстояло ещё многое сделать: утвердить разработанную стратегию, создать необходимую законодательную и нормативную базу, нормализовать обстановку в обществе и, что самое главное, изменить коренным образом сознание людей в нужном направлении.

Что касается самой Концепции, то она опубликована во многих средствах массовой информации, поэтому содержательная её часть в особом комментарии не нуждается. Существенно то, что, несмотря на огромное количество и зачастую резкую полярность мнений, выявившихся при подготовке и обсуждении проекта концепции, всё же удалось общими усилиями выработать документ, устраивающий, судя по отзывам, подавляющее большинство.

Вот лишь одна характерная оценка, сделанная мэром Москвы Ю.М. Лужковым в основном докладе на Международном конгрессе “Экологические проблемы крупных городов: инженерное решение” (Москва, 14 мая 1996 г.): “... Я хотел бы остановиться на важнейшем, на мой взгляд, Указе, который... утвердил Концепцию перехода Российской Федерации к устойчивому развитию с тем, чтобы: “Вести хозяйственную деятельность в пределы ёмкости экосистем на основе массового внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий, целенаправленных изменений структуры личного и общественного потребления”. Так записано в Указе. Если серьёзно думать о будущем

новых поколений наших детей и внуков, это сейчас главная социально-экономическая и инженерная задача...”

А выступивший на этом конгрессе с содержательным докладом академик В.А. Коптюг так охарактеризовал данный Указ: “Спустя 3, 5 года “раскачалась” и Россия - 1 апреля 1996 г. Президент РФ подписал Указ о разработке такой стратегии для нашей страны”. Валентин Афанасьевич смотрел уже в будущее, высказывая справедливое недовольство “раскачкой” в разработке главного документа.

Но, к сожалению, разработанный проект государственной стратегии так и не был утверждён. Основной причиной стали политические мотивы: с 1997 года в стране снова началась череда частых смен правительств, что обусловило невозможность завершения работы. Приходившие новые команды не успевали даже вникнуть в существо вопроса. Этому способствовали и участвовавшие за последние годы критические выступления по поводу разработанного документа с предложениями иных вариантов перехода к устойчивому развитию. Таких “атак”, рассчитанных на возможный успех в “замутнённой воде” от правительственной чехарды, оказалось немало. Но я остановлюсь всего на одном примере и только потому, что он касается светлой памяти Валентина Афанасьевича.

В появившемся в 1998 году сборнике “Устойчивое развитие: Россия, Сибирь, Байкальский регион” (Изд. СО РАН, Новосибирск) опубликована работа “Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России: проблемы формирования национальной стратегии” с

В.А. Коптюгом во главе авторского коллектива. В примечании к заголовку этой работы сообщается, что основой для нее послужили доклады академиков В.А. Коптюга и В.М. Матросова на Президиуме РАН в 1995 году, а в окончательном виде доклад, подготовленный уже всем авторским коллективом из 4-х человек, был прочитан на пленарном заседании научно-практического семинара РАН и Аналитического управления администрации Президента РФ (!) “Проблемы перехода России к устойчивому развитию” (ноябрь 1995 г.). Сообщается также, что работа была опубликована в Новосибирске (Изд-во СО РАН, 1996), то есть ещё при жизни Валентина Афанасьевича.

В этой работе действительно излагается материал из Информационного обзора академика В.А. Коптюга о работе Конференции ООН в Рио. Но имеется и такой текст: “В нашей стране процесс формирования стратегии устойчивого развития с самого начала проходил таким образом, что общество скорее отдалялось, чем приближалось к обсуждению (!) и решению проблем устойчивого развития... В феврале 1994 года Президент РФ своим Указом одобрил Основные положения государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития, подготовленные Министерством окружающей среды и природных ресурсов (!), и поручил Правительству разработать... проект концепции перехода... на модель устойчивого развития. Разработка этой концепции вопреки призывам ООН началась без широкого обсуждения в обществе (!) основополагающих моментов и принципов развития. Проект концепции верстался непоследовательно... с превалированием “видения” проблем устойчивого развития правительственными чиновниками(!)... В июне 1995 года этот проект был вынесен на рассмотрение Всероссийского съезда по охране природы, где был подвергнут серьёзной критике. Доработанный Министерством экономики и Минприроды РФ (!) проект концепции... был вынесен на рассмотрение Правительства РФ, что привело, как уже упоминалось выше, к очередному конфузу (!)”(стр. 54-55).

А вот как выглядит “очередной конфуз”, который “упоминался выше”: “Спустя два года, в январе 1996 года Правительство РФ рассмотрело проект концепции ... обсуждение этого проекта... и принятое решение подтвердили (!), что в течение 3,5 лет перед общественностью России разыгрывался циничный фарс (!). Другого не могло и быть, поскольку власть имущие пытаются увлечь страну в направлении, прямо

противоположному пути к устойчивому развитию. Недоверие общества к курсу Правительства РФ, высказанное на декабрьских 1995 года выборах в Государственную Думу, открывает новые возможности (!) для обсуждения пути России в будущее (!). Сегодня уже бессмысленно продолжать обсуждение концепции (!) – время потеряно, а жизнь не может ждать. Надо сразу начать работу над проектом “Национальной стратегии перехода России к устойчивому развитию” (!!) ... Конкретность задач позволит уйти от того непонимания сущности проблемы и “глубокомысленного” переливания из пустого в порожнее, с которым довелось столкнуться в ходе двухлетней разработки концепции” (стр. 46-47).

Комментировать эти выдержки бессмысленно. Они достаточно красноречивы на фоне изложенного выше, включая высказывания академика В.А. Коптюга. Но подлинный автор выдержек всё же обозначил себя сам. Человеком, которому “довелось столкнуться в ходе двухлетней разработки концепции” с неприятными “переливаниями из пустого в порожнее”, бесспорно, является академик В.М. Матросов. Он действительно был приглашён в состав рабочей группы по разработке проекта концепции. Перед группой ставилась задача: обобщить поступившие в процессе проведённого конкурса более тридцати вариантов концепции и выработать приемлемый документ для последующего широкого обсуждения и рассмотрения на съезде.

А с учётом крайне напряжённой тогда в стране политической обстановки выдвигалось условие - не допускать политизации документа, а сделать его способствующим объединению усилий всех прогрессивных слоёв общества для решения сложнейшей проблемы устойчивого развития. В другом варианте документ по данной проблеме родиться просто не мог.

К сожалению, с академиком В.М. Матросовым вскоре пришлось расстаться по настоятельной просьбе членов рабочей группы из-за чрезмерных его политических амбиций. Рабочие заседания с его участием превращались в бесконечные дискуссии, а время шло. Владимир Мефодьевич энергично настаивал на включении в проект концепции положений, связанных, образно выражаясь, с первоочередной реставрацией коммунистических устоев. Как будто Президент, жёстко расправившийся с этими устоями совсем недавно, мог подписать документ об их реанимации. Руководитель рабочей группы поставил вопрос ребром: “или - или”.

Автор приведённых выдержек преследует вполне очевидную цель - “надо сразу начать работу” над новым документом, чтобы “избежать столь традиционных для нашего Отечества аппаратно-келейных способов выработки радикальных рецептов спасения”. В конце же упомянутого коллективного труда приводится проект “Национальной стратегии устойчивого развития России”, а точнее её структура. Но она не имеет ничего общего со “Структурой документа по национальной стратегии устойчивого развития России”, опубликованной в посмертном сборнике В.А. Коптюга “Наука спасёт человечество” (Изд-во СО РАН, Новосибирск, 1997) и действительно доложенной в ноябре 1995 года “на пленарном заседании научно-практического семинара РАН и Аналитического управления администрации Президента РФ”.

В структуре последнего документа имеется, в частности, раздел 1У “Устойчивость окружающей природной среды”, в котором дословно записано: “За основу берутся Основные положения государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития”. Именно те “Основные положения”, которые оказались столь неприятными для академика В.М. Матросова. Такой доклад, естественно, не мог вызвать возражений у президентского Аналитического управления.

Достаточно хорошо зная Валентина Афанасьевича, не могу представить, чтобы он имел отношение к изложению подобных взглядов на происходившее в действительности, в чём он был, как и я, непосредственный участник.

Академик В.А. Коптюг своими научными и практическими делами, искренним подвижничеством заслуживает гораздо более бережного отношения к его памяти. Этот человек и память о нём - гордость нашего Отечества. Его божественный разум - достояние не только России, но и всей человеческой цивилизации.

xxx

Но, несмотря на схожую оценку происходящих в стране событий и принятых на Конференции ООН документов для будущего России, я не могу назвать отношения наши с Валентином Афанасьевичем совсем «безоблачными». Было очевидно, что в соответствии с рекомендациями всемирного форума требовалась разработка российского документа по переходу к устойчивому развитию, однако то, что мы находились в разных (по политической ориентации) рабочих условиях, предопределяло неодинаковые подходы к выполнению этой задачи.

Академик В.А. Коптюг был убеждённым сторонником того, что ведущая роль в разработке национальной стратегии развития России на рубеже двух тысячелетий, когда человечество столкнулось с глобальными проблемами выживания, должна принадлежать академической науке, обладающей «интеллектуальной властью». Но эта верная в общем позиция не соответствовала политическим реалиям той поры, когда запущенные уже антисоциальные и антиэкологические реформы начали «набирать обороты», а инициативу из своих рук «реформаторы» выпускать не собирались. Зная хорошо «закулисную кухню» подготовки и принятия решений на высшем уровне, я же не видел иного выхода, кроме сценария, предложенного вице-премьером Ю.Ф. Яровым. С этим, в конце концов, согласился и Валентин Афанасьевич.

После принятия первого Указа Президента РФ по устойчивому развитию (февраль 1994 г.) я предложил ему войти в состав рабочей группы по разработке проекта концепции, и он даже согласился, но при условии эту группу возглавить. Однако радость моя была преждевременной: по руководителю группы требовалось согласование. На все телефонные звонки последовали дипломатичные, но твёрдые возражения. Меня же больше всего поразила тогда «всесторонняя известность» предложенной кандидатуры.

Как оказалось, академика В.А. Коптюга хорошо запомнили по выступлению его в Конституционном суде при рассмотрении нашумевшего дела о приостановке Президентом РФ деятельности Российской компартии (РКП). Его доводы в отношении неправомерности и порочности такого решения были настолько убедительны, что суд признал приостановку деятельности РКП неконституционной мерой. При этом Валентин Афанасьевич не преминул упомянуть документы Рио, свидетельствующие о том, что спасти мир невозможно в рамках существующей капиталистической модели развития, которая сейчас навязывается России, и неизбежно будет смещение в сторону социалистического варианта организации жизни общества. Он, в частности, заявил («Правда», 11 августа 1992 г.): «Как участник ... Конференции ООН... я свидетельствую, что наше общество вводится в заблуждение относительно исторической перспективы реализуемого в стране курса, ориентированного не на реформирование, а на смену социально-экономического строя». Могло ли быть доверено ему руководство группой при такой открытой позиции?

И всё же академик В.А. Коптюг вошёл позднее в состав Государственной комиссии по доработке проекта концепции с учётом замечаний и предложений, высказанных на Всероссийском съезде по охране природы. Но после утверждения документа Указом Президента РФ (апрель 1996 г.), когда я позвонил ему в Новосибирск и попросил войти в состав рабочей группы по разработке уже проекта государственной стратегии устойчивого развития Российской Федерации, он категорически отказался.

Растянувшееся время с вынужденной разработкой серии концептуальных документов прояснило многое. В частности, что курс осуществляемых реформ в

России остаётся стабильно прежним и требуемых политических решений об его изменении в цивилизованном направлении, согласно рекомендациям Конференции ООН, ожидать в ближайшие годы вряд ли следует, поскольку движущей силой происходящего в стране является в значительной мере субъективный фактор.

В отличие от России, довольно стабильные политически и экономически устойчивые страны (США, Япония, Великобритания и др.), где обычны нормы государственной ответственности и государственного регулирования в решении подобного рода вопросов, уже разработали и утвердили свои национальные стратегии устойчивого развития. Об этих документах можно спорить, их можно критиковать за степень соответствия решениям Рио, но они имеются.

Мотивы своего отказа от участия в разработке проекта стратегии Валентин Афанасьевич озвучил на лекции в Новосибирском госуниверситете за три с половиной месяца до кончины (Наука на грани тысячелетий . - Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997, вып. 1): « ... Сегодня говорить о разработке национальной стратегии устойчивого развития России бессмысленно. Такая стратегия важна, нужна, но сегодня нам надо думать о том, как вытащить страну из пропасти, а уже потом об устойчивом развитии. Моё глубокое убеждение, что тем курсом, которым идёт страна, она идёт в сторону, противоположную устойчивому развитию».

А завершил он эту лекцию словами, над которыми следует глубоко задуматься: «... Уж лучше заниматься более мелкими делами - затыканием сегодняшних дыр, чтобы продержаться ещё полгода, год, а там, глядишь, общество и осознает, что происходит со страной».

Академик В.А. Коптюг «продержался» чуть больше половины обозначенного им минимального срока. Я же надеюсь, что общество, вступившее в новое тысячелетие, уже осознаёт, «что происходит»... Но лично меня не перестают волновать обстоятельства, побудившие столь мужественного и энергичного подвижника в защите интересов людей, и не только России, во всеуслышание заявить, что «лучше заниматься более мелкими делами - затыканием... дыр».

В один из дней марта 1993 года ко мне в кабинет зашёл необычайно усталый Валентин Афанасьевич и сразу попросил кофе. Он всегда употреблял его в огромном количестве и беспощадно курил, когда был чем-то расстроен. Об этом я знал ещё по Рио. А в тот день у нашего руководства рассматривался вопрос о финансировании, в том числе академической науки, и итоги были весьма неутешительные. Его особенно возмущало то, что предусмотренные Законом о бюджете 1993 года мизерные средства на науку не выделяются. А точнее сознательно игнорируются, несмотря на почти гибельное её положение, и действия такие невозможно объяснить. Но он всё-таки нашёл объяснение («Правда», 28 июля 1993 г.): «Я долго думал: почему такое отношение к науке?.. И вот я для себя дал ответ такой: наука не нужна потому, что она может слишком много вскрыть!»

Этой же причиной можно объяснить и весьма настороженное отношение «реформаторов» к разрабатываемым документам по устойчивому развитию, особенно на последней стадии, когда в процессе углублённого вхождения в данную проблему стала обнажаться ее социально-экономическая суть.

Однако «реформаторов» всё же можно понять, зная их истинные цели по «преобразованию» России. Но для меня остаётся загадкой, чем объяснить спокойное отношение ко всему происходящему в стране центральной «интеллектуальной власти», вершины разума - Российской академии наук. Я не имею в виду даже остроту финансовой проблемы в самой академической науке, где базовое бюджетное финансирование, к примеру, по Сибирскому отделению РАН, возглавляемому академиком В.А. Коптюгом, сократилось за последние шесть лет его жизни в 7 раз. Какое самообладание надо иметь и во что надо верить, чтобы сохранять уникальные кадры в такой обстановке!

С момента завершения работы Конференции ООН по окружающей среде и развитию (1992 г.) Российская академия наук так и не высказала официального отношения к принятым там документам, определяющим безопасный путь развития человеческой цивилизации, включая Россию. Это могло и должно было стать решающим фактором в определении задач и подходов по разработке в стране стратегии устойчивого развития, предотвратить появление в этом важном деле многочисленных, разноликих и неоправданных инициатив. В данном случае позиция академика В.А. Коптюга о главенствующей роли здесь академической науки безусловно была оправдана, но требовала официальной поддержки на политическом уровне через участие Президиума и руководства РАН.

В итоге Россия «имеет то, что ничего не имеет». Разработанный с большими трудностями без целевого участия академической науки проект государственной стратегии устойчивого развития Российской Федерации оказался невостребованным. За последние 5 лет с молчаливого согласия РАН были ликвидированы или потеряли самостоятельный статус все без исключения государственные природоохранные и экологические структуры в центральных органах исполнительной власти: Госсанэпиднадзор России (1996), Межведомственная комиссия Совета Безопасности по экологической безопасности (1997), Департамент природопользования и защиты окружающей среды Аппарата Правительства РФ (1999), Федеральная служба лесного хозяйства России, Государственный комитет по охране окружающей среды, Госатомнадзор России (2000).

Ещё недавно разрабатываемые документы по устойчивому развитию критиковали за чрезмерную, якобы, экологическую направленность, и в целом они оказались не воспринятыми. С января 2001 года начата разработка нового документа - Стратегии развития государства до 2010 года, где экологическая доминанта вообще отсутствует. А это не позволяет создать рекомендованные Конференцией ООН условия, обеспечивающие возможность сопряжённого, внутренне сбалансированного функционирования триады «природа, население, хозяйство».

Новый документ имеет подзаголовок, который говорит сам за себя: «Основные направления социально-экономического развития государства на долгосрочную перспективу». Вот и вся «стратегия» на 10 лет. Можно не сомневаться, что при таком «узком» направлении развития и отсутствии в стране природоохранных органов российской природе будет нелегко.

Нет смысла комментировать эти решения, принятые в опасный момент разрастания глобального экологического кризиса, когда всё человечество, согласно общей договорённости, напрягает усилия для его предотвращения, а Россия начинает движение в обратном направлении.

Судя по многочисленным выступлениям академика В.А. Коптюга, можно с уверенностью сказать, что он предугадывал такой сценарий развития событий. Но одновременно понимал, что его усилий, и даже всего Сибирского отделения РАН недостаточно, чтобы этот сценарий предотвратить, а со стороны «интеллектуальной власти» - полное безразличие и поддержки никакой. То, что выпало на его долю, не каждому дано выдержать, точнее - невозможно выдержать. Первые ласточки чаще всего гибнут.

Перед нашей несостоявшейся последней встречей я не смог, к сожалению, присутствовать на заседании Правительственной комиссии по Байкалу и направил туда своего сотрудника В.П. Анисимова, отвечавшего за байкальскую проблему. Валентин Павлович со свойственной ему лаконичностью потом рассказал: «Досталось там Коптюгу. Долбили его со всех сторон. Прямо размазывали по стене». Возможно, это и стало последней каплей в многотрудной его судьбе.

В письменном столе Валентина Афанасьевича нашли неизвестное никому стихотворение из 25 строк - «Ночная буря». Думаю, что не случайно оно оказалось в

его столе, очень аккуратно написанное почти печатными буквами, но, чувствуется, подрагивающей уже рукой. Заканчивалось оно словами:

О, Господи!
Наверное, нередко так бывает -
Мы спим в тепле,
А рядом кто-то погибает!

Такие слова мог написать только человек, хорошо понимавший, что происходит и что скоро может произойти.

И всё же хочу завершить свои размышления над судьбой этого человека последним абзацем из самого последнего его интервью, которое он уже не увидел («Аргументы и факты», январь 1997, № 4): «Я верю в то, что Россия всё-таки возродится. И возродится через введение нормального государственного регулирования с разумными элементами рыночных отношений. Но многое придётся ломать в обратную сторону». Возрождение России и станет лучшим памятником академику В.А. Коптюгу.

ИЗ ПЛЕЯДЫ ВЕЛИКИХ Об академике А.Л. Яншине

“Любовь к природе, бережное отношение к ней, не противостояние, а единство природы и человека всегда одушевляли русскую науку и культуру... Мне как геологу, много лет исследовавшему природные ресурсы нашей Земли, много повидавшему, побывавшему в самых разных уголках нашей страны и мира, защита природы, честный рассказ об её бедах очень близки”.

Такими искренне исповедальными словами академик А.Л. Яншин сопровождал в июле 1996 года своё поздравление журналу “Природа и человек” (“Свет”) в связи с его 15-летием. Эта лаконичная фраза отражает не только гражданскую позицию учёного по отношению к природе, но и очевидную не случайность концентрации его внимания в последние годы на решении важнейшей проблемы земной цивилизации.

х х х

Рано или поздно в недрах общественного сознания вызревают предпосылки, способные объективно влиять на ход дальнейшего развития, а возникающие затем новые тенденции в практической деятельности - качественно изменять его направление. И на этот закономерный в общем-то процесс часто влияет субъективный фактор - наличие в данный момент знаковой фигуры в конкретной сфере деятельности. В результате динамичный сам по себе процесс может тормозиться или ускоряться, что хорошо просматривается, в частности, на примере охраны окружающей среды от негативного воздействия техногенеза.

В преддверии третьего тысячелетия изумлённое человечество неожиданно столкнулось с проблемой глобальных изменений природной среды и климата, спровоцированных необдуманной хозяйственной деятельностью, обусловившей в итоге реальную угрозу существованию цивилизации в случае непринятия радикальных мер. И это несмотря на то, что крупнейшие учёные заранее предупреждали о надвигающейся опасности.

Среди блистательной плеяды отечественных талантов, внесших большой вклад в развитие мировой естественной науки, разные авторы называют от шести до десяти фамилий выдающихся учёных. Но всегда в составе этой “великой плеяды” упоминаются трое: В.В. Докучаев, В.И. Вернадский, А.Л. Яншин. Уже только это обстоятельство говорит о многом и не требует особых комментариев.

И всё же следует подчеркнуть, что профессиональный, научный и творческий путь этих трёх учёных представляет собой фактически единый процесс более чем столетнего познания содержательной сути оболочки Земли, образец цельности и нравственной ответственности, насыщенной высшими духовными интересами. У истоков удивительного “сотрудничества” выдающихся учёных разных временных эпох стоял В.В. Докучаев, в экспедициях которого (1884, 1890-1891 г.г.) на заре научной деятельности принимал участие его ученик - молодой В.И. Вернадский.

К этому времени В.В. Докучаев, написавший классический труд “Русский чернозём” (1883), уже имел всемирную известность, заслуженно считаясь основоположником генетического почвоведения и учения об эволюции почв. Им впервые было установлено понятие о почве как особом естественноисторическом теле, образуемом в результате динамического взаимодействия материнской породы, климата, растительности и животных, рельефа и геологического возраста земной коры. А в целом лик Земли он рассматривал в непрерывном его развитии благодаря наличию выявленных внутренних связей между отдельными явлениями живой и неживой природы. Всё это позднее констатировалось и совершенствовалось в трудах В.И. Вернадского.

Вполне логично, что этот состоявшийся в конце XIX века изначальный контакт по интересам двух великих мыслителей должен был принести соответствующие плоды. Так что совсем не случайно в своеобразном рейтинге конца XX столетия неизменно фигурируют среди учёных-естествоиспытателей “великой плеяды” фамилии названных трёх. Видимо, это как раз и отражает объективный характер “вызревания предпосылок, способных влиять на ход дальнейшего развития”.

Что касается В.И. Вернадского и А.Л. Яншина, то главные вехи их жизненного пути удивительно совпадают. Родившись в марте месяце разных столетий (соответственно в 1863 и 1911 г.г.) и получив аналогичное образование, они примерно в одинаковом возрасте (24-х и 25-ти лет) приступили к изысканию минерально-сырьевых ресурсов с поисковых работ по фосфоритам (!), хотя и в разных регионах обширной территории страны. Оба активно занимались научной деятельностью и, став крупнейшими естествоиспытателями, были избраны академиками Академии наук почти в одинаковом возрасте (45 и 47 лет). Обоих отличали энциклопедические знания, широта и перспективность мышления, многоплановость научных интересов, потребность изучения и осмысления истории Земли, процессов её эволюционного развития. В достаточно пожилом возрасте у обоих появились классические труды, получившие широкое признание мировой общественности: у В.И. Вернадского - “История природных вод” (1933, в 70 лет); у А.Л. Яншина - “История атмосферы” (в соавторстве с М.М. Будыко и А.Б. Роновым, 1985, в 74 года). Обширные, в том числе более ранние, исследования в разных природных сферах побудили обоих задуматься о характере строения и динамике состояния биосферы Земли. В.И. Вернадский в 1940 году (в 77 лет) начал работу над главной книгой “Химическое строение биосферы Земли и её окружения”, а А.Л. Яншин в 1980-е годы возглавил Научный совет АН СССР по проблемам биосферы. Обоим учёным судьба подарила возможность плодотворно трудиться на благо Родины и мировой науки до преклонного возраста (82-х и 88-ми лет), благодаря чему период их общей деятельности по созданию и пропаганде учения “о биосфере и разуме в природе” (“учения о ноосфере”) охватывает более 110 лет.

Академик А.Л. Яншин, обладавший глобальным мышлением и исключительно широким диапазоном научных интересов в природной сфере, не мог не прийти к тем же выводам о “положении разума в океане биосферы”, к которым пришёл В.И. Вернадский. Отсюда вытекала вполне логичная задача - не “изобретать велосипед”, а собрать воедино все труды своего предшественника, довести их до мировой общественности, не только российской и не только научной. Но сделать это было совсем не просто.

Учение В.И. Вернадского о ноосфере и биосфере, о необходимости считаться с законами развития последней в процессе хозяйственной деятельности, намного опередило время, не было тогда понято и воспринято современниками. Тем более, что негативное воздействие техногенеза на окружающую среду в тот период казалось не столь заметным. Лишь гений В. И. Вернадского смог тогда уловить зарождающиеся опасные тенденции для существования биосферы и человеческой цивилизации. И только сейчас его учение становится понятным мировому мышлению, постепенно приобретая очертания практических действий по формированию в общественном сознании очевидной уже необходимости изменения стереотипов взаимодействия с Природой и перехода к “устойчивому развитию” (Рио-де-Жанейро, 1992) в качестве основной стратегии выживания человечества в процессе наступления всеобщего экологического кризиса.

А в 20-е годы первое публичное изложение идеи космичности живого вещества в лекции “Начало и вечность жизни” (1921) и вышедший в России (1926), затем во Франции (1929) классический труд В.И. Вернадского “Биосфера” были явно недооценены и подверглись жёсткой критике, что явилось основанием для тотального замалчивания учения о биосфере и ноосфере у нас в стране на протяжении почти 50 лет. Однако существовала и ещё одна, более принципиальная, причина такого замалчивания.

Академик В.И. Вернадский отличался необычайно высокой политической активностью. В 1905 году - он один из главных участников подготовки и проведения Учредительного съезда Конституционно-демократической партии, где был избран членом её Центрального Комитета. В 1906 году от Академии наук и университетов был избран членом Государственного Совета и в феврале 1917 года участвовал в последнем его заседании, где в составе четырёх выборных членов Совета подписал телеграмму царю в Ставку с предложением об отречении от престола и передаче власти Временному Комитету Государственной Думы. После насильственного захвата власти большевиками в ноябре 1917 года участвовал (в качестве товарища министра просвещения) в работе подпольного Временного правительства и подписал его воззвание - “Обращение к русским гражданам”, в котором совершившие переворот большевики были объявлены узурпаторами, нарушившими правовую преемственность власти. Это воззвание 17 ноября напечатали все уцелевшие тогда газеты, но большевики отреагировали тут же, опубликовав в газете “Правда” (19 ноября) постановление Военно-Революционного комитета, где, в частности, указывалось: “Подписавших упомянутое заявление бывших министров и товарищей министров... (далее идёт перечень 12 фамилий, включая В.И. Вернадского - В.П.) отправить под надёжным караулом в Кронштадт под надзор исполнительного комитета Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов”.

Разве мог такой недоброжелатель к появившейся новой власти рассчитывать в будущем на её объективность в отношении своих научных работ, к тому же не очень понятных по смыслу и значению?

Именно по этой причине богатейшее научное наследие В.И. Вернадского (о биосфере и ноосфере), определяющее главные направления стратегии выживания человечества, оказалось мозаично рассеянным в отдельных монографиях, а также многочисленных лекциях, докладах, статьях, дневниковых записях и письмах, опубликованных при жизни лишь частично и оставшихся в большинстве своём в рукописном виде. Тезисно объединить основные фрагменты учения по данной проблематике В.И. Вернадский постарался в последней своей статье “Несколько слов о ноосфере”, которую в июле 1943 года направил в два адреса - редакции газеты “Правда” и лично И.В. Сталину с небольшим сопроводительным письмом: “... текст моей статьи... было бы полезно поместить в газете ввиду того, что я указываю на природный стихийный процесс, который обеспечивает нашу коренную победу в этой мировой войне. В телеграмме, которую я послал Вам, передав в пользу Красной Армии

половину премии Вашего имени, мною полученной, я указываю на значение ноосферы”. Однако никакой реакции от адресатов не последовало.

Чувствуя близкий уже конец, В.И. Вернадский переработал статью на журнальный вариант и отослал её в скромный академический журнал “Успехи современной биологии”, где она увидела свет 10 октября 1944 года, за три месяца до его кончины. Полнее эта тема была освещена в статье “Биосфера и ноосфера”, опубликованной в Америке (1945) на английском языке при содействии его сына уже после смерти автора. Данная статья появилась в переводе на русский язык только в 1989 году.

Однако к концу XX столетия процесс развития земной цивилизации, исторически сложившийся на явном потребительстве природных ресурсов и пренебрежительном отношении к окружающей среде, объективно стимулировал необходимость принятия мировым сообществом специальной естественнонаучной концепции “в качестве руководства к действию при определении стратегии выживания человечества”. И оказалось вдруг, что теоретической основой для такой концепции может стать учение о биосфере и ноосфере академика В.И. Вернадского, предсказавшего подобный финал и обосновавшего возможный выход из критической ситуации. Теперь уже не вызывает сомнения, что данное учение - самый важный вклад России в науку и культуру мировой цивилизации, значение которого будет только возрастать.

Но резкий поворот событий от непонимания и полного забвения до всемирного признания теоретических разработок русского учёного не мог произойти за столь короткий срок без участия авторитетной фигуры в качестве активного “ускорителя”. Таким “ускорителем” стал академик А.Л. Яншин. К этому времени уже получили всемирное признание его выдающиеся геологические работы по составлению тектонической карты Евразии, 15-томная “История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока”, а также открытие на основе выполненных им теоретических исследований Непского месторождения калийных солей. В честь его заслуг сибирские минералоги даже называли яншинитом открытый ими в соленосных отложениях новый минерал, а палеонтологи - шесть ископаемых форм, обнаруженных в отложениях различных временных эпох.

Будучи выдающимся учёным-геологом, А.Л. Яншин заметно выделялся широким диапазоном научных интересов. Его одинаково интересовали проблемы эволюции геосфер в истории Земли, мировой и региональной геологии и тектоники, стратиграфия, палеогеография и палеонтология, литология, история науки, издательское и музейное дело, экологическая геология, проблемы глобальных изменений природной среды и климата, экологическое просвещение, наконец, устойчивое развитие, отождествляемое ныне с ноосферой. Эти интересы во многом совпадали с интересами В.И. Вернадского, особенно в экологической части, что свидетельствует о вполне закономерном приобщении Александра Леонидовича к научному наследию своего предшественника.

Однако в отличие от “незамечаемого” при жизни Вернадского академику А.Л. Яншину были оказаны все возможные почести за достижения в науке и практике: присуждение дважды Государственной премии СССР (1969, 1978); награждение Золотой медалью имени А.П. Карпинского (1973); присвоение звания Героя Социалистического Труда (1981); награждение девятью орденами и многими медалями (включая три ордена Ленина, орден “За заслуги перед Отечеством”); избрание - президентом основанного ещё в 1805 году Московского общества испытателей природы (1967); вице-президентом АН СССР (1982); Народным депутатом СССР (1989); президентом Российской экологической академии (1995); действительным или почётным членом многих зарубежных академий наук и геологических обществ. Всё это говорит о бесспорном научном и гражданском авторитете А.Л. Яншина, и не только в российском обществе. В его лице судьба реализовала объективную необходимость по воскрешению из небытия ставшего нужным человечеству теоретического ноосферного

наследия академика В.И. Вернадского. Такое по силам было лишь человеку с твёрдыми природоохранными убеждениями и непререкаемым авторитетом.

Длительный научно-организационный и творческий путь академика А.Л. Яншина можно условно разделить на два периода: геологический (1931-1981) и экологический (1982-1999). Первый связан с научной и практической деятельностью в области геологии, геофизики и минералогии, где сформировался и получил признание у мировой общественности авторитет учёного как выдающегося геолога-естествоиспытателя. Второй - с решением проблемы экологического кризиса. Хотя существовали, конечно, и более ранние его интересы к природоохранной тематике.

Продолжая уделять внимание изначальной своей сфере деятельности, Александр Леонидович всё же распорядился в последние годы жизни своими потенциальными возможностями учёного, авторитетом и известностью в пользу приоритета по сохранению природной основы существования земной цивилизации. В эпоху неполного осознания грядущей опасности он как никто другой понимал такую необходимость (“Экология России”, 1997, № 1): “Занятые политическими спорами..., бедственным экономическим положением..., мы не уделяем должного внимания тем глубоким переменам, которые созревают или уже созрели для человечества. Между тем, эти перемены велики и последнюю четверть века мировая общественность ими серьёзно озабочена”.

Начало выделяемого “экологического периода” у академика А.Л. Яншина совпало с избранием его вице-президентом АН СССР (1982). А точнее, это избрание послужило толчком для реализации давно созревших планов, к которым он, будучи глубоким исследователем, просто не мог не прийти по объективным причинам. Ответственная должность в структуре “интеллектуальной власти” позволяла сосредоточить в руках возможные рычаги управления научно-организационным процессом по формированию в стране общественного экологического движения. До знаменитой Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992) оставалось ещё десять лет, и не был ещё опубликован обзорный доклад Г.Х Брунтланд “Наше общее будущее” (1987) с обоснованием необходимости изменения пути развития человечества в целях сохранения природной среды как основы жизни на Земле. Но уже было ясно, что невозможно обойтись без серьёзных теоретических разработок по созданию общества с “человеческим лицом”, достойного для длительного на ней проживания. Такие разработки уже имелись. И выполнены они были русским учёным В.И. Вернадским ещё в первой половине XX столетия.

Отсюда логически вытекало, что необходимо реанимировать богатое научное наследие великого учёного, сделать доступным и понятным учение о биосфере и ноосфере для большинства людей, хотя нельзя сказать, что работы его после смерти не печатались. В 1954-1960 годах, например, под редакцией академика А.П. Виноградова в издательстве АН СССР вышли пять томов “Избранных произведений” полузабытого В.И. Вернадского, в которые были включены труды по минералогии, кристаллографии, геохимии, радиогеологии, природным водам, но не вошли статьи и книги по живому веществу и биогеохимии, считавшиеся “крамольными” в тридцатые годы. К тому же издание изобиловало ошибками и сокращениями текстов по сравнению с прижизненными публикациями, а многие рукописные работы по-прежнему не использовались. Эти же недостатки сохранялись при других переизданиях.

Серьёзной проблемой было и то, что В.И. Вернадский на протяжении довольно длительного периода создания учения о биосфере и ноосфере неоднократно возвращался к одним и тем же вопросам, уточняя, а то и кардинально меняя отдельные положения и даже собственные взгляды на данную проблему, что требовало внимательного анализа всех его работ, в том числе рукописных, обобщения и уточнения итоговых текстов. Делать же это было необходимо, поскольку более подходящей естественно-исторической концепции для нормализации отношений

человечества с Природой не существовало. Концепция являлась “концентрированным осадком” всего научного и философского творчества учёного, теоретически доказывала неизбежность эволюционного перехода биосферы Земли в ноосферу - сферу человеческого разума.

Именно по этой причине тема наследия Вернадского занимала в последние годы жизни и творчества у академика А.Л. Яншина особое место. Вскоре после избрания его вице-президентом АН СССР и переезда из Новосибирска в Москву он возглавил академический Научный совет по проблемам биосферы, а в 1985 году - комиссию по разработке научного наследия В.И. Вернадского, не оставив, однако, без внимания развернутую в СО АН СССР научно-организаторскую работу, расширив её масштабность на всю страну.

Обширный замысел издания всех трудов В.И. Вернадского требовал, естественно, немалых усилий. Помимо решения непростых организационно-финансовых вопросов, связанных с издательским процессом в условиях начавшихся непредсказуемых реформ, следовало определить и привлечь для системной подготовки к печати нужного материала наиболее известных учёных, а стихийно возникший процесс публикаций разрозненных работ В.И. Вернадского ввести в единое русло, в рамки общего редактирования. И уже в 1992 году под общей редакцией академика А.Л. Яншина появился первый том задуманного издания (“Труды по биогеохимии и геохимии почв”, 437 стр.). Опубликованный с помощью нестандартного источника - Российского фонда фундаментальных исследований, он положил начало выходу многотомной “Библиотеки трудов академика В.И. Вернадского”. К 2001 году в её составе уже насчитывалось девять томов.

Наконец-то увидели свет находившиеся в рукописях многочисленные лекции, дневниковые записи и публицистические статьи великого учёного (за 1904-1941 годы), в том числе по “щекотливым” общественным проблемам, с необходимыми комментариями и справочным аппаратом. В едином контексте стали публиковаться труды по истории науки и философии научного творчества, среди которых написанная в 1938 году важнейшая книга “Научная мысль как планетное явление” впервые появилась в варианте, наиболее близком к рукописному. И весь этот издательский процесс сопровождался разъяснениями А.Л. Яншина (с помощью научных и популярных статей) значимости работ Вернадского для понимания и прогнозирования эволюции природной среды и общества в условиях нарастания экологического кризиса.

Но учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере, родившееся на сплав гениального синтеза всех его научных разработок, требует глубоких аналитических исследований и обобщений. И этот познавательный процесс, видимо, будет продолжаться, пока не иссякнет интерес к его научному наследию. А оно по существу своему бессмертно. Поэтому на определённых этапах общественного развития постоянный интерес к этому учению будет формироваться, исходя из назревающих требований конкретного периода. На нынешнем этапе, например, когда уставшее от “борьбы с природой” человечество очутилось вдруг у “края пропасти” и над ним нависла реальная угроза самого его существования, первоочередной потребностью стало постижение возможного пути спасения, предложенного Вернадским.

С учётом этого обстоятельства вполне закономерным стало появление в 1996 году монографии Ф.Т. Яншиной “Эволюция взглядов В.И. Вернадского на биосферу и развитие учения о ноосфере” (М., “Наука”, 222 с.), отвечающей именно современным требованиям и преследовавшей цель “... собрать мысли В.И. Вернадского об условиях создания... нового состояния биосферы и проследить историю учения о ноосфере со времени кончины В.И. Вернадского до наших дней”. Эта монография ценна не только глубоким анализом научных трудов учёного и обобщением в его творчестве ноосферной компоненты, но также увязкой творческого наследия Вернадского с современной действительностью - вынужденной необходимостью человечества

переходить в согласованном порядке из-за резкого ухудшения состояния биосферы на новую модель “устойчивого развития” цивилизации, тождественную ноосфере (решения Конференции ООН в Рио). Автор, в частности, подчёркивает: “Было также важно доказать соответствие понятия “устойчивого развития” представлению о ноосферогенезе, напомнить об утверждённой 1 апреля 1996 г. Концепции перехода Российской Федерации на путь устойчивого развития и показать начало научной разработки этой концепции”.

“Ложка дорога к обеду” - так можно оценить значение этой работы. Она вышла удивительно своевременно. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992) призвала правительства всех стран принять национальные стратегии устойчивого развития и одновременно возложила на них ответственность за предстоящие перемены. Россия, подписавшая в Рио-де-Жанейро важнейшие документы, взяла и на себя серьёзные обязательства по реализации программы всемирного сотрудничества. В свете этих обязательств Президент РФ подписал два важных Указа: “О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития” (от 4 февраля 1994 г. № 236), которым одобрялись основные положения данной стратегии, и “О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию” (от 1 апреля 1996 г. № 440). Последним Указом была утверждена названная Концепция и поставлена перед Правительством РФ очередная задача - расширить диапазон поиска новых путей преобразований и на основе положений утверждённой Концепции разработать проект государственной стратегии устойчивого развития Российской Федерации. На момент выхода в свет монографии Ф.Т. Яншиной уже началась разработка последнего, основополагающего документа, и теоретические выводы о формировании предсказанной В.И. Вернадским сферы разума (ноосферы), отождествляемой с устойчивым развитием, были крайне важны.

Мне довелось в составе делегации Российской Федерации участвовать в работе Конференции ООН в Рио-де-Жанейро, а в Аппарате Правительства РФ - отвечать за разработку документов по устойчивому развитию. Поэтому для меня не новыми были все сложности решения данной проблемы. Но Россия находилась в периоде глобальных преобразований, а проводимые реформы не согласовывались с принципами устойчивого развития. Требовалась основательная теоретическая поддержка, лаконичная и убедительная, особенно при рассмотрении вопросов на высшем уровне, несмотря даже на то, что в разработке документов по устойчивому развитию принимали участие весьма авторитетные учёные (А.Д. Урсул, К.С. Лосев и др.). И такая поддержка эффективно обеспечивалась с появлением указанной работы Ф.Т. Яншиной.

В апреле 1997 года ко мне зашёл по делам в Доме правительства бывший советник Президента РФ, известный учёный-эколог А.В. Яблоков. Ему тоже хорошо был знаком трудный процесс подготовки документов по устойчивому развитию. Мы оба участвовали в формировании рабочей группы по разработке проекта концепции, затем навещали укомплектованный её состав, изолированный от “мирской суеты” в подмосковном пансионате “Лесные дали”, где совместно вырабатывалась содержательная основа документа с учётом рекомендаций Конференции ООН и непростой политической обстановки в стране. Я, конечно, поделился с Алексеем Владимировичем впечатлениями о труде Ф.Т. Яншиной. Он сразу предложил: “А вы позвоните и скажите об этом автору. Уверяю вас, приятно будет услышать такое мнение со стороны, тем более - из Аппарата Правительства”, - и тут же достал записную книжку, набрал телефонный номер, подал трубку мне. Ничего не оставалось, как взять её. Ответил мужской голос. Я представился и попросил Фидан Тауфиковну. “Её сейчас нет, - ответил голос, - если надо что передать, я передам”. - “А кто, простите, говорит?” - “Это Яншин говорит”. - “Александр Леонидович?” - несколько

растерялся я. - “Да, это я”. Так состоялся первый мой личный контакт с академиком А.Л. Яншиным.

Телефонный разговор оказался плодотворным и хорошо запомнился. Я высказал свои впечатления о прочитанной монографии, рассказал о ходе разработки документа следующего порядка - проекта государственной стратегии устойчивого развития РФ. Александр Леонидович внимательно и с интересом, как мне показалось, слушал. На моё осторожное замечание, что такую работу стоило издать раньше - было бы легче отстаивать нужные позиции в “верхах”, он ответил (в обобщённом виде) так: “Вы правы по существу. Но Вернадский - это океан, быстро его не переплывёшь. Да и замысел был другой. Хотелось взглянуть на готовый уже документ (Концепцию - В.П.), проанализировать соответствие его взглядам Вернадского на ноосферогенез, в теоретическом, конечно, плане. В целом это у Фидан Тауфиковны, кажется, получилось, и могу сказать, что утверждённая Концепция - неплохая основа для разработки стратегии, хотя я не уверен, что она появится в ближайшие годы. Этот уровень документа требует гораздо большей подробности, объёмности и конкретности. И если здесь выдерживать сугубо принципиальную линию в интересах охраны природы и устойчивого развития, то эта линия будет неприемлемой для проводимых ныне реформ, а точнее для тех, кто заинтересован в их осуществлении. Однако начатую работу над стратегией всё же стоит продолжать. Трудно теперь предугадать, что может произойти даже через год-два”.

Вот такой финал! Удивительно, но подобные сомнения в отношении перспектив стратегии высказывал также академик В.А. Коптюг, с которым мы вместе в составе российской делегации участвовали в работе Конференции ООН в Рио-де-Жанейро и который постоянно интересовался ходом разработки документов по устойчивому развитию. Два авторитетнейших учёных говорят одно и то же! Было о чём подумать. С того памятного телефонного разговора меня не покидала уже навязчивая тревога за будущую судьбу стратегии.

Супруги Яншины безусловно представляли собой образец уникальной пары единомышленников в самом широком диапазоне профессиональных и научных интересов. В “геологическом периоде” жизненного пути они вместе участвовали во всех сибирских экспедициях, а в “экологическом” (московском) - сосредоточили совместное внимание на издании многотомной “Библиотеки трудов академика В.И. Вернадского” и популяризации его научного наследия. Ф.Т. Яншина была, по существу, главным координатором подготовки к изданию томов этой серии и непосредственным составителем некоторых из них. Иногда не без основания утверждают, что Александр Леонидович “вернул из мира забвения гениальные работы В.И. Вернадского о биосфере и её переходе в ноосферу”. Однако ради справедливости всё же следует отметить, что “тылы” в этом важном деле обеспечивала Фидан Тауфиковна.

Резко ухудшившаяся за последние годы экологическая обстановка в мире и необходимость поиска выхода из создавшегося положения не могли не привлечь внимание мировой общественности к трудам В.И. Вернадского. В самом конце XX столетия начал, наконец, осуществляться мировой проект по полному изданию научного наследия великого учёного на английском языке. Первая ласточка - Vernadsky Vladimir I. The Biosphere. New York: Copernikus, 1998 - появилась с подробным справочным аппаратом и аннотациями, приводящими публикуемый материал к современному состоянию, а также с необходимыми историко-научными комментариями. Можно теперь с уверенностью сказать, что “процесс пошёл”. И совершенно очевидна здесь подвижническая роль супругов Яншиных.

х х х

После первой **Конференции ООН по окружающей среде (Стокгольм, 1972)**, ставшей толчком к осознанию необходимости развертывания во всемирном масштабе

природоохранной деятельности, наша страна не могла, естественно, пренебречь решениями столь важного международного форума (куда однако не направляла официальную делегацию) и приняла на самом высоком уровне два основополагающих документа - **“О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов”** (20 сентября 1972 г.) и **“Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов”** (29 декабря 1972 г.). Во исполнение этих документов вышел ряд правительственных постановлений: о борьбе с загрязнением морей, о защите почв, об охране недр, ценных видов рыб, о предотвращении загрязнения бассейнов Чёрного, Азовского, Балтийского морей (1974-1976); об охране малых рек, водоёмов Арктического бассейна, охране природы в районах Крайнего Севера, о допустимых выбросах в атмосферу (1980-1984). Были также разработаны и приняты основы законодательства о недрах (1975), лесного законодательства (1977), законы об охране атмосферного воздуха, охране и использовании животного мира (1980). То есть, начался достаточно активный процесс формирования нормативно-правовой базы в области охраны природы.

Однако этот процесс только набирал силу и на него не обращали внимание привыкшие “не ждать милостей от природы” центральные управленческие и ведомственные структуры, озабоченные разработкой и реализацией за счёт государства невероятно дорогих суперграндиозных “проектов века” по “переделыванию” природы, вопреки даже присущим ей закономерностям и здравому смыслу. Осуществлённые ранее подобные проекты уже принесли России многочисленные беды и неисчислимый ущерб в результате, например, бездумного затопления миллионов гектаров и навсегда потерянных лесов, плодороднейших земель, лугов и пастбищ, тысяч городов и населённых пунктов. Однако “аппетит приходит во время еды”, и требовались новые жертвы для удовлетворения потребностей могущественных ведомств и их лоббистов на разных уровнях. Продолжаться так долго не могло, поскольку объективно противоречило развитию и даже существованию общества. Столкновение полярных сил по поводу отношения к Природе было неизбежно. И первая их открытая “битва” произошла в августе 1982 года. Это малоизвестное событие заслуживает, несомненно, особого внимания.

Для организационного обеспечения рождающейся природоохранной деятельности были созданы **Комиссии Президиумов Совета Министров СССР (1981) и РСФСР (1982) по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов**. Только что образованная российская Комиссия на первом своём заседании 13 августа 1982 года рассматривала “щепетильный” вопрос о проекте переброски части стока северных рек в южные районы страны. “Щепетильный” потому, что от некоторых учёных и органов печати вдруг стали поступать “малообоснованные и вредные” возражения против такого проекта. Хотя, как считалось, “наиболее совершенный за последние годы проект” разработан был мощнейшим (более 2 млн. человек, годовой бюджет 10, 5 млрд. руб.) и лучшим в стране (эффективно решающим продовольственную проблему) **Министерством мелиорации и водного хозяйства СССР**, имеющим в своём распоряжении 160 исследовательских учреждений, 68 тысяч только проектировщиков высочайшей квалификации и ещё привлечённых со стороны для разработки этого проекта 185 “организаций-соисполнителей” при всесторонней поддержке авторитетнейшего **Института водных проблем Академии наук СССР!** А тут какая-то “моська стала лаять на слона”...

Трёх месяцев от роду высокая правительственная Комиссия должна была теперь вынести авторитетный вердикт в пользу, естественно, проекта, решительно поддержанного уже Госпланом СССР и согласованного с ЦК КПСС. Требовалось соблюсти лишь некие “природоохранные требования”, навеянные стокгольмской Конференцией ООН и начавшие будоражить общественное мнение. Обычная формальность при принятии решения по крупнейшему проекту. Хотя главный эксперт по нему, популярный Институт водных проблем АН СССР, высказался решительно

“за” и даже выступает как активный его пропагандист. Кто, как не этот институт, являющийся одновременно “головной организацией по комплексным исследованиям для обоснования объёмов и очередности работ по переброске части стока северных рек на юг”, может знать глубже существо вопроса!? Следовательно, необходимые требования практически соблюдены, надо только официально обсудить и принять окончательное решение. Тогда всё встанет на свои места, а выделенные немалые ассигнования начнут, наконец, беспрепятственно использоваться по назначению.

Такое стандартное для той поры настроение царило перед началом заседания Комиссии в уютном синем зале цокольного этажа Дома Совета Министров РСФСР. Я оказался в этом зале почти случайно, будучи принятым на работу в Управление Делами правительства всего неделю назад после окончания Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР. Для созданной недавно природоохранной Комиссии формировался рабочий аппарат, и я оказался в его составе вместе с другими приглашёнными специалистами. Дело для нас было совершенно новое, мы только ещё осматривались и вживались в необычный аппаратный процесс. Одним из фрагментов “вживания” и было заседание этой Комиссии.

В синем зале свободных мест не было. Все стены завешаны картами, таблицами и схемами, на столе президиума - многочисленные тома проекта и иллюстрационных альбомов. Всё представленное технически выполнено на высочайшем уровне и должно внушать бесспорное уважение к разработчикам уникального по всем параметрам проекта, от которого “несомненно будет зависеть будущее страны”.

Первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР и одновременно председатель Комиссии Л.Б. Ермин, торжественно и волнуясь, поздравил всех собравшихся с началом работы совершенно нового в нашей государственной практике природоохранного органа, созданного благодаря постоянным заботам партии и правительства о народе и природе. И в день столь знаменательного события председательствующий предложил рассмотреть в качестве первого вынесенного на обсуждение вопроса не менее значимую для страны работу, выполненную Минводхозом СССР при активном участии науки - **“Основные положения технико-экономического обоснования проекта переброски части стока северных рек в бассейн реки Волги”**.

Получивший слово главный инженер проекта А.С. Березнер буквально излучал уверенность в успешном исходе дела. Как не быть уверенным, когда за твоей спиной 62-тысячный коллектив специально созданного **Всесоюзного головного проектно-изыскательского и научно-исследовательского института по переброске и распределению вод северных и сибирских рек**, не говоря уже о наличии в системе Минводхоза СССР ещё 62-тысячной армии проектировщиков из других учреждений. Чем весомей эти цифры, тем весомей проект. А он налицо - смотрите, изучайте, восхищайтесь. Суть его проста (как всё гениальное) и исходит из двух основных моментов: во-первых, уровень Каспийского моря из года в год понижается, что чревато катастрофическими последствиями, во-вторых, в бассейнах Нижней Волги и Дона возможно увеличение прироста валового сбора сельскохозяйственных культур на 2-3 процента от заданной Продовольственной программы. Обе эти проблемы успешно решаются за счёт переброски части стока северных рек (европейской зоны) на юг. “Два зайца - одним выстрелом!” Годовой объём переброски стока - 100 кубокилометров, но рассчитаны ещё варианты на 60, 40 и 20 кубокилометров (в случае необходимости). Проект предусматривает все компенсационные затраты на неизбежные потери (затопление пахотных земель, сёл, городов и пр.). Общая его стоимость зависит от избранного варианта и должна просчитываться дополнительно. Осуществление такого проекта “ещё раз продемонстрирует всему миру неоспоримые преимущества социалистической системы хозяйства” (последнее - из “Основных положений”).

Таковыми были общие штрихи часового выступления с ответами на вопросы А.С. Березнера. Но оно, однако, не удовлетворило компетентную аудиторию своей очевидной скрываемостью серьёзных вещей, пренебрежительностью к реальным нуждам людей, сохранению природы и интересам даже самого государства. Лично для меня, уже прошедшего “жернова ведомственного гнёта” в период известной кедрогградской эпопеи, новая встреча с потребительскими интересами узковедомственного диктата показалась кошмарным путешествием в прошлое.

Какими компенсационными затратами, например, можно было оправдать утрату проектируемых под затопление 2600 сёл и 165 городов в северной части европейской зоны страны, где только и сохранились от татаро-монгольских и других губительных нашествий самобытная культура и история русского народа? Или: как можно обосновать необходимость переброски с севера на юг водного стока возможным увеличением в южных регионах валового сбора сельскохозяйственных культур всего на 2-3 процента, когда здесь при уборке, транспортировке и в непригодных хранилищах ежегодно теряется более 20 процентов выращиваемого урожая? Стоит лишь навести элементарный порядок, отремонтировать или построить нужное количество овоще- и зернохранилищ, и будут сохранены колоссальные средства, старобитные города и сёла, спокойствие и жизненный уклад миллионов людей, не говоря уже о природе. И ещё: насколько обоснованным при прогнозировании уровней Каспийского моря было отбрасывание тех прогнозов, которые не вписывались в концепцию проектантов, как, например, прогноз академика Л.С. Берга, утверждавшего о неизбежном подъёме уровня Каспия в последней четверти XX столетия? Вопросы, вопросы, вопросы...

Их задавать можно было до бесконечности со стороны экономистов, экологов, лесоводов, геологов, санитарных врачей, историков, работников культуры, сельского, рыбного хозяйства... Поэтому нет смысла продолжать эту тему. Жаркая дискуссия на заседании Комиссии завершилась просто. Неожиданно поднялся с переднего ряда высокий, интеллигентного вида мужчина. Повернувшись медленно лицом к притихшему залу, он решительно произнёс: “Такой проект нашей стране не нужен. Необоснованность и вредность его по всем параметрам очевидны. Я заявляю это официально как учёный. Однако, мне известно, что стоят за ним большие силы. Но надо любой ценой проект приостановить. Со своей стороны я сделаю всё возможное, обещаю твёрдо”. Это был академик А.Л. Яншин.

Председатель Комиссии Л.Б. Ермин оказался в сложном положении. Не учитывать мнения выступавших и авторитетного академика он не мог. Но и принимать решение о приостановке проекта - тоже. Это была уже компетенция высших органов власти, где настойчивые лоббисты имели явный перевес. Поэтому в окончательном виде было отработано решение, в целом поддерживающее проект, но при условии выполнения целого ряда дополнительных мер, что нашло отражение в самом названии итогового протокола (от 13 августа 1982 г.), подписанного председателем Комиссии: “Об основных положениях технико-экономического обоснования проекта переброски части стока северных рек в бассейн реки Волги и мероприятиях по охране памятников истории и культуры, уменьшению нежелательных экологических последствий”. А согласно утверждённому Совмином РСФСР “Положению о Комиссии...” её протокольные решения имели статус распоряжения правительства и являлись обязательными для исполнения на территории РСФСР. На этом, собственно, и базировался замысел механизма, заложенного в содержательной сути итогового документа. Проектантам теперь предстояло дополнительно разработать и соответственно согласовать с заинтересованными структурами комплекс непростых мер, на что требовалось значительное время (особенно для согласования на местах, поскольку поручения одновременно пошли также их исполнительным органам). У академика А.Л. Яншина появился реальный шанс для активных действий и выполнения своего обещания.

Вне всякого сомнения данное заседание правительственной Комиссии можно назвать историческим. С него начал свою работу впервые созданный в России специализированный правительственный орган по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов. Отсюда берёт начало осознанный “экологический период” в научно-организационной деятельности академика А.Л. Яншина. Впервые на этом заседании была осуществлена попытка обсудить вне закулисных интриг, принципиально и открыто, один из “проектов века”, реализация которых в прошлом наносила обществу и природе существенный урон. Здесь же стало понятно, что борьба против ведомственных “монстров” вполне возможна, но она должна базироваться на активном участии широкой общественности. Одновременно стало очевидным, что сложившийся антиприродный уклад в нашей стране основывается на монополюльно потребительской ведомственной системе в сфере природопользования, и без глубоких здесь управленческих реформ нельзя рассчитывать на скорые успехи в решении экологических проблем.

Однако по результатам окончательной доработки итогового документа лично я всё же сделал вывод о реальной возможности влиять на ход событий в позитивном плане через грамотную подготовку проектов правительственных решений. Для этого нужны лишь принципиальные убеждения, желание и умение использовать в природоохранных целях существующие международные обязательства, соглашения и действующее в стране законодательство. И этому выводу я следовал потом постоянно при работе в Аппарате Правительства РФ.

Академик А.Л. Яншин блестяще использовал “временной шанс” для развития в стране общественного экологического движения, что бесспорно свидетельствует о его организаторских способностях. Ставка изначально была сделана на “интеллектуальную прослойку” - учёных и писателей, как наиболее перспективно мыслящих, независимых и свободных в своих суждениях членов общества, ранее выступавших индивидуально или в составе групп за охрану природы и против “переброски” рек.

Постепенно их рассредоточенные самостоятельные инициативы стали вовлекаться в организованное русло. В этой среде появились авторитетные лидеры - писатель С.П. Залыгин и академик Д.С. Лихачёв, которым принадлежит особая роль в деле прекращения “переброски”.

В 1985 году шестой съезд писателей РСФСР официально поднял вопрос о необходимости усиления внимания к проблемам экологии, поручив новому составу Правления СП РСФСР “довести эту озабоченность до компетентных органов”. В мае 1986 года российский Союз писателей провёл выездное заседание секретариата в Ленинграде, где с особой остротой встал вопрос о “переброске” в связи с активизацией сторонников “проекта века”. В развернувшейся здесь дискуссии самое активное участие приняли академики А.Л. Яншин и Д.С. Лихачёв. Итогом стало официальное обращение по данной проблеме писателей— депутатов Верховного Совета СССР С.В. Михалкова и Ю.В. Бондарева в Президиум очередной сессии Верховного Совета СССР.

Одновременно в разгоравшуюся дискуссию по проблеме “переброски” втягивались учёные и целые научные коллективы, даже далёкие, казалось бы, от этой проблемы по роду своей деятельности, обеспечивая независимую общественную экспертизу различных положений “проекта века”. К анализу, например, методики прогнозирования уровней Каспийского моря, разработанной Институтом водных проблем - научным вдохновителем “проекта века”, подключилась группа выдающихся математиков во главе с академиком Л.С. Понтрягиным, которая обнаружила в методике института не только грубейшие ошибки, но и сознательную подгонку в расчётах для обоснования снижения уровня моря и необходимости, следовательно, “переброски”.

Однако даже вскрытая экспертизой преступная деятельность авторов “проекта века” не умирала их пыл. Почувствовав опасность от набравшего силу общественного

движения и действуя по принципу “лучший метод защиты - нападение”, они добились включения уже двух “проектов века” (ещё переброски стоков сибирских рек) в подготовленный для обсуждения проект “Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986-1990 годы и на период до 2000 года”, где предусматривался специальный пункт о развёртывании по ним строительных работ. Примечательно, что главный довод “перебросчиков” – недопустимость обсуждения общественностью технических проектов— тогда сработал, и до середины 1985 года был практически перекрыт их противникам доступ в печать, где восхвалялись только “проекты века”.

Подобная противоречивость в общественном сознании людей не могла способствовать прогрессу. Сформировавшаяся новая психология в обществе требовала перемен, иначе бы усугублялась абсурдная ситуация. Но до полного абсурда дело не дошло благодаря апрельскому (1985) Пленуму ЦК КПСС и последовавшему за ним XXV съезду КПСС, создавшим реальную основу для изменения ситуации. В частности, зарекомендовавшее себя в последние годы общественное мнение (во многом благодаря усилиям академика А.Л. Яншина) приобрело права гражданства.

О высокой оценке новой властью результативности общественного движения и заслуг в этом деле его инициатора говорит тот факт, что в соответствии со специальным поручением Политбюро ЦК КПСС именно под председательством вице-президента АН СССР А.Л. Яншина была создана на базе научных советов академии **Временная научно-техническая экспертная комиссия по проблемам повышения эффективности мелиорации**—новая форма общественной научной организации. А председатель Комиссии наделялся необычайно широкими полномочиями: сам определял и формировал её состав, сам намечал характер и содержание предстоящей работы. И вполне понятно, что проблемы “переброски” не остались в стороне, несмотря на узкопрофильное название Комиссии.

Обобщив экспертные материалы по обоим “проектам века”, председатель Комиссии академик А.Л. Яншин официально доложил 19 июля 1986 года сводное по ним заключение президиуму Совета Министров СССР. В результате уже через две недели было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР **“О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек”**. А последней точкой в затянувшемся споре стало специальное решение Политбюро ЦК КПСС, сообщение о котором было опубликовано 16 августа 1986 года: “Рассмотрев вопросы осуществления проектных и других работ, связанных с переброской части стока северных и сибирских рек в южные районы страны, Политбюро в связи с необходимостью дополнительного изучения экологических и экономических аспектов этой проблемы, за что выступают и широкие круги общественности, признало целесообразным прекратить указанные работы. В принятом по данному вопросу постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР предусматривается сосредоточить главное внимание и сконцентрировать материальные средства прежде всего на более экономном и эффективном использовании имеющихся водных ресурсов и комплексном использовании всех факторов интенсификации сельскохозяйственного производства”.

Так завершилась бескомпромиссная борьба здравого смысла с разрушительным авантюризмом, где организовавшаяся общественность сказала решающее слово. Академик А.Л. Яншин сдержал своё “твёрдое обещание”, данное на заседании правительственной Комиссии 13 августа 1982 года. На это потребовалось ровно четыре года.

Сквозь призму истекшего времени кажутся поразительными дальновидность и упорство А.Л. Яншина вместе с теми, кто его поддерживал и решительно выступал против «переброски», особенно если представить возможную ситуацию, проиграв они это «сражение». Ведь академик Л.С. Берг оказался прав, и предсказанный им подъём уровня Каспийского моря в последней четверти XX века действительно произошёл.

Более того, он начался ещё до завершения работы над «проектом века», и проектанты, а также прикрывавшая их наука во главе с членом-корреспондентом АН СССР Г.В. Воропаевым, знали об этом и молчали. Поэтому они так легко шли навстречу общественности во время всенародного обсуждения в 1985 году «Основных направлений экономического и социального развития на 1986-1990 годы...», где благодаря их усилиям заметное место занимали проекты «переброски», против которых активизировались возражения, в том числе и проснувшейся печати. Проектанты «забыли» об изначальном объёме переброски 100 кубокилометров в год стока северных вод на юг, о котором говорил А.С. Березнер на заседании правительственной Комиссии 13 августа 1982 года, и начали предлагать более «успокоительные» цифры, доводя их постепенно до 6 и даже 2, 2 кубокилометра. За три года - диапазон 100 и 2, 2! Неужели точнейшая наука, обеспечившая первый запуск человека в космос, могла быть способной на такое выяснение истины?

Если взять за основу расчёта 6 кубокилометров, то такой объём перебрасываемой с севера на юг воды мог бы повышать ежегодный уровень «умирающего» Каспия всего на 12 миллиметров, в то время как его уровень и без того повышался, достигнув в начале 90-х годов величины 10-12 сантиметров в год, то есть десятикратно большей, чем навязывался «перебросчиками» (не говоря уже об объёме 2,2). Последним было совершенно безразлично, какой объём перебрасывать - 6 или 2, 2 кубокилометра, ибо они знали, что дополнительно привнесённые миллиметры бесследно исчезнут в пучине начавшегося уже естественного подъёма уровня Каспийского моря. И объём поменьше (2, 2) для них был даже выгоднее, поскольку легче воспринимаем для убеждения, а потому более эффективен для достижения главной их цели - утверждения проекта и открытия финансирования для производства в огромном объёме очень дорогих земляных работ.

Будучи типичным прозатратным органом, Минводхоз СССР (родитель «проектов века») ставил и решал для себя, по существу, одну главную задачу - побольше взять у государства бюджетных средств. Отчитаться за их расходование не представляло особой сложности для органа, который сам себе объекты проектировал, сам определял их стоимость, сам эти объекты исполнял и себе же сдавал, являясь при этом главным государственным контролёром, ответственным за состояние и разумное использование всех водных ресурсов на территории страны. Монополизм в пятой степени! К этому ещё надо добавить наличие «карманной» науки в лице Института водных проблем под авторитетной вывеской АН СССР. В Италии подобный симбиоз ведомственных и «научных» интересов назвали бы мафией, которая по натуре своей всегда преступна, и в нашей стране, как тогда считалось, существовать не могла.

А «перебросчики» умудрились даже без утверждения проекта получить немалые средства на начало работ. Писатель С.П. Залыгин, сыгравший огромную роль в разоблачении авантюры с «проектом века», называл сумму 500 миллионов - 1 миллиард рублей (в исчислении того периода). Авторы проекта пытались было обвинить его в умышленном завышении суммы, называя другую - до 140 миллионов рублей. Поразительный цинизм! Они даже не отрицали сам факт незаконного получения денег, а только «уточняли» сумму. Куда же в действительности ушли эти деньги при любом варианте сумм - останется тайной 80-х годов, так как установить истинные расходы на земляные работы (особенно в зимний период, когда они предпочтительны) практически невозможно. Зато можно с уверенностью сказать, что даже меньшей из указанных сумм (140 млн. руб.) за глаза хватило бы для своевременной разработки действительно необходимого проекта - по защите прибрежной зоны от подъёма уровня воды в Каспийском море.

Правительство России, оказавшись совершенно не готовым к опасному природному явлению, создало 1 октября 1992 года специальную **Правительственную комиссию по проблемам Каспийского моря** (распоряжение № 1814-р) и уже 17 ноября приняло ещё одно распоряжение (№ 2104-р) о мерах по защите населения и уменьшению ущерба

в связи с резким подъёмом в нём уровня воды. Особая опасность угрожала более низкому северному побережью, и пришлось в срочном порядке разрабатывать программу, утверждённую затем постановлением Правительства от 7 октября 1993 года № 1016 «О программе инженерной защиты г. Астрахани от затопления и подтопления». Но этим дело не ограничилось, и Правительству пришлось принимать ещё два постановления: «О дополнительных мерах по защите населения и решению других проблем, связанных с подъёмом уровня Каспийского моря» (от 5 января 1995 г. № 13) и «О первоочередных мероприятиях на 1996-1997 годы по защите населения и предотвращению затопления хозяйственных и других объектов, расположенных на побережье Каспийского моря» (от 23 марта 1996 г. № 328). С ужасом представляю себе ситуацию, когда к случившемуся подъёму уровня Каспия добавлялись бы ещё по 100 кубокилометров в год северной воды, за что ратовал главный инженер «проекта века» А.С. Березнер и против чего решительно восстал академик А.Л. Яншин на заседании правительственной Комиссии 13 августа 1982 года.

Это лишь один пример итогов многогранной “деятельности” Минводхоза СССР. Но такая “деятельность” почему-то высоко оценивалась государством (в буквальном смысле!). Известный писатель Валентин Распутин, в частности, сообщает (“НТР”, 1989, №1): “Мне кажется, только Министерство мелиорации и водного хозяйства нанесло экономический урон, равный которому наша страна понесла в годы Отечественной войны. И ни один волосок не упал с головы министра Васильева. Напротив, после того, как приняли постановление о приостановке работ, связанных с поворотом северных и сибирских рек, Васильев получил орден Ленина”.

Активная и многоплановая деятельность Александра Леонидовича в «экологический период» не могла, конечно, оставить без внимания другие разрушающие природу и подрывающие народно-хозяйственные основы циклопические проекты. К их числу следует отнести строительство канала «Волга-Чограй», Ржевского водохранилища, Катунской ГЭС в Горном Алтае, сверхскоростной железной дороги Санкт-Петербург - Москва. Причём последний проект был отклонён под напором общественного мнения, несмотря даже на положительное заключение Государственной экологической экспертизы и поддержку Госкомэкологии России, что само по себе является событием уникальным.

Вне всякого сомнения войдёт в историю российского экологического движения сопротивление проекту строительства Катунской ГЭС, который в отличие от рассмотренного «проекта века» можно отнести, образно выражаясь, к «документам нового поколения». Разработанный на старых организационно-подготовительных и содержательных принципах («родителем» тоже был могущественный монстр - Минэнерго СССР, а «научную» поддержку обеспечивал Институт водных и экологических проблем СО АН СССР), данный проект на завершающей стадии попал в период перестройки и сформировавшейся уже среды общественной активности. Поэтому он не мог избежать широкого обсуждения, в том числе в средствах массовой информации, которое продолжалось более двух лет. Кроме того, ставший в марте 1989 года народным депутатом академик А.Л. Яншин поднял вопрос о целесообразности строительства этой ГЭС на первом Съезде народных депутатов СССР. В итоге Государственная экспертная комиссия Госплана РСФСР дала проекту объективно отрицательную оценку, несмотря на мощное лоббирование из центра в его поддержку.

Проект рассматривался 12 сентября 1989 года на заседании президиума Совета Министров РСФСР под председательством премьера А.В. Власова. В заранее заготовленном решении по испытанному сценарию, как с проектом «переброски», данный проект намечалось одобрить, но с проведением новых очевидных исследований и разработкой дополнительных мер. Надо отдать должное А.В. Власову, который согласился с таким сценарием, несмотря на мощнейшее давление из центра сторонников строительства Катунской ГЭС - «не усложнять ситуацию». Чтобы всё походило на естественный ход событий (раз общественность настаивает!), премьер

распорядился перенести заседание в зал побольше и пригласить всех желающих специалистов принять в нём участие. А по составленным спискам таковых насчитывалось более 150 человек, причём половина специально приехала из Горного Алтая. «Пусть народ выскажется, а там посмотрим», - таковы были заключительные слова премьера.

И народ высказался. У меня сохранилась стенограмма на 300 страницах этого удивительного заседания, не имевшего аналогов в правительственной практике. Длилось оно 12 часов, пока не высказались все желающие. Стенограмма зафиксировала 66 выступлений и массу вопросов с ответами. Не вдаваясь в детали обсуждения, отмечу лишь, что превзошло оно все ожидания. Решение пришлось, конечно, менять, но уже откровенно не оставалось никаких надежд на возможные перспективы строительства злополучной ГЭС, хотя руководство Минэнерго СССР и местные власти при поддержке союзного центра предпринимали неоднократные попытки изменить ситуацию. Окончательно вопрос был закрыт лишь в 1995 году. И время показало правильность такого решения. Горный Алтай остался единственным экологически чистым регионом в России с уникальными возможностями для развития оздоровительной индустрии туризма и отдыха, что сегодня весьма актуально для нашей страны.

Приведенные примеры по отклонению двух суперпроектов показывают своеобразную динамику развития общественной экологической активности в России и то, насколько нелегко было это дело начинать, да и продолжать тоже, как можно многого добиться усилиями общественности в интересах природы и государства, если объединиться и сообща идти к поставленной цели, несмотря на ведомственные хитрости и лоббистские ухищрения.

А теперь стоит вспомнить, что у истоков развития глубоко патриотического и нравственного движения сознательно встал человек далеко не молодой - в возрасте более 70 лет. И сознательно потому, что для него был неприемлем период антипатии и безразличия к природе со стороны мощных и процветающих пользователей её ресурсами, не считающих нужным заглядывать даже на несколько лет вперёд по поводу возможных последствий от результатов собственной деятельности. И ещё, мне кажется, потому, что он был уверен в своём авторитете и своих физических возможностях, а также в несомненном уважении к нему простых людей, откровенно любящих природу и Родину.

Но одно дело «встать у истоков» и лишь организовывать, совсем другое - активно участвовать длительное время в самом процессе, как, например, став депутатом в 78 лет, активизировать общественное мнение против строительства Катунской ГЭС или в 80 лет начать масштабное и кропотливое издание всего научного наследия великого В.И. Вернадского, а в 84 года возглавить Российскую экологическую академию, выступив затем на Всероссийском съезде по охране природы с разъяснениями её необходимости, целей и задач. И вся эта работа выполнялась совершенно бескорыстно. Такое удивительное отношение к природе, жизни и активной деятельности было присуще академику А.Л. Яншину.

Писатель С.П. Залыгин так, например, охарактеризовал работу возглавляемой А.Л. Яншиным экспертной Комиссии, обобщённый доклад которой на президиуме Совета Министров СССР в июле 1986 года решил судьбу проекта по переброске стока северных рек на юг (Позиция. - М., «Советская Россия», 1988): «Именно потому, что комиссия была общественной, она проделала работу, не выполняемую ни для ведомства, ни для самой академии (имеется в виду АН СССР - В.П.), ведь она обращалась за участием и помощью к любому научному учреждению, к любому добровольному обществу и к любому гражданину. И никогда, ни разу не получала отказа, наоборот, «предложение» многократно превышало «спрос». Не было у

комиссии ни канцелярии, ни машинисток, ни стенографисток, но и тут находились добровольцы, они вели «дела», и дело шло».

Вне всякого сомнения, патриотический энтузиазм - дело, конечно, хорошее. Он всегда был свойственен нашему народу, и благодаря этому мы имеем многие достижения. Но постоянно делать ставку на энтузиазм, особенно при решении массы возникающих мелких технических вопросов, тоже нельзя. Необходима хоть какая-то организационная структура с управленческими компонентами. Это прекрасно понимал Александр Леонидович, пытаясь убедить в конце 80-х годов президента АН СССР Г.И. Марчука в целесообразности создания в Академии наук специального экологического отделения. Тем более, что события последних лет со всей очевидностью требовали уже официального подключения «интеллектуальной власти» к решению назревших и очень непростых экологических проблем.

Ради объективности надо сказать, что предложение академика А.Л. Яншина сначала нашло поддержку. Даже составленная им «Программа экологических исследований Академии наук СССР» была одобрена в декабре 1989 года на общем собрании академии. Но дальше дело не пошло под простым предлогом, что вопросами экологии должны заниматься все, а не только отдельные специализированные структуры. Думаю, нет необходимости объяснять причину такого финала, если вспомнить, хотя бы, «экологические интересы» упомянутых выше Минводхоза СССР или Минэнерго СССР и обеспечивавших их практическую деятельность академических институтов.

Однако академика А.Л. Яншина, хорошо представлявшего последствия от ухудшения экологической обстановки, такой финал, естественно, не мог устроить. Он продолжал искать выход и нашёл его, создав с группой известных учёных в 1992 году Российскую экологическую академию (РЭА), позволившую объединить в рамках этой крупной общественной организации за три года прогрессивные научные силы страны экологической направленности. И первое общее собрание академии, состоявшееся 31 мая 1995 года, избрало его своим президентом. А через три дня президент РЭА выступил перед делегатами Всероссийского съезда по охране природы с необычным предложением: «Было бы правильно, по мнению нашего общего собрания академии, если бы вы в своём решении учли пожелание сделать в б у д у щ е м Экологическую академию г о с у д а р с т в е н н о й (разрядка моя - В.П.). Это не потребовало бы затрат, но, имея такой флаг, мы могли бы принять на себя экологическую экспертизу всех проектов, как частных, так и акционерных, и эта экспертиза была бы строго научной, объективной и помогла бы администрации принимать правильные решения».

Смысл предложения заключался в том, что в затяжной период радикальных рыночных преобразований надеяться на объективную экологическую экспертизу, даже со стороны уполномоченной государственной структуры (ГЭЭ), было рискованно. И это вскоре подтвердилось при экспертировании проекта сверхскоростной железнодорожной магистрали Санкт-Петербург - Москва. Наиболее объективную и аргументированную экспертную оценку проектов в такой обстановке могла осуществить нейтральная и независимая по сути своей фундаментальная наука при наличии соответствующих полномочий, что явилось бы вполне обоснованным решением для критического периода, объективно требующего регулирования процессом формирования позитивной экологической обстановки со стороны государства.

Но этот призыв академика А.Л. Яншина, к сожалению, не был услышан, скорее всего, по причине недопонимания, так как делегаты съезда, чему я свидетель, на него просто не обратили внимания, и он даже не возникал при обсуждении итоговой резолюции. А если бы возник, то, я уверен, в ход пошли бы субъективные соображения руководства Минприроды России (в тот период), которое, имея в своём ведении Государственную экологическую экспертизу (ГЭЭ), делиться с кем-то ещё столь

важными функциями, конечно, не собиралось. Поэтому в резолюцию съезда предложение всё равно не прошло бы, хотя сам процесс обсуждения мог иметь положительное значение.

Александр Леонидович, по моим наблюдениям, обладал редким интеллектуальным качеством - не навязывать насильно личного мнения по вопросам, находящимся за пределами современного понимания. Такое свойственно людям, которые видят намного вперёд характер развития событий и могут довольно точно предугадывать реальную обстановку на будущее. Но кричать об этом они не будут, понимая свою особенность в современном мире. И в этом по-своему трагична судьба таких людей.

Академик А.Л. Яншин успел при жизни реализовать давнишнюю, я полагаю, свою мечту, основав в конце 1997 года печатный орган для высказывания, в том числе, собственных убеждений - журнал-вестник Российской экологической академии «Экология России». Большую вступительную статью в первом его номере «Глобальные экологические проблемы на рубеже XXI века» он завершил словами, над которыми полезно задуматься: «А экологом может быть только тот человек, который думает не о личной наживе, а о благе других людей, причём не только живущих сейчас, но и будущих поколений». Короче, эколог - не профессия, а подвижничество, основанное на убеждении. Именно в этом сила настоящего эколога, его неоспоримые преимущества перед временщиками всех мастей, в этом его объективная востребованность для нормального развития человеческой цивилизации.

И приведённые выше слова - точный портрет, прежде всего, самого автора.

На этой ноте, по предварительному замыслу, я собирался завершить свой «взгляд со стороны» на человека, которого близко знал сравнительно мало, но незримое присутствие которого постоянно ощущал многие годы, занимаясь по долгу службы тоже экологическими проблемами, выверяя собственный курс по его выступлениям и печатным работам, редко - по телефонным звонкам. Со стороны такие отношения между людьми с одинаковыми профессиональными интересами могли бы показаться странными. Но в действительности было совсем не так.

Я близко увидел впервые маститого учёного на памятном для меня, в том числе и поэтому, заседании правительственной Комиссии 13 августа 1982 года. Уже тогда не составило особого труда разглядеть в нём незаурядную личность. Он вёл себя на том заседании тоже странно, всё время слушал и молчал, несмотря на бурные дебаты, а на завершающей стадии поднялся и произнёс минутную речь, которая по существу и решила исход дискуссии, а через четыре года - и окончательную судьбу обсуждаемого «проекта века». Разве не интересно было после происшедшего понаблюдать за дальнейшими деяниями этого человека?

И ещё. Он очень импонировал своей выдержкой, откровенным нежеланием влезать в дела других, навязывать своё авторитетное мнение, если об этом не просят. Я знал, например, что он внимательно следил за природоохранной деятельностью и разработкой документов, в частности, по устойчивому развитию в аппарате Правительства, но никогда не вмешивался, предпочитая высказаться по итоговым результатам. Всё это походило на незримое содружество, которое не угнетало, а, наоборот, придавало силы и уверенность.

Но мне уже тогда казалось, что выдающиеся результаты конкретной деятельности и сама личность академика А.Л. Яншина оставались недооценёнными и даже, возможно, недопонятыми по своей глубокой научной и практической значимости. Такое навязчивое впечатление особенно усилилось в последнее время, когда Александра Леонидовича уже не стало, и начали происходить подвижки не в сторону увековечивания его памяти, а скорее наоборот.

29 марта 2000 года в Российской академии наук проходила научная конференция «Яншинские экологические чтения», посвящённая дню рождения учёного. Организаторами конференции были РЭА, РАН и Госкомэкология России. Я с благодарностью принял приглашение в ней поучаствовать. Но, несмотря на наличие интересных докладов, она производила впечатление дежурного мероприятия отсутствием душевного уважения к памяти недавно ушедшей выдающейся личности. Сравнительно небольшой уютный зал оказался заполненным наполовину, присутствовало около 50 человек. Сразу подумалось тогда, что одному из организаторов конференции - Госкомэкологии России вполне посильно было заполнить небольшой зал своими сотрудниками с пользой для них самих. На чём же ещё воспитывать нынешнее поколение экологов, как не на уникальном примере жизненного пути А.Л. Яншина? Хотя бы ради этого...

Но главное - в другом. Среди действительно интересных докладов и выступлений прозвучал из уст уважаемых учёных ряд принципиальных высказываний, искажающих, на мой взгляд, позиции академика А.Л. Яншина. Их я постарался записать. Речь шла об известном документе - «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», которая была разработана по заданию Правительства РФ, «следуя рекомендациям и принципам, изложенным в документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992)», и утверждена Указом Президента РФ в 1996 году.

Не заостряя внимания на сообщениях, что А.Л. Яншин выступал, якобы, против «правительственной концепции», и на высказываниях типа: «В концепции Правительства всё подано наоборот», приведу одно прозвучавшее вполне конкретное предложение: «Надо собраться академикам (имеется в виду РАН - В.П.) и определиться с концепцией по устойчивому развитию, но не той, которая разработана в Правительстве, а выработать свой вариант». Конечно, любой академик может и должен высказывать свою позицию по принципиальным вопросам, но зачем это делать на мероприятии, посвящённом памяти человека, имевшего по этой проблеме другое мнение?

В перерыве я подошёл к Ф.Т. Яншиной, держа в руках уже упомянутую её монографию. Она сразу всё поняла и только горестно махнула рукой. Но я решился задать вопрос: «Фидан Тауфиковна, как такое может быть? Вы бы хоть дали вашу книгу этим учёным почитать. Там ведь говорится о совсем другом отношении к документу. Или Александр Леонидович был действительно иного мнения?» - «Что вы! - возмутилась она. - А книгу я подписала и всем подарила, но ведь они сейчас ничего не читают». Солидная её монография, между прочим, завершается таким абзацем: «Особенное значение дальнейшая разработка учения В.И. Вернадского о ноосфере приобретает сейчас, после подписания Президентом страны 1 апреля 1996 г. Указа № 440, в котором утверждена представленная Правительством Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Концовка её глубоко символична: «Движение человечества к устойчивому развитию в конечном счёте приведёт к формированию предсказанной В.И. Вернадским сферы разума (ноосферы), когда мерилom национального и индивидуального богатства станут духовные ценности и знания Человека, живущего в гармонии с окружающей средой».

На конференции прозвучала ещё одна любопытная фраза: «Российской экологической академии надо взять на себя координирующую роль по устойчивому развитию». И это правильная постановка вопроса. Уставом академии предусматривается «разработка и реализация стратегии устойчивого экологически безопасного развития России в целом и отдельных её регионов», а основатель РЭА академик А.Л. Яншин старался следовать этой цели. В начале 1999 года возглавляемый им редакционный совет журнала «Экология России» решил выпустить третий номер, ориентированный на предстоявшие тогда в декабре очередные выборы в

Государственную Думу и постановку, в связи с этим, ключевых экологических проблем. Одной из тем, естественно, было «устойчивое развитие».

В марте месяце редакция журнала обратилась ко мне с просьбой написать по данной теме статью, объяснив суть замысла и целесообразность изложения постановочных вопросов. Через неделю статья «Устойчивое развитие - магистральный путь России в XXI веке» была готова. В ней, в частности, говорилось, что «переход России к устойчивому развитию может стать той самой объединяющей национальной идеей», которую уже несколько лет по заданию Президента РФ безуспешно ищут демократические партии и движения, хотя вполне очевидно, что нет более сильного стимула, чем самая реальная угроза существованию людей в предстоящем веке от надвигающегося экологического кризиса.

Спустя три месяца мне позвонил ответственный секретарь журнала Р.Г. Мелконян и сообщил, что номер уже укомплектован, весь подобранный материал находится на личном просмотре у академика А.Л. Яншина и, видимо, в сентябре уже будет готов макет, придётся подъехать, вычитать статью перед окончательной сдачей номера в набор. Я выполнил эту просьбу. Одновременно ознакомился со всем материалом. По проблеме «устойчивого развития» здесь имелась ещё статья А.Д. Урсула - президента Международной академии ноосферы (устойчивого развития), а препровождался весь материал обширным интервью академика А.Л. Яншина.

Поскольку это интервью оказалось утраченным (о чём речь впереди), стоит привести один абзац из него, который многое ставит на свои места: «Мы активно участвовали в обсуждении проекта перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Прошло уже почти четыре года после конференции в Рио-де-Жанейро, и 1 апреля 1996 г. Борис Николаевич Ельцин подписал хорошо известный Указ № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», который нашёл всеобщее одобрение в кругах научной и технической интеллигенции. На основании решений и рекомендаций конференции в Рио-де-Жанейро Указ устанавливал конкретные направления предстоящих перемен в России. В заключении этого документа отмечалось, что намеченный мировым сообществом путь развития человечества прозорливо указывал ещё в первой половине XX века великий учёный В.И. Вернадский, развивая учение о ноосфере».

Вполне понятно, что я не мог не позвонить Александру Леонидовичу и не поблагодарить его за бережное отношение к моей статье и объективную оценку Концепции, в разработке которой мне тоже пришлось принимать участие. Это был наш последний телефонный разговор в конце сентября 1999 года. Через две недели Александра Леонидовича не стало. Выход журнала застопорился, нужно было отразить в нём понесённую утрату - поместить некролог и прочее. Вполне объяснимые причины.

Так в действительности обстояли дела с “координирующей ролью Российской экологической академии по устойчивому развитию” в бытность А.Л. Яншина её президентом. А вот что стало после озвучивания на конференции 29 марта 2000 года обеспокоенной фразы “надо взять на себя координирующую роль” по данной проблематике.

Уже через месяц после этой конференции мне вновь позвонили из редакции журнала “Экология России” и сообщили, что всё связанное с устойчивым развитием - статьи А.Д. Урсула, мою и... предисловие-интервью А.Л. Яншина, решено из журнала исключить. Причина - летом в Государственном Кремлёвском Дворце состоится съезд Всегражданского Христианского Союза, на котором ожидается присутствие Президента РФ и, возможно, членов Правительства. В связи с этим требуется вместо убранного материала включить дополнительный, отвечающий тематике съезда, чтобы раздать журнал всем делегатам и гостям съезда. Времени очень мало, вы же понимаете?

Я, конечно, понимал необходимость съезда для Христианского Союза и совсем даже не оспаривал у его инициаторов приоритетность “духовных основ глобального подхода к решению социокультурных проблем современности” перед общепризнанной проблемой “устойчивого развития”. Но никак не мог понять тогда и не понимаю до сих пор: причём здесь журнал “Экология России”, Российская экологическая академия и основатель того и другого академик А.Л. Яншин? Почему выпестованные на исходе долгой жизни “плоды” подвижнического труда этого великого учёного-труженика должны без учёта прижизненных его позиций и целей беспартийно предоставляться в услужение инициаторам другого дела?

В своём обращении к читателям редакция вышедшего в 2000 году журнала “Экология России” (без указания почему-то очередного номера) приводит замечательные слова: “В канун съезда Всегражданского Христианского Союза рассматривая на страницах нашего журнала проблемы экологии России, мы обращаемся к заповеди Иисуса Христа: **“Возлюби ближнего твоего , как самого себя”**. Свои добрые отношения люди творят в единой среде обитания. Очевидно, сколь чиста, сколь благодатна будет эта среда, столь полно выразятся **наши добрые отношения друг к другу** (выделено редакцией журнала. - В.П.)... Мы исходим из того, что соединение христианских ценностей с экологической культурой и этикой является тем базисом, который послужит успешному решению экологических проблем России...”

Уверен, что желаемое “соединение” не послужит успешному решению этих проблем, если на деле не будет выполняться приведённая выше заповедь Иисуса Христа. О каком исполнении её, к примеру, может идти речь, если “призыватели” к соблюдению христианского завета сразу постарались забыть о человеке, который усилиями своего труда и интеллекта создавал ту самую “единую среду обитания”, где и должны “выражаться наши добрые отношения друг к другу”, и который в последние месяцы жизни обеспечил формирование и подготовку журнального материала, послужившего новым его издателям базисом для провозглашения лозунга о “соединении христианских ценностей с экологической культурой (!) и этикой (!)”. В итоге - ни единого упоминания об академике А.Л. Яншине ни на одной из почти 100 страниц вышедшего журнала, не говоря уж об обещанном некрологе или, хотя бы, кратком сообщении о его кончине. Ни единого! Если не считать перечня (в самом конце) опубликованных за последнее время 22 книг по экологии, две из которых посвящались материалам конференций, связанных с памятным датами жизненного пути учёного.

Но Бог, оказывается, действительно существует. Он не внял даже красиво напечатанному в журнале тексту: “Читатели и редакция поздравляют Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго со славным десятилетием служения Русской Православной Церкви во имя процветания нашего Отечества”. Патриарх всея Руси, истинно следуя “христианским ценностям”, в день открытия съезда запретил его проведение, несмотря на то, что стали собираться делегаты и были понесены существенные затраты, связанные в том числе с арендой огромного Государственного Кремлёвского Дворца на 4, 5 тысячи посадочных мест. Называются разные причины столь ответственного решения. Одна из них - Патриарх даже не знал, что готовится такой съезд. Приводятся и другие, не менее серьёзные мотивы, хотя это уже и не так существенно.

Гораздо важнее - присутствующая в эпизоде с журналом, так откровенно забывшего своего создателя, общая причинная основа начавшейся в стране масштабной “утраты памяти”.

Как известно, 30 января 2001 года в Московском доме учёных состоялся первый Общенациональный экологический форум России на тему “Экологическая доктрина России и стратегия устойчивого развития”. Небольшая группа учёных и руководителей

ведомственных и предпринимательских структур (50 человек) при поддержке Администрации Президента РФ почему-то решила, что проблемами экологии в России раньше не занимались и что такая постановка вопроса теперь назрела через разработку специальной Экологической доктрины России в “контексте становления общенациональной стратегии устойчивого развития”. Вроде и нет популярных уже во всем мире трудов В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере, не было подвижнических усилий в этом направлении академиков А.Л. Яншина, В.А. Коптюга и многих других, не разрабатывались основные направления перехода России к устойчивому развитию крупнейшими учёными (А.Д. Урсул, К.С. Лосев и др.), не обсуждались экологические проблемы на Всероссийском съезде по охране природы (1995), не существует утверждённой Президентом РФ Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (1996) и не разработан проект государственной стратегии устойчивого развития РФ, а в 1989-2000 годах не функционировал специализированный государственный природоохранный орган, отвечавший за охрану природы и разработку государственной экологической политики.

Как будто не проходила в Нью-Йорке 23-29 июня 1997 года Специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН (нью-йоркский саммит “Рио+5”), где подводились итоги реализации принятых в 1992 году документов Рио и где глава делегации России тогдашний премьер В.С. Черномырдин на весь мир заявил (дословно) следующее: “... Предназначение нашего нынешнего авторитетнейшего форума - придать новый мощный творческий и организационный импульс международному природоохранному сотрудничеству. При этом принципиально важно на деле обеспечивать закреплённый в Рио баланс интересов всех групп государств, включая страны с переходной экономикой. Россия в нынешних непростых условиях делает максимум возможного для поддержки усилий мирового сообщества в решении приоритетных глобальных проблем, выполняет взятые на себя обязательства. Весной 1996 года принята Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, в настоящее время продолжается интенсивная работа над проектом государственной стратегии, направленной на реализацию целей, сформулированных в программных документах Конференции ООН в Рио”.

Можно ли без определённой, конечно, цели “забыть” обо всём этом?

По данному поводу весьма любопытны откровения заместителя начальника Главного управления внутренней политики Администрации Президента РФ С. Абрамова (“Спасение”, февраль 2001 г., № 4): “Я очень надеюсь, что идея организаторов этого форума сделать его не формальным, а постоянно действующим собранием (!), вырабатывающим некие (!) экологические основы существования (!) страны, всё-таки осуществится... Я, по крайней мере, всегда (!) считал, что эколог - это тот, кто крестом раздвигает руки и говорит: “Не пушу!” Нет, существуют нормальные, конструктивные, прагматические экологи, которые прекрасно знают, как надо. Именно - не как нельзя, а как надо (!)... Они (организаторы форума - В.П.) к нам пришли, самые первые инициаторы, сначала их было человек пять, потом их стало больше. К форуму подходили с таким неформально существующим оргкомитетом. Они пришли на фоне проходившего так называемого природоохранного референдума, который не столько (!) защищал природу, сколько (!) защищал федеральные структуры, расформированные (!!) Президентом. Они пришли и сказали: “Как вы отнесётесь, если мы организуем нечто (!), что будет заниматься именно конструктивными вопросами охраны родной экологии?” Как к этому можно было отнестись?”

Периодическая печать приоткрыла потом тайну организуемого “нечто”, которое устраивало Администрацию Президента. Оказывается, разработка Экологической доктрины России “может” рассматриваться как весомая президентская инициатива в начале нового тысячелетия и основа для подготовки к крупнейшему событию в жизни мирового сообщества - саммиту в 2002 году (“Рио+10”). И ещё: “Такая разработка актуальна и по той причине, что до сих пор в основных документах по стратегическому

развитию страны и, в частности, в утверждённом Правительством РФ в июне 2000 года Плане действий в области социальной политики и модернизации экономики на 2000-2001 годы, “экология” упоминается всего один раз, исключительно в привязке к развитию топливно-энергетического комплекса” (“Спасение”, февраль 2001 г., № 4).

Но поставленная в оперативном порядке “новая” задача не из лёгких. На нью-йоркском саммите “Рио+5” в 1997 году Россия уже доложила мировому сообществу о принятии и дальнейшей разработке основополагающих своих документов по устойчивому развитию. От неё ждут теперь следующих прогрессивных шагов, как от страны с огромной территорией и мощным природным потенциалом, способной существенно влиять на сохранение биосферы Земли. А что докладывать на саммите “Рио+10” в 2002 году? За период с 1997 года вместо продвижения вперёд в стране оказались упразднёнными все государственные природоохранные структуры, включая подразделения в Администрации Президента, Аппарате Правительства и сам Государственный комитет по охране окружающей среды. Поэтому не случайно в указанном “Плане действий...” лишь единожды упоминается слово “экология”, хотя, согласно Конституции Российской Федерации, охрана природы - важнейшая компонента социальной политики.

Стоит лишь высказать недоумение по поводу заявлений инициаторов “общенационального” форума, что экологическая доктрина будет готова вчерне к концу 2001 года, а “летом следующего, 2002 года, на экологической конференции глав государств “Рио плюс 10” Россия обязана будет выступить уже с готовой концепцией по экологии” (“Спасение”, февраль 2001, № 4). Во-первых, упомянутая конференция будет не экологическая, а по устойчивому развитию (как в Нью-Йорке), и её участников будут интересовать прежде всего стратегические документы по устойчивому развитию, а не “концепции по экологии”, которые являются лишь составной частью этих документов. Так предусмотрено решениями Конференции ООН в Рио. Во-вторых, при современном положении природоохранных дел в России подготовить к лету 2002 года заслуживающую внимание “концепцию по экологии” с учётом требований документов Рио, да ещё при необходимости изначальной разработки “экологической доктрины”, совершенно нереально. Если вообще имеет смысл это делать при озвученной уже на нью-йоркском саммите “Рио+5” Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Тогда сразу возникает вопрос: зачем проводился “общенациональный” форум, для чего нужны и кого должны устраивать новые директивные “экологические” документы при отсутствии в стране специализированных природоохранных органов, которые, конечно же, не случайно были упразднены?

Ответить на этот вопрос не составляет особого труда на примере, хотя бы, скандальной истории по поводу разрешения ввоза в Россию радиоактивных отходов из зарубежных стран. За такой проект закона (в первом чтении) проголосовала в марте 2001 года Государственная Дума подавляющим большинством голосов (против всего 36). Причём, обсуждения практически не было, что свидетельствует о кулуарном решении вопроса. Не вдаваясь в содержательную суть самой проблемы, которая хорошо известна, отмечу только, что избранные народом слишком подозрительно так дружно поддержали законопроект, зная об особой декларации ООН, признающей аморальным вывоз радиоактивных отходов за пределы страны-производителя, не говоря уже о губительности этой акции для нашей страны.

Голосовавшие дружно “за” депутаты, по сообщению профессора А. Портнова (“Спасение”, март 2001, № 10), “повторяют слова министра атомной энергетики Е. Адамова (теперь уже бывшего министра - В.П.) о том, что РФ располагает уникальными высокими технологиями, позволяющими успешно перерабатывать отходы атомных реакторов... Экономическая выгода очевидна: США готовы уплатить за 20 тыс. т высокорadioактивных отходов 20 млрд. долларов, которые оживят нашу атомную промышленность. К тому же Минатом России (уверенный в успехе

голосования - В.П.) уже закупил зарубежное новейшее оборудование в Германии для утилизации радиоактивных отходов”.

Как не может показаться странным, что у депутатов, голосовавших “за” и дававших наверняка своим избирателям лучезарные обещания, не возникли сомнения, почему неглупые “западники” готовы привезти в Россию такую массу ценнейшего, по уверению Минатома, сырья и приплатить ещё кругленькую сумму долларов? Несколько поменьше, правда, той суммы, которая каждый год нелегально утекает за границу из нашей же страны. Почему официально не пригласили на заседание Думы настоящих учёных и не обсудили вместе этот вопрос? Учёные могли бы наверняка напомнить, что радиоизотопы цезия и стронция, образовавшись в атомных реакторах, исчезнут теперь через 300 лет, а ядовитейший плутоний, которому суждено существовать 240 тысяч лет, превратится через 50 лет в ещё более мощный альфа-излучатель америций, а тот - в совсем уж страшный элемент кюрий. И что самые надёжные упаковочные материалы для хранения высокорadioактивных отходов под воздействием длительного и мощного излучения будут терять первичную структуру и неминуемо разрушаться.

Если на мгновение допустить, что замысел Минатома, поддержанный Думой, осуществится, то ХХI век для возможного проживания людей на территории России может стать последним. Такова настоящая цена вопроса, и потому не могла дёшево обойтись Минатому дружная депутатская поддержка законопроекта в первом чтении.

Не вызывает сомнения, что позорная афёра с радиоактивными отходами готовилась заранее. Для этого требовалось устранить или хотя бы резко ослабить “экологический пресс”, и первый шаг в этом направлении был сделан ещё в августе 1996 года, когда при очередном совершенствовании государственного управления природоохранное Министерство было понижено до статуса Госкомитета. Одновременно был упразднён как самостоятельный орган Госсанэпиднадзор России, обеспечивавший независимый государственный контроль за санитарным состоянием окружающей среды, а в 1997 году была ликвидирована возглавляемая неукротимым А.В. Яблоковым Межведомственная комиссия Совета Безопасности по экологической безопасности. При заметно ослабленном “экологическом прессе” Минатом России предпринял первую попытку протащить через Думу аналогичное решение с объёмом, правда, поменьше - на 10 млрд. долларов США. Тогда эта попытка не удалась. В печати появилась информация о “тайном соглашении, по которому все эти деньги переводились... в оффшорные фирмы с подставными фамилиями за пределами РФ” (“Спасение”, март 2001, № 10). Впервые закралось подозрение, что столь абсурдное, на первый взгляд, ослабление экологической деятельности в стране осуществляется не просто так. К сожалению, это подтвердилось.

Вскоре удар был нанесён по самым “значимым объектам”. В 1999 году упраздняется природоохранный департамент в Аппарате Правительства РФ, а в мае 2000 года - Госкомэкология России. Примечательно, что ещё за месяц до этого на заседании президиума Центрального Совета Всероссийского общества охраны природы, на котором я присутствовал, один из надёжных источников информации неожиданно поведал, что в верхах готовится решение о ликвидации Госкомэкологии. Основной мотив такой - “... у западной границы России скопились инвесторы с 20 миллиардами долларов США и готовы её переступить, но требуют “убрать с дороги” экологический комитет.” В абсурдную идею тогда никто не поверил, но цифру “20” я запомнил хорошо. Через месяц Комитета действительно не стало, а к концу 2000 года цифра “20 миллиардов” появилась снова, уже наполненная конкретным содержанием. Главным инициатором привлечения заграничных “халявных” денег был Минатом России. И ради такой суммы “зелёных” стоило, конечно, пойти на многое...

Уникален нравственный аспект этой истории. Министра атомной энергетики Е. Адамова устраивал только полный успех в отношении отмены части 3 статьи 50 закона

“Об охране окружающей среды”, которая запрещала ввоз из-за границы радиоактивных отходов на территорию России. Если хорошо постараться и не пожалеть средств, то депутаты такой успех могли обеспечить, приняв дополнительно необходимый закон. Ну, а что дальше? Можно ли допустить, чтобы такими деньжищами распоряжался кто-то ещё или расходование их кем-то контролировалось? К сожалению, оставалась еще головная боль - Госатомнадзор России. Ликвидировать его раньше, когда существовали Госкомэкология России и другие природоохранные структуры, было невозможно - слишком много защитников. Требовалось сначала убрать их. Убрали, а государственный надзор за ядерной и радиационной безопасностью по-прежнему остаётся. Парадокс!

Созданный в соответствии с распоряжением Президента от 2 ноября 1991 года № 70-рп “О неотложных мерах по обеспечению радиационной безопасности на территории РСФСР” Госатомнадзор следующим распоряжением Президента (от 5 июня 1992 г. № 283-рп) был наделён весьма широкими полномочиями “в области государственного регулирования безопасности при использовании атомной энергии”. Вполне понятно, что принятый 21 ноября 1995 года в период доминирования “экологического пресса” Федеральный закон “Об использовании атомной энергии” (№ 170-ФЗ) возложил на Госатомнадзор весьма неприятные для Минатома функции: выдачу разрешений (лицензий) на право ведения работ в области использования атомной энергии, осуществление в данной сфере государственной экспертизы и государственного контроля. И это в закрытой, по существу, сфере деятельности! Разве можно с таким мириться, когда вот-вот польётся “золотой дождь”?

И была предпринята беспрецедентная по своему цинизму попытка пересмотра положений Федерального закона “Об использовании атомной энергии” в интересах Минатома России.

В начале декабря 2000 года мне позвонили и предложили войти в состав Высшего экологического совета (ВЭС), созданного при Комитете Государственной Думы по экологии. Одна из задач Совета - консультативная помощь в подготовке законопроектов, разрабатываемых в этом Комитете, а также выдача заключений по поступившим проектам законов и государственных программ в области экологии и рационального использования природных ресурсов. Дело нужное, и я, не задумываясь, дал согласие. Сообщили также, что первое заседание экспертной группы, возглавляемой известным учёным-экологом А.В. Яблоковым, состоится 7 декабря. Надо прибыть пораньше и предварительно посмотреть материал.

До начала заседания я ознакомился с проектом федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об использовании атомной энергии”. Этот действующий закон я хорошо знал, так как ещё в 1995 году участвовал в окончательной его доработке, и не сложно было понять замысел авторов нового законопроекта, суть которого заключалась в том, чтобы все контролирующие функции органа государственного регулирования безопасности при использовании атомной энергии (то есть Госатомнадзора России) передать органу государственного управления использованием атомной энергии (то есть Минатому России).

Это означало, что Госатомнадзор России, в случае принятия такого закона, можно обоснованно упразднить за ненадобностью со всеми вытекающими отсюда губительными последствиями для окружающей среды и населения страны. Но я спокойно отнёсся тогда к просмотренному документу, полагая, что не составит особого труда доказать его очевидную предвзятость и абсурдность. Для этого ведь и пригласили принять участие в заседании экспертной группы экологического совета самого Комитета по экологии Госдумы - единственно сохранившегося в России природоохранного органа. Тем более, что возглавляет этот Комитет член-корреспондент РАН В.А. Грачев, позиция которого в отношении отмены части 3 статьи 50 закона “Об охране окружающей природной среды”, запрещающей ввоз из-за

границы радиоактивных отходов на территорию России, общеизвестна. Она четко высказана в журнале “Экология России” (2000 г.): “Могу твердо сказать, что мы против изменения части 3 статьи 50. Потому, что ввозить отходы в страну недопустимо. Коротко и ясно”. Действительно, коротко и ясно. Какие могут быть еще сомнения?

Заседание открыл заместитель председателя Комитета по экологии и одновременно председатель Высшего экологического совета - академик РАН Р.И. Нигматулин. Разве возможна экологическая необъективность при таком руководстве?! Я впервые видел председателя ВЭС, он производил благоприятное впечатление, и подумалось тогда, что остался ещё в стране природоохранный “порох в пороховницах”, что поборемся ещё с губителями природы. Ведь от грамотного законодательства очень многое зависит. Всё вселяло уверенность и надежду.

Какая наивность!

Председатель ВЭС поблагодарил собравшихся экспертов за понимание сложных проблем, стоящих перед Комитетом по экологии, за готовность оказать содействие в подготовке важных документов. “Мы и впредь будем советоваться с вами, - заверил председатель ВЭС. - А теперь пусть каждый встанет и представится, познакомимся поближе”. С такой процедурой совещания я сталкивался впервые, но не придал этому значения.

“Сегодня вам предстоит, - продолжил председатель ВЭС, - высказать своё квалифицированное мнение как экспертов о законопроекте, внесённом в Думу в порядке законодательной инициативы группой депутатов...” - “Кто внёс?” - неожиданно последовал вопрос. Председатель ВЭС, смутившись, назвал себя и ещё трёх депутатов, среди которых запомнился А.И. Лукьянов из фракции КПРФ. Это известие сразило меня наповал. Заместитель председателя нынешнего Комитета по экологии Р.И. Нигматулин и бывший председатель Комитета по законодательству А.И. Лукьянов - какая связка! У первого хоть брат является одним из руководителей Минатома России, но никогда не думал, что второй - специалист в области атомной энергетики. Какое же “искусство убеждения” пришлось кому-то употребить, чтобы рассудительный Анатолий Иванович подписал такой законопроект? Мне стало ясно всё. Судьба документа предрешена, а этот организованный спектакль с приглашением экспертов не что иное, как прикрытия для успешного его прохождения при последующем голосовании в Думе. Похоже, теперь за российскую природу заступиться некому.

Как не вспомнить было историческое заседание правительственной Комиссии 13 августа 1982 года и выступление на нём А.Л. Яншина! За истекшие почти 20 лет страна стала совсем другой, но отношение к природе почти не изменилось, лишь изощрённее и наглее стали протаскиваться губительные для неё и людей проекты и методы хозяйствования, свойственные, несомненно, идеологии дикого рынка и возросшего индивидуализма с чертами сиюминутной выгоды, решительно осуждёнными на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро. Только не было уже Александра Леонидовича.

Находясь под впечатлением неожиданного для себя открытия, я не сдержался и заявил, что рассматриваемый законопроект - одно из звеньев общей цепи сознательных действий по уничтожению в стране природоохранных структур с целью достижения определённых ведомственных интересов. Меня тут же остановил Р.И. Нигматулин: “Прошу не делать бесполезных политических обобщений. Демагогии у нас хватает. Нам нужна конкретика по законопроекту”. Хорошо. Зачитываю из полученного документа шестую поправку по статье 23 действующего закона. Поправкой предлагается исключить из текста слова: “выдачу разрешений (лицензий) на право ведения работ в области использования атомной энергии”, “экспертизы и”, “контроля”, то есть отражающие функции Госатомнадзора. Объясняю, к каким последствиям это приведёт. “Не может быть, - возмущается Р.И. Нигматулин, - где такое написано?” Показываю, где. И так далее. У меня сложилось впечатление, что председатель ВЭС

“свой” законопроект даже не читал. А позже (по секрету) мне сообщили, что А.И. Лукьянов собирается отозвать свою подпись под законопроектом, значит, он его тоже не читал. Тогда почему подписывал? Интересный вопрос.

Обстановку во многом прояснил представитель Минатома России. Когда обсуждение пошло явно не в пользу ведомства, он сгоряча высказал претензии председателю ВЭС и А.В. Яблокову: “Как можно проводить заседание экспертной группы без приглашения руководящих работников нашего министерства, разработавшего законопроект?” Ему сразу возразили эксперты, напомнив, что рассматривается документ, представленный депутатами в порядке законодательной инициативы. Что тут скажешь? “Слово не воробей...” Р.И. Нигматулин долго не стал задерживаться, ушёл, сославшись на дела. Заседание экспертов завершилось, можно сказать, ничем. Договорились рекомендовать Комитету по экологии доработать законопроект с учётом обсуждения и без ущерба для Госатомнадзора России. Но намеченное на январь 2001 года следующее заседание экспертной группы не состоялось. И все же позднее с высокой трибуны Думы было заявлено о поддержке этой группой проталкиваемой авантюры.

Мысленно представляю себе ситуацию, если бы на месте крупных учёных, руководителей Комитета по экологии Государственной Думы, оказался академик А.Л. Яншин. Думаю, он повёл бы себя как в 1989 году, когда, став депутатом Верховного Совета СССР, немедленно поставил вопрос о нецелесообразности строительства Катунской ГЭС. Уверен, не возникло бы даже вопроса о разрешении ввоза на территорию России радиоактивных отходов из-за границы, и депутаты Госдумы не попали бы в пикантное положение с принятием в марте 2001 года подавляющим числом голосов в первом чтении законопроекта, разрешающего такой ввоз.

Правда, опомнившиеся вскоре депутаты не стали сразу рассматривать документ во втором чтении, отложив его на некоторое время. Объективное развитие событий вносит свои коррективы. Главный российский атомщик Е. Адамов, давно превратившийся в одиозную личность, был освобождён от должности министра. Время, конечно, “лечит”, но народным избранникам так и не удалось найти выход из тупика, куда загнали они себя сами, преследуя явно не народные интересы. Согласно регламенту, в прошедший первое чтение законопроект полагается вносить лишь дополнения и правки по конкретным статьям. В итоге закон оказался Думой принятым, хотя и при гораздо меньшем, чем в первом чтении, количестве голосов.

Во всех приведенных “картинках”, начиная с выпуска последнего номера журнала “Экология России” и кончая событиями в Государственной Думе, явно прослеживается тенденция духовной деградации общества, что особенно тревожит. Именно этим объясняется причина постепенного забвения выдающейся личности академика А.Л. Яншина, что генетически не свойственно русскому народу. Только благодаря этому стал возможен недопустимый факт “мгновенной утраты памяти” о человеке, которым могла бы гордиться любая страна, особенно в условиях наступления всеобщего экологического кризиса. 28 марта 2001 года академику А.Л. Яншину исполнилось бы 90 лет - круглая дата, весомый юбилей. Но о нём в этот день никто даже не вспомнил: ни многочисленные государственные структуры, ни бойкие СМИ, ни почитаемая в мире наша “интеллектуальная власть” - Российская академия наук, которой он преданно служил всю свою долгую жизнь.

Не было организовано в день этой юбилейной даты ни научных конференций, ни симпозиумов, ни даже простых семинаров, как это принято в цивилизованных странах. Даже рождённые им Российская экологическая академия и журнал “Экология России” не вспомнили о своем родителе. Расстроенная Фидан Тауфикиевна Яншина покинула Москву и уехала в новосибирский Академгородок, где прошли многие незабываемые годы, совместно прожитые с Александром Леонидовичем, и где, к счастью, не разучились ещё почитать своих учёных-подвижников.

Мне лично понятны истинные причины дружной “утраты памяти” властными структурами об очень популярном в стране учёном. Они очевидны. Во-первых, принятые за последние годы весьма непопулярные и абсурдные решения о ликвидации в России природоохранных органов, во-вторых - скандальная история с радиоактивными отходами. И то и другое всё сильнее беспокоит общественность. Разве можно было в такой обстановке вспоминать о юбилее А.Л. Яншина, тем более устраивать в память о нём официальные конференции и другие подобные мероприятия? Ведь это неминуемо дало бы возможность широкой общественности высказать в организованном порядке своё авторитетное мнение по указанным вопросам. А каким оно могло бы быть - пояснять не надо.

Все эти тревожные обстоятельства и заставили меня взяться за перо. Не могу спокойно наблюдать, как растворяется в небытие достояние России - память о крупнейшем учёном XX столетия академике А.Л. Яншине.

Возможно, “взгляд со стороны” на судьбу и дела этого удивительного человека на фоне происходящих у нас событий станет одним из кирпичиков в фундаменте будущего духовного памятника великому гражданину нашей страны.

“Память о любом выдающемся человеке прошлого - наше национальное богатство, и, как всякое народное достояние, оно нуждается в бережном, хозяйском отношении к себе. Очищении от наносного, пошлых и сорных плевел”. Так прозорливо точно высказывался еще двадцать лет назад по поводу этой нравственной проблемы Владимир Чивилихин в своем знаменитом романе-эссе “Память”.